

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. П. Сидорова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ
1960–1980-х ГОДОВ В МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

Ульяновск

2010

УДК 304.3
ББК 83.3 (2=Рус):78
С 34

Рецензенты:

доктор искусствоведения, профессор, зав. кафедрой теории и истории культуры
РГПУ им. А. И. Герцена (СПб) Л. М. Мосолова,
доктор педагогических наук, профессор по кафедре литературы УлГПУ
им. И. Н. Ульянова Л. И. Петриева

Научный редактор – доктор культурологии, профессор УлГТУ В. Б. Петухов

Сидорова, Г. П.

С 34

Повседневная хозяйственная культура России 1960–1980-х годов в
массовой литературе: подходы к изучению / Г. П. Сидорова. – Ульяновск :
УлГТУ, 2010. – 278 с.

ISBN 978-5-9795-0694-4

В монографии рассматриваются теоретические подходы к изучению хозяйственной сферы советской культуры через анализ массовой художественной литературы. Показываются возможности массовой литературы в изучении повседневности. Рассматривается советское массовое общество 1960–1980-х как субъект культуры, хозяйственная культура 1960–1980-х во взаимосвязи специализированного и повседневного уровней. Показываются культурные особенности советской массовой литературы, критерии и практика отбора текстов для изучения повседневной хозяйственной культуры. Прослеживается взаимосвязь трех подсистем культуры – материальной, духовной и художественной. Книга адресована культурологам, специалистам по истории России, а также широкому кругу читателей.

Печатается в авторской редакции.

УДК 304.3
ББК 83.3 (2=Рус):78

© Сидорова Г. П., 2010

ISBN 978-5-9795-0694-4

© Оформление. УлГТУ, 2010

*Посвящаю моему отцу –
Сидорову Петру Сергеевичу,
советскому инженеру и офицеру*

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Изучение хозяйственной сферы культуры было и остается актуальным потому, что хозяйство, как справедливо утверждал С. Н. Булгаков, связано с борьбой за жизнь [22]. Ведение хозяйства, производство продуктов, вещей было и остается важнейшим условием сохранения и развития жизни людей. Изучение хозяйства на повседневном уровне показывает взаимодействие микроисторического и макроисторического уровней жизни [129], взаимосвязь специализированного и повседневного уровней культуры, чем достигается целостное понимание истории и культуры.

К осмыслению советской культуры побуждают три обстоятельства: 1) нормальная для бывшего советского человека ностальгия по своему советскому прошлому, 2) желание понять это прошлое в связи с тем, что многие интерпретации и оценки его вызывают несогласие или сомнение, 3) реалии настоящего – современности.

Широко распространен тезис, согласно которому интерпретация и понимание настоящего возможны только через актуализацию прошлого. Меньше известна вторая часть тезиса: прошлое понимается только через настоящее [107, с. 183]. Многие из современных россиян имеют советское прошлое и помнят, что в условиях планово-централизованного хозяйства, с его многочисленными проблемами, многим казалось: рынок, открытое общество и плюрализм решат все проблемы. Казалось, только рынок покончит с низким массовым качеством труда, дефицитом, блатом и взятками. Российское общество уже 20 лет фактически и формально живет в рыночной экономике. Теперь открыто, в отличие от советского времени, богатые стали богатыми, а бедные – бедными. Средний класс большинством не стал. Ежедневно большинство жителей России сталкиваются с низким качеством труда

(некачественными продуктами питания, лекарствами, услугами, дорогами). Ежедневно часть российского общества сама трудится с невысоким качеством. Блата, действительно, стало меньше: не надо «доставать» деликатесы, лекарства, модную импортную одежду, мебель, билеты, книги и т.п. Но блат остался в сфере образования, здравоохранения и др. – там, где есть ограниченный доступ к бесплатным услугам. Блат остался в сфере торговли и услуг, где есть возможность получения всяческих скидок и бонусов. Коррупция пронизывает все сферы жизни современного российского общества.

Во многих современных исследованиях, посвященных советской культуре, развивается идея о расхождении официальных декларируемых ценностей и реальной жизни. В разных аспектах показывается, что высшей ценностью был не человек, а государственный план, главной целью – не всестороннее развитие творческих способностей человека, а развитие производительных сил. В нынешнем российском обществе, как показывают наблюдения и социологические исследования, человек по-прежнему не выступает высшей ценностью. Основной ценностью выступают деньги. Как считает Б. Дубин, такова «плата» за слишком большой и скоростной разрыв между богатыми и бедными, социально статусными верхами и низами, социокультурными центрами и периферией, между более-менее успешными (15-20%) и массами «лузеров» [60, с. 49]. Ради денег – высоких прибылей человека кормят некачественными продуктами питания, лечат поддельными лекарствами и т.д. Деньги налогоплательщика, также как в советское время, регулярно либо «зарывают в землю» (некачественный труд), либо воруют чиновники (т.н. «откаты»). Время от времени общество сотрясают сообщения о катастрофах с человеческими жертвами, причиной которых являются жадность собственников и стремление к максимально возможной прибыли.

Во многих исследованиях, посвященных отношению советского общества к общественной собственности, делаются выводы: на уровне массового сознания ценность общественной собственности не утвердилась. Причиной

массового расхищения государственной собственности в прошлом (1960–1980-е) считают пороки централизованно-планового хозяйства. В настоящее время к государственной, муниципальной собственности у части современного общества, преимущественно молодежи, уважения по-прежнему нет. Большинство не бережет и преумножает, а в лучшем случае, не уничтожает и безразлично.

Типичными пороками советского централизованно-планового хозяйства считаются нетерпение, штурмовщина, спешка, затыкание дыр, стремление мгновенно решить проблемы, получить сиюминутный результат, не заботясь о последствиях. В современной рыночной экономике наблюдается в новых формах все та же спешка, нетерпение, желание получить результат (прибыль) сразу и много, не заботясь о последствиях («урвать и отвалить»).

В советской культуре официально (властью) и средствами искусства критиковалось потребительство – мещанство и вещизм. В современном массовом искусстве высмеиваются пороки общества потребления.

Рыночная экономика, открытое общество и плюрализм не добавили российскому обществу стремления знать законы и уважать их. А контроля за исполнением законов стало меньше, чем при «развитом социализме». Значит – что? В чем причина проблем, пороков, практик, отличных от советских по форме, по сути – общих? Многие феномены современной культуры объясняются советским культурным наследием, сохранением советских стереотипов сознания и поведения. Многие из современных россиян продолжают чувствовать себя советскими людьми [135], следовательно, они транслируют свои ценностные ориентации и поведенческие практики. Но, может быть, дело не в социализме? Может быть, причина лежит глубже, на уровне ментальности – образа мыслей и духовных установок? Может быть, эти стереотипы вообще не советские, а входящие в ядро российской культуры, приобретенные при социализме культурно-историческую специфику? Ответы на эти вопросы, хотя бы отчасти, может дать культурологическое изучение

советской повседневной хозяйственной культуры 1960–1980-х гг. по текстам массовой художественной литературы.

Период 1960-х – начала 1980-х гг. – особый исторический рубеж, когда в советской России завершался переход от традиционного доиндустриального типа общества к массовому индустриальному, от тоталитарного (мобилизационного) – к потребительскому [73]. Литературное «открытие» повседневности как малоизведанной сферы бытия советской России началось с периода «оттепели», и произведения массовой литературы на тему повседневности появились во второй половине 1950-х.

Сегодня механизмы художественного познания в постижении феномена культуры несомненно актуализировались [271, с. 256]. В то же время, всестороннее и целостное понимание тех или иных художественных явлений часто оказывается невозможным без обращения к породившей их социокультурной ситуации [229, с. 188]. В социокультурном знании XXI века все более укрепляется мысль, что методы традиционных наук, как точных, так и гуманитарных, в их познании мира исчерпаны, и прорыв к новым смыслам возможен лишь на стыке наук [267, с. 508]. В этом направлении велика роль культурологии с ее междисциплинарным подходом к изучению предмета.

В монографии рассматриваются теоретические подходы к изучению повседневной хозяйственной культуры; возможности массовой литературы в изучении повседневности, советское массовое общество как субъект культуры, хозяйственная культура 1960–1980-х гг. как контекст произведений массовой литературы, культурные особенности советской массовой литературы, критерии и практика отбора текстов для изучения повседневной хозяйственной культуры.

ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ТЕКСТАМ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.1. Теоретические подходы к пониманию повседневной хозяйственной культуры

Ключевые понятия темы – хозяйственная культура и повседневная хозяйственная культура. В современном социокультурном знании определения хозяйственной культуры опираются на экономическую и философскую традиции осмысления этого феномена. Рассмотрение этих научных традиций, проведенное К. Ф. Завершинским, показало: с точки зрения экономической традиции культура вообще, и в хозяйственной сфере в частности, сводится к нормам и технологиям, обеспечивающим оптимальное использование ресурсов (человек здесь тоже «ресурс»), ради получения наибольшей пользы и/или удовольствия (удовлетворение потребностей). Экономическая традиция, изложенная в теории А. Смита, предполагает, что духовное развитие наилучшим образом обеспечивается цивилизованной экономикой. В свете философской традиции, сформулированной в трудах С. Булгакова и Э. Фромма, хозяйственный порядок всегда включал в себя компоненты, содержание которых существенно важнее экономических – нравственные идеалы, религиозные представления о смысле жизни, эстетические и художественные каноны, а цель экономики заключается в служении этим подлинным ценностям, так как их существование первично по отношению к хозяйственной системе. Хозяйственно-производственная деятельность способна обрести духовно-творческую значимость тогда, когда она выступает проявлением духовного развития общества. Видится справедливым вывод Завершинского, что можно просто следовать одной из традиций, но лучше найти путь их объединения [66, с. 5, 6].

Здесь необходимо коснуться вопроса о соотношении терминов «экономический» и «хозяйственный». Одними авторами они используются как синонимичные. Другие авторы рассматривают их как понятия близкие, но не тождественные: считается, что термин «экономический» имеет более узкое содержание, чем «хозяйственный». «Экономическое» понимается как совокупность специфических действий. Термин «хозяйственный» включает действия, «которые содержат одновременно экономические и неэкономические элементы. Неэкономические действия в рамках хозяйства могут преследовать достижение экономических целей неэкономическими средствами (например, присвоение чужой собственности путем угроз и насилия) или использовать экономические средства для преследования неэкономических целей (например, повышение социального статуса путем накопления капитала)» [68, с. 7]. В исследовании советской повседневной хозяйственной культуры термины «экономический» и «хозяйственный» используются как синонимичные.

У современных российских экономистов, социологов, политологов, философов и культурологов в определении сущности хозяйственной культуры прослеживается стремление объединить традиции, обозначить тесную связь хозяйства с духовной культурой общества, с ценностями и нормами, регулирующими деятельность людей. Хозяйственная (экономическая) культура понимается как «проекция» культуры на сферу социально-экономических отношений [72, с. 110]; совокупность профессиональных знаний и навыков, хозяйственных норм, ценностей и символов, необходимых для самоидентификации и выполнения хозяйственных ролей [194, с. 80]; система ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности, определяющих форму ее существования, восприятие ее обществом [69, с. 16]; целостный образ жизни со своим менталитетом, ценностями, складывающийся и развивающийся на протяжении столетий [209, с. 3]; совокупность социальных ценностей и норм, являющихся регулятором экономического поведения и выполняющих роль

социальной памяти хозяйственного развития [118, с. 20]; «не просто существующие в обществе идеальные представления о хозяйстве, а всегда и ценностные отношения (межчеловеческие) по поводу объектов – носителей ценности как в вещественной, так и в идеальной форме» [66, с. 13].

Н. Н. Зарубина в структуре хозяйственной культуры выделяет универсальные базовые ценности: труд, собственность, богатство, практицизм и рациональность, профессионализм, предприимчивость [69, с. 16-26].

При всем многообразии определений хозяйственной культуры в современном социокультурном знании, тем не менее, есть потребность сформулировать определение, основанное на широком культурологическом понимании культуры. В решении этой задачи теоретической базой выступает многолинейный эволюционизм, системный подход к исследованию культуры, (синергетика) и деятельностный подход к пониманию культуры. Исходным принципом выбора парадигмы служит понимание культуры: 1) эволюционизм: культура как совокупность форм адаптации людей, организованных в сообщества, к их природному (культурному) окружению. 2) Системный подход к исследованию культуры: культура как саморазвивающаяся система. 3) Деятельностный подход: культура – внебиологически выработанный, особый, лишь человеку присущий способ деятельности, совокупный способ и продукт человеческой деятельности. Культура – совокупность «технологий», выработанных и используемых человеком для достижения определенных целей.

В широком культурологическом понимании культура есть многосторонне-целостный способ бытия людей: «Сегодня в содержание культуры включаются не только идеи, ценности, символы, нормы, образцы поведения и общения, способы познания и упорядочения мира, религия и искусство – явления духовного и художественного порядка, но и материальные: орудия труда и оружие, жилище и производства, средства коммуникации и технологии, предметы быта и культа и т.п.» [158, с. 5]. В XX веке слово

«культура» стало ассоциироваться не только с достижениями в области науки, искусства и просвещения, но и для обозначения совокупности материальных и духовных проявлений эпохи в их переживании общественным сознанием [100, с. 157]. Далее кратко рассматриваются названные парадигмы.

Эволюционизм (в интерпретации Э. С. Маркаряна): культура как совокупность форм адаптации людей, организованных в сообщества, к их природному (культурному) окружению; как специфический способ человеческой деятельности, использующий надбиологически выработанные средства; как специфический адаптирующий механизм общественной жизни. Адаптивно-адаптирующая функция культуры – одна из фундаментальных, выражающая общую стратегию жизни. Важнейшая особенность человеческого общества как адаптивной системы – достижение приспособительного эффекта в результате постоянного адаптирующего, преобразующего воздействия на среду в процессе трудовой деятельности [144, с. 64-73, 145-146]. На основе классификации культуры на материальную и духовную сферы, на основе направленности одних элементов культуры на биофизическую сферу, других – на духовный мир людей, выделяется понятие «культура жизнеобеспечения»: система средств воздействия на биофизическую сферу (орудия труда) и система средств физического обеспечения человеческой деятельности. Особая роль культуры жизнеобеспечения состоит именно в физическом обеспечении жизнедеятельности людей. Основными компонентами духовной культуры выступает прежде всего система средств регуляции человеческой деятельности и система средств производства знаний. Вся ценностно-целевая система общества оказывается средством. Цели, ценности, идеалы являются технологиями, выступают в качестве регулятивных средств общественной жизни [143, с. 22, 23, 36, 37].

Системный подход к исследованию культуры (в интерпретации М. С. Кагана). Культура – саморазвивающаяся система. Система бытия состоит из четырех взаимопроникающих форм (модусов) – природы, общества,

человека и культуры. В системе культуры выделяются три подсистемы: материальная, духовная, художественная. В материальной культуре выделяются две области, включающие результаты практически-преобразовательной и практически-коммуникативной деятельности людей: вещественные плоды материального производства, предназначенные для человеческого потребления, а также техническое сооружения, оснащающие материальное производство. Духовная культура включает проектирование практики, совокупность знаний, ценности и ценностные ориентации и др. [88, с. 197-211]. Духовные предметы имеют трехстороннее обоснование: плодом познавательной деятельности человека является *знание*, продуктом ценностно-ориентационной деятельности – *ценность*, итогом духовно-преобразовательной деятельности – *проект*. Взаимодействие подсистем культуры выражается во взаимном опосредовании материальной и духовной деятельности. Роль материальной подсистемы определяется потребностью общества в жизнеобеспечении. Роль духовной деятельности в культуре заключается в управлении материальной практикой, которую она и опережает на идеально-проектировочном уровне, и направляет ценностями и опосредует знаниями.

Первичной, исходной и определяющей другие процессы является эволюция *материальной* культуры. Это не умаляет значения духовной активности людей, которая оказывает огромное влияние на развитие самой материальной культуры. Понятие «первичности» означает лишь то, что именно в сфере материального производства, от которого зависит жизнь человека, проявляется в первую очередь потребность совершенствования существующих производительных сил. Саморазвитие культуры имеет «пусковым механизмом» творчество в материальной практике. А духовная деятельность людей и стимулируется им, и его оплодотворяет, и ему сопротивляется (если добытые знания опровергаются новым опытом). Системное изучение культуры заключается в том, чтобы изучать эти подсистемы во взаимосвязи: «При всех несомненных различиях между материальной, духовной и художественной

сферами культуры они связаны друг с другом как подсистемы единой системы, и потому изучение истории каждой бесплодно, если она изолируется от двух других» [86, с. 323]. С одной стороны, духовная деятельность вторична по отношению к материальной, поскольку ее содержание формируется на основе материальной практики. С другой стороны, духовная деятельность первична, поскольку практические действия направляются ценностями и знаниями. Можно утверждать, что духовная культура играет двуединую роль: она первична и вторична одновременно.

Что же следует понимать под хозяйственной культурой? Опираясь на методологические принципы эволюционизма, культуру хозяйственную можно определить как способ деятельности, направленный на жизнеобеспечение, в котором неразрывно сплетены функции материальной и духовной культуры. Опираясь на системный подход к изучению культуры, культуру хозяйственную, во-первых, можно рассматривать как составную часть культуры – четвертой подсистемы бытия. Во-вторых, в трехуровневой системе культуры хозяйственную культуру можно рассматривать как способ и результат взаимодействия материальной и духовной подсистем. Поскольку культура хозяйственная базируется на потребности человека и общества в жизнеобеспечении (борьба за жизнь), следовательно, материальная подсистема и материальная практика рассматриваются как ее исходный уровень. На основе широкого культурологического понимания культуры, эволюционного и системного подходов к изучению культуры в качестве рабочего для данного исследования принимается следующее определение: *хозяйственная культура – нацеленный на жизнеобеспечение способ человеческой деятельности, система взаимосвязанных идеалов и ценностей, знаний, технологий институтов.*

Далее, для формулировки определения *повседневной хозяйственной культуры*, необходимо определиться с пониманием повседневности и рассмотреть дополнительные теоретические основания.

Повседневность. Обобщение различных точек зрения (А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Г. Гарфинкель и А. Сикурель, К. Гирц, Ф. Бродель, французские историки школы «Анналов», А. Л. Ястребицкая, Н. Н. Козлова, Э. А. Орлова, А. Я. Флиер, В. Д. Лелеко, Л. Г. Ионин, И. Т. Касавин и С. П. Щавель, Н. Л. Пушкарева, И. В. Кондаков) показывает, что повседневность охватывает «все»: трудовую деятельность, ориентированную на внешний мир, стремления, фантазирования, сомнения, реакции людей на непосредственные частные события; географические и экологические условия жизни, производственные процессы, потребности (в жилище, в питании, одежде и др.) и технологии их удовлетворения, ценности и правила, формы и институты брака, семьи; методы осуществления обыденных действий, социальные правила и предубеждения, процесс их формирования; всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворение материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, привычки сознания; восприятие официальной культуры массами, ментальности и бытовую социальную психологию, логики практики; окружающие людей вещи и то, как люди с вещами обращаются; телесный опыт; игры, желания и мечты, вербальный язык; домашнее и приусадебное хозяйство; политические предпочтения, мораль, нравственность, общественное мнение, межличностные отношения, суеверия, обыденную эстетику, житейскую мудрость, практическое знание; игры, слухи, советы; идеалы, стереотипы сознания, ценностные ориентации; установки массового сознания, регулирующие стереотипы поведения преимущественно в потребительской сфере; привычные в конкретном обществе нормы работы, отдыха, еды, воспитания детей, семейных и любовных отношений, логику повседневного мышления с характерными ошибками; реальность (жизненный мир) людей разных социальных слоев, их поведение и эмоциональные реакции на события; система определенных практик, выражающих основные наши предпочтения и вкусы в отношении предметов, ценностей и людей. Особого

внимания заслуживают теоретические положения Де Серто, изложенные в труде «Практика повседневной жизни» (1984): 1) культура повседневной жизни коренится в «адаптации», или «способе использования навязанных систем», 2) искусство повседневной жизни – это искусство находиться «между» производством и потреблением, 3) предметом исследования становятся индивидуальные акты потребления, творчество, происходящее из актов потребления [262, с. 36].

Кроме того, чтобы сформулировать определение повседневной хозяйственной культуры, необходимо опереться на феноменологию и структурный функционализм, а также историзм и структурализм по принципу согласованности и дополнительности. Критерием выбора парадигмы здесь также служит понимание культуры. Феноменология: культура – мир фактов и мир духовных сущностей – чистых форм, абсолютных истин, ценностей, конституирующих ее. Структурный функционализм: культура – целостное образование, состоящее из элементов, частей. Каждый элемент выполняет определенную функцию в социокультурной общности. Историзм: культура – постоянно изменяющаяся реальность, в каждом историческом типе имеющая реальные конкретные формы. Структурализм: культура как продукт символотворчества, совокупность знаково-символических систем – текстов.

Феноменология используется в культурологии, так как исследования строятся на фактической базе. Феноменология используется, если целью или задачей исследования является познание духовных основ, лежащих в основании культуры. В данном исследовании в качестве парадигмы выбрана социальная феноменология А. Шюца, ориентированная на изучение «жизненного мира». Согласно А. Шюцу, в ряду конечных областей значений находится повседневность. В предметно-телесной закреплённости А. Шюц видел «преимущества» повседневности по сравнению с другими сферами человеческого опыта: реальным признается то, что можно увидеть и потрогать. Поэтому повседневность является «верховой реальностью»

[273, с. 129-138]. Для познания социальной реальности изучается обыденное сознание людей.

Ключевым положением феноменологии является сведение всего содержания познания к чувственному восприятию, посредством которого исследователь «пробивается» к реальности. Исходя из того, что феномен меняется от времени, места и контекста чувственного восприятия, в каждом акте восприятия открывается новый смысл. Исследователь анализирует предмет через то, что ему явлено, и достраивает предмет до его целостного образа. Культура может быть дана для чувственного восприятия и раскрытия ее смысла с разных сторон (в воспоминаниях, в произведениях изобразительного искусства и т.д.). Процедура феноменологического исследования заключается в фиксации и описании (вскрытии обнаруживаемых смыслов) явления через призму сознания. Происходит описание того, что дано в чувственной и умственной интуиции исследователя. В результате анализа необходимо выяснить, как, в каком смысле, исследуемое явление культуры представлено исследователю. Цель феноменологии – раскрыть то, как явление культуры существует для исследователя.

В культурологическом исследовании применение феноменологии в творческом синтезе с другими парадигмами позволяет, с одной стороны, не сводить познание лишь к наблюдаемым объективным фактам, с другой стороны, не сводить содержание познания лишь к чувственному восприятию. Феноменология позволяет обнаружить ценности и устремления (цели) деятельности, не лежащие на поверхности повествования. Кроме того, данный метод позволяет выявить позицию автора, конечно, с учетом контекстов.

Рассмотреть хозяйственную культуру повседневного уровня помогает **структурный функционализм**. С позиций структурного функционализма, культура – целостное образование, состоящее из элементов, частей. В морфологической модели культуры Э. А. Орловой – А. Я. Флиера, созданной на основе структурного функционализма, есть два основных положения:

во-первых, в культуре выделяется адаптивный функциональный блок, выполняющий функции социализации и инкультурации, ценностно-нормативную; во-вторых, выделяются специализированный и обыденный (повседневный) уровни культуры. Специализированная культура – креативная, ориентированная на новации, повседневная – консервативная, ориентированная на адаптацию, на традицию. Обыденная культура разграничивает институциональные и неинституциональные нормы: специализированной культуре соответствуют институциональные нормы, обыденной культуре – этнографические и конвенциональные [168, с. 281-305].

На специализированном и повседневном уровнях дифференцируются функциональные блоки осуществления человеческой жизнедеятельности. *Хозяйственная культура* входит в блок социальной организации и регуляции: на специализированном уровне – экономика, торговля, финансы и др.; на обыденном/повседневном уровне – домашнее и приусадебное хозяйство [240, с. 134-137]. Соответственно, *специализированная хозяйственная культура* связана с институциональными нормами (хозяйственная идеология, экономические программы, законы, постановления и т.д.), а *повседневная* – с этнографическими и конвенциональными нормами (традиции, обычаи, нравы, здравый смысл, практические знания и т.д.). Эти разные уровни пересекаются, взаимно связываются в личности, так как каждый член общества периодически включен в профессиональную деятельность и обыденную жизнь [168, с. 283].

Морфологической модели культуры Орловой-Флиера, особенно в той части, где рассматривается хозяйственная культура, близка структура хозяйственной культуры, предложенная в экономической социологии В. В. Радаевым. В теории В. В. Радаева ключевым понятием хозяйственной культуры выступает «хозяйственная идеология» как более или менее упорядоченный взгляд на экономику, системное мировоззрение, в котором сплетаются познавательные, нормативные и символические элементы. Термин «хозяйственная идеология» условен: всякая идеология целостна, и речь идет

скорее об экономических приложениях идеологических воззрений. Хозяйственная идеология воспроизводится на трех уровнях: 1) идеологическая система, 2) экономическая программа, 3) массовое сознание.

Идеологическая система представляет собой теоретически оформленную «чистую» модель хозяйственных процессов. Обладает относительной целостностью и внутренней логической непротиворечивостью, но в силу этого неизбежно страдает неполнотой. Ее носители – исследователи-теоретики.

Экономическая программа воплощает тип более прикладных моделей, для которых характерны, с одной стороны, полнота охвата, а, с другой – принципиальная эклектичность. Они комбинируются, складываются из элементов разных идеологических систем. Их носители – эксперты и консультанты в области экономической политики, а также сами политики.

В *массовом сознании* идеологические воззрения воспроизводятся в виде дихотомических клише и единичных суждений, опирающиеся на прочные земные основания здравого смысла. Идеологические системы и программы переводятся средствами массовой информации на язык популярных лозунгов и простых решений-«одноходовок». В таком виде они осваиваются носителями массового сознания. На каждом из трех уровней строятся свои описательные и нормативные схемы, раскрывающие характер сущего или должного порядка [194]. Прослеживаются параллели теории В. В. Радаева, где воспроизводство хозяйственной идеологии рассматривается на трех уровнях, и модели культуры Орловой-Флиера о двух уровнях культуры – специализированном и повседневном.

Однако, в морфологической модели культуры Орловой-Флиера, которая в целом понятна и продуктивна, есть положения, вызывающие несогласие: в частности то, что повседневный уровень хозяйственной культуры сводится к домашнему хозяйству. Но прежде чем доказать, что повседневная хозяйственная культура не может сводиться к домашнему хозяйству, необходимо объяснить понятие «домашнее хозяйство».

Определения домашнего хозяйства как культурологической категории пока нет, но в экономике и социологии имеется богатый опыт осмысления этого культурного феномена. Исследование домашнего хозяйства как экономической категории можно найти в трудах западноевропейских и американских ученых XX века: Г. Беккера, М. Вебера, П. Ласлетта и др. В теории М. Вебера «домоводство», или домашнее хозяйство, относится к основным типам всякого хозяйства. Если другой основной тип хозяйства – предприятие управляется возможностями прибыли, направлено на обогащение и опирается на шансы рынка, то домашнее хозяйство направляется на удовлетворение собственных потребностей, будут ли то потребности государства, личности или союза потребителей. Основной категорией домашнего хозяйства является имущественный доход [31, с. 8.9].

В отечественной социологии и экономике до 1970-х гг. домашнее хозяйство рассматривалось лишь как элемент образа жизни советского народа или семьи (Гордон Л.А., Клопов Э.В., Харчев А.Г., Янкова З.А. и др.). Исследования домашнего хозяйства как экономической категории появились в советской экономической науке лишь в начале 1980-х. Актуальность исследований была обусловлена тем, что домашнее хозяйство, являясь материальным условием процесса воспроизводства индивидуальной рабочей силы, неправомерно не входит в предмет политической экономии [123, с. 7]. Принцип и процесс обобществления производства обусловили исследование домашнего хозяйства, во-первых, лишь на макроэкономическом уровне, во-вторых, исключительно как потребительскую форму, ибо экономическим результатом выступают не предметы потребления или доход, а удовлетворение потребности членов семьи [175, с. 7]. Макроэкономический подход проявлялся в обосновании актуальности: домашнее хозяйство следовало изучать в связи с задачей повышения эффективности и качества работы в народном хозяйстве. Поэтому целью изучения домашнего хозяйства ставилось сокращение затрат времени на его ведение путем совершенствования системы бытового

обслуживания. Предполагалось, что свободное время направляется на всестороннее развитие личности, что, в конечном итоге, повысит эффективность общественного труда [115]. Исследователи приходили к выводу о необходимости усиления планомерных начал в функционировании домашнего хозяйства по мере движения общества к коммунизму [123, с. 7].

В современной экономической теории выделяют три подхода к определению домашнего хозяйства: учетно-статистический, функциональный, институциональный. Согласно функциональному подходу, домашнее хозяйство представляет собой и основного поставщика экономических ресурсов, и потребителя созданных в обществе благ [137]. На микроуровне выделяются функции потребительская, производственная, воспроизводственная, организационная. На макроуровне выделяются функции поставщика ресурсов, потребительская, производственная, сберегательная [201].

Часть современных ученых – экономистов и социологов применяют к исследованию домашнего хозяйства институциональный подход, опираясь на понимание института как регулярной и долговременной социальной практики, санкционируемой и поддерживаемой с помощью социальных норм, имеющей важное значение в структуре общества. Институциональный подход нацелен на изучение поведения индивидов в рамках домашнего хозяйства. Внимание исследователя акцентируется на нормах, правилах и стереотипах мышления, управляющих поведением людей. В рамках институционального подхода сформулирован ряд определений домашнего хозяйства: сфера занятости, в которой члены семьи или межсемейного клана обеспечивают своим трудом личные потребности в форме натуральных продуктов и услуг [193, с. 64]. Домашнее хозяйство – экономически обособленный многофункциональный хозяйствующий субъект, обеспечивающий воспроизводство условий своей жизнедеятельности на основе совместного использования имущества и принятия решений [155, с. 7]. 3) Домашнее хозяйство – особого рода организационная структура, основанная на специфическом типе властных

отношений и стремлении к максимизации благосостояния. Это система экономических отношений между индивидом и обществом, а также между людьми, объединяющими свой бюджет и совместно принимаемые решения, создаваемая человеком с целью удовлетворения своих потребностей и воспроизводства условий своей жизнедеятельности [137].

На основании рабочего определения хозяйственной культуры, предлагается определение *домашнего хозяйства: сфера хозяйственной культуры, в которой человеческая деятельность нацелена только на личное жизнеобеспечение, в отличие от сферы общественного производства, где целью является и общественное, и личное жизнеобеспечение.*

После этого необходимо вернуться к вопросу о содержании понятия повседневной хозяйственной культуры. Во-первых, свести всю повседневную хозяйственную культуру к домашнему хозяйству не позволяет суммированное определение повседневности, приведенное выше. Во-вторых, убедительным аргументом более широкого, чем «домашнее хозяйство», понимания повседневной хозяйственной культуры является подход к изучению повседневности, изложенный в трудах Н. Л. Пушкаревой. Согласно Н. Л. Пушкаревой, «бытовая сфера» не противопоставляется сфере производственной, производственный быт включается в сферу повседневного, и одна из задач исследователя – «в изучении каждодневных обстоятельств работы, мотивации труда, отношений работников между собой и их взаимодействий (в том числе и конфликтных) с представителями администрации и предпринимателями» [187].

Поскольку здесь появляется выражение «бытовая сфера», необходимо коснуться понятия «быт» и соотнести его с ключевым понятием исследования – «повседневность». Во-первых, в русском языке быт – это повседневная жизнь. Во-вторых, философия предлагает узкое и широкое понимание быта. Быт в узком смысле – сфера внепроизводственной социальной жизни, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей в пище, одежде,

жилище, лечении и поддержании здоровья, так и усвоение человеком духовных благ, культуры, общение, отдых, развлечения. В широком смысле быт – уклад повседневной жизни. Как видно, Н. Л. Пушкарева использует и принятое в русском языке, и широкое философское понимание быта. В этом автор исследования полностью разделяет точку зрения Н. Л. Пушкаревой.

Итак, исходя из широкого понимания быта как повседневной жизни и опираясь на аргументы Н. Л. Пушкаревой, можно утверждать: повседневная хозяйственная культура не должна сводиться только к домашнему хозяйству, она распространяется и на производственную сферу – «экономику, торговлю, финансы».

Для формулировки определения *повседневной хозяйственной культуры* за основу берется сформулированное выше определение *хозяйственной культуры*, приведенные определения повседневности и домашнего хозяйства. Исходя из всего сказанного, предлагается следующее определение повседневной хозяйственной культуры.

Хозяйственная культура повседневного уровня – нацеленный на жизнеобеспечение способ человеческой деятельности в домашнем хозяйстве и общественном производстве, система традиционных идеалов и ценностей, обыденных знаний, технологий, институтов.

Соответственно, *хозяйственная культура специализированного уровня – нацеленный на жизнеобеспечение способ человеческой деятельности в общественном производстве, система официальных/доминирующих идеалов и ценностей, специализированных знаний, технологий, институтов.*

Далее приводятся еще два исследовательских подхода, служащих обоснованием для источника изучения советской повседневной хозяйственной культуры – массовой литературы. Это структурализм и историзм.

Структурализм связан с обнаружением и описанием структур в различных областях культуры. Структура здесь понимается как схема движения мысли, укорененная в подсознательных пластах психики человека, как

порождающая основа социальных, культурных, антропологических явлений и процессов. Более подробное рассмотрение структурализма и возникшей на его основе семиотики в аспекте темы и предмета исследования представляется уместным в п. 1.3. «Структурные взаимосвязи культуры повседневности и массовой литературы».

Историзм как подход позволяет в каждом историческом типе культуры видеть относительно самостоятельную целостность, живущую по своим специфическим законам, и предоставляет возможность рассматривать культуру в ее конкретностях. Историзм позволяет 1) внести в изучение культуры понимание ее как постоянно изменяющейся реальности; 2) представить ее в реальных конкретных формах и разновидностях; 3) охватить культурные процессы в их взаимосвязи.

Исследование опирается и на теорию А. С. Ахиезера, основанную на диалектике и понятиях структурного функционализма, обладающую высоким объяснительным потенциалом. Согласно Ахиезеру, главными факторами развития общества являются менталитет общества и различных социальных групп, действительных людей как их представителей, их психология, нравственные идеалы и ценности. От них и зависит мотивация реального поведения людей. Основной социокультурный закон состоит в том, что существование и воспроизводство культурного субъекта – общества возможно только при условии постоянного снятия постоянно возникающих социокультурных противоречий. Этот закон действует на всех уровнях – от личности до общества в целом. Это постоянное преодоление бинарных оппозиций: постоянный уход от принятия одного из полюсов в качестве единственно возможного и допустимого, постоянное стремление избегать крайностей. Эта задача решается посредством медитации – сближения противоположностей. Противоположность медитации – инверсия, процесс мгновенного перехода от некоторой системы ценностей к противоположной. Инверсия порождает раскол общества. В расколотом обществе исчезает общий

для всех массовый нравственный идеал, вследствие чего становится невозможным обеспечить интеграцию общества. Общество, пораженное расколом, становится неуправляемым.

Основные крайние типы цивилизации – традиционный и либеральный. Им соответствуют базовые идеалы – традиционный и либеральный. В определенных культурно-исторических условиях возникают промежуточные идеалы. Для России наиболее важны соборный, авторитарный массовые идеалы и идеал всеобщего согласия. В силу своей наполненности они всегда вызывают в общественном сознании раскол. Циклы российской истории складываются в зависимости от того, какой нравственный идеал становится господствующим. Переходы от одного идеала к другому обычно происходят путем инверсии. Заменяющие друг друга идеалы каждый раз полностью исключают друг друга.

Таким образом, причины кризиса советской культуры находятся на цивилизационном уровне. Россия «застряла» между традиционной и современной либеральной цивилизациями. Активизация позитивных ценностей в одной части приводит в действие силы другой части общества, отрицающей эти ценности [13].

На основе эволюционизма повседневная хозяйственная культура России 1960-х – начала 1980-х гг. рассматривается как специфический адаптивно-адаптирующий механизм общественной жизни.

На основе системного подхода (теория саморазвития культуры) изучение хозяйственной культуры России 1960-х – начала 1980-х гг. может быть плодотворным лишь при соблюдении принципа тесной взаимосвязи трех подсистем культуры – материальной, духовной и художественной.

На основе феноменологии повседневная хозяйственная культура России 1960-х – начала 1980-х гг. исследуется в восприятии ее через художественную массовую литературу. Кроме того, с позиций феноменологии интерес концентрируется на том, *каким образом* люди создают или видоизменяют различные технологии и институты.

На основе структурного функционализма, хозяйственная культура России 1960-х – начала 1980-х имеет определенную структуру. Соответственно с морфологической моделью Орловой-Флиера, в ней выделяются уровни специализированный и повседневный. Выявление строения и функций каждого элемента культуры в конечном итоге поможет ответить на вопрос о смысле советской хозяйственной культуры как целостности. Опираясь на теорию А. С. Ахиезера, можно объяснить взаимосвязь специализированного и повседневного уровней хозяйственной культуры, а также связь между повседневностью и массовой литературой.

На основе структурализма тексты советской массовой художественной литературы рассматриваются как знаковые системы, смыслопорождающие устройства. Структурный анализ этих текстов должен выявить бессознательные мыслительные структуры (коды) – стереотипы массового сознания, что поможет понять смысл культуры.

Согласно конкретно-историческому подходу к изучению культуры, в обществах с различным уровнем социально-экономического развития универсальные формы культуры предстают по-разному, следовательно, в советской массовой литературе, взятой в качестве источника для изучения повседневной хозяйственной культуры, обнаруживается своя культурная специфика.

Прикладные методы исследования. Для определения корпуса литературных источников необходимо использовать качественный и количественный методы, включающие: интервью работников библиотек и читателей; анкетирование работников библиотек; изучение тиражей массовых литературно-художественных и общественно-политических журналов советского времени «Аврора», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Новый мир», «Нева», «Октябрь», «Юность», «Роман-газета»; изучение научных публикаций советского времени, анализирующих читательские интересы; изучение

литературной критики. Критерием отбора художественных текстов для культурологического анализа является сочетание четырех необходимых и достаточных признаков: 1) текст должен отражать советскую повседневную хозяйственную культуру изучаемого периода (или хотя бы затрагивать этот период). 2) Текст должен быть опубликован в массовом журнале и/или отдельным изданием. 3) Массовый спрос на данный текст в библиотеках. 4) Экранизация этого текста.

Метод «вчитывания в текст», применяемый историками повседневности. Метод «вчитывания в текст, размышлений об обстоятельствах высказывания запечатленных в нем идей и оценок, проникновения во внутренние смыслы сообщенного, учета недоговоренного и случайно прорвавшегося». Кроме того, исследователи, не располагающие возможностями лично и вслух «задать вопрос прошлому», работают с традиционными письменными памятниками. Работая с самым широким кругом источников – исследователь старается истолковать смыслы и символы, связанные с предметным миром и миром явлений. Через мир слов, поступков, представлений себя – исследователь повседневности старается понять жизненные ценности и поступки носителей изучаемой им субкультуры. Пользуясь психологическим приемом вчувствования, историк повседневности представляет свою интерпретацию чужих мыслей и слов, свой транскрипт – «перевод» с чужого эмоционального языка [187].

С позиций семиотического подхода к исследованию культуры, в современном гуманитарном знании стало актуальным рассмотрение произведения художественной культуры как целостного объекта исследования. Согласно информационно-семиотическому подходу, текст произведения художественной культуры можно определять как информационный ресурс. В прикладном плане из этого следует, что текст, в данном конкретном случае, любое произведение советской массовой художественной литературы, изучается на трех уровнях: 1) собственно текст, созданный конкретным

автором; 2) контекст произведения, отражающий элементы общей культурной компетенции автора и непосредственные социокультурные условия, повлиявшие на содержательный компонент произведения; 3) гипертекст, включающий все изложенные мнения и суждения о художественном произведении [230, с. 175]. В Главе 2 рассматривается контекст – непосредственные социокультурные условия, в приложении к главе 3 дается контекст – биография авторов.

1.2. Историография советской хозяйственной культуры и повседневности

В отечественной историографии изучение советской хозяйственной культуры, в том числе ее повседневного уровня, прошло два этапа – советский и современный (с начала 1990-х гг.). На советском этапе единственно возможной методологией был исторический материализм, а теоретической базой всех исследований являлись Программа КПСС, материалы пленумов ЦК КПСС, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР и союзных республик, а также выступления лидеров партии и правительства. В первой половине 1990-х гг. в российском гуманитарном знании произошел коренной поворот методологии к плюрализму подходов и оценок, выбору сюжетов исследования.

Советский этап исследования хозяйственной культуры. В СССР учеными-экономистами постоянно велось исследование актуальных проблем советской хозяйственной культуры. Обзор исследований 1960-х – первой половины 1980-х гг. показывает: 1) абсолютно преобладали исследования макроуровня экономики. 2) Главное внимание уделялось исследованию общественного труда и связанных с ним проблем. Предметом исследования советских философов, экономистов и социологов были различные аспекты труда: культура труда на производстве, культура труда и эстетика производства, культура труда и техническая безопасность, культура труда, быта

и человеческих отношений, культура труда как резерв повышения эффективности производства, культура труда руководителя (Л. Абалкин, А. Г. Аганбегян, Н. В. Гаретовский, А. Г. Здравомыслов, В. М. Кузнецов, Б. Л. Маневич, Л. Хейфец и др.). 3) Повседневный уровень хозяйственной культуры затрагивался в рамках изучения советского образа жизни (А. П. Бутенко, Н. Н. Панова, И.-Р. В. Белицайте и др.).

Одной из актуальных проблем народного хозяйства было стимулирование высокопроизводительного общественного труда, поэтому важнейшей задачей советской науки в 1970-е годы оставался поиск оптимального сочетания моральных и материальных стимулов труда (Л. Абалкин, А. Г. Аганбегян, Ю. М. Артемов, Л. И. Греков, П. Ф. Дубовой, Г. А. Егиазарян, А. Г. Здравомыслов, В. М. Кузнецов, Б. Л. Маневич, В. А. Медведев и др.). Проблематика исследований: экономическое содержание, принципы формирования и использования фонда материального поощрения; сочетание материальных и моральных стимулов к труду как фактор экономического развития; экономические интересы при социализме и их реализация в сфере социалистического соревнования; экономическая природа и роль премии в повышении эффективности производства; роль фонда материального поощрения в процессе воспроизводства рабочей силы; экономические закономерности социалистического соревнования на современном этапе и др.

В начале 1980-х советской экономической наукой изучались противоречия советской экономики, в том числе, противоречия в общественной организации и оплате труда (А. Г. Аганбегян, Г. Г. Богомазов, А. В. Бузгалин, Н. Д. Колесов, В. М. Кузнецов, С. Н. Кулаков, Е. Л. Маневич, В. И. Мишин, И. П. Павлова, В. Г. Подмарков, М. П. Рачков, В. С. Семенов, В. Ф. Щербина).

Повседневная советская хозяйственная культура затрагивалась в исследованиях, посвященных изучению образа жизни и семьи. В советской науке изучение образа жизни советского общества фактически велось с 1960-х годов, без использования понятия «повседневность» и без обращения к

теоретическим разработкам западноевропейских ученых. Велись масштабные этнографические и социологические исследования быта сельского и городского населения РСФСР, сельской и городской семьи (Л. А. Анохина, О. Р. Будина, Е. П. Бусыгин, О. А. Ганцкая, Н. В. Зорин, Е. М. Зуйкова, Ю. В. Крупянская, В. Д. Патрушев, Н. С. Полищук, В. П. Ружже, Р. К. Уразманова, А. Г. Харчев, Л. П. Шабалина, М. Н. Шмелева, Н. В. Юхнева, З. А. Янкова и др.). В 1970-е и начале 1980-х советскими философами, социологами, историками, психологами и экономистами изучался *социалистический образ жизни* (А. П. Бутенко, М. Н. Руткевич, Э. В. Струков, В. И. Толстых, Б. В. Ракитский и др.). В рамках исследования образа жизни изучались организация быта и жилище. Все эти исследования можно уверенно отнести к изучению повседневности, поскольку «образ жизни» отражает повседневную жизнь людей: как живут люди, чем заняты, какие виды деятельности и взаимодействий заполняют их жизнь [174, с. 42-44]. В аспекте социалистического образа жизни изучалась семья как ячейка социалистического общества и важнейшая функция семьи – домашнее хозяйство, что связывает эти исследования с темой диссертации. Домашнее хозяйство изучалось в различных аспектах: семейные расходы на бытовые нужды, бюджеты времени семьи, структура повседневной жизнедеятельности, типичные занятия в будни и праздники.

В начале 1980-х гг. в советской экономической науке появились работы, непосредственно направленные на изучение домашнего хозяйства развитого социалистического общества (Котов Э. П., Панченко В. С., Кулакова Т. А.). Как уже отмечалось, домашнее хозяйство советскими экономистами рассматривалось лишь на макроэкономическом уровне, исключительно как потребительская форма, связанная с отношениями личной собственности.

Современный этап изучения советской хозяйственной культуры. Необходимо подчеркнуть, что фундаментальные монографии и обобщающие исследования непосредственно по теме диссертации отсутствуют. Тем не менее, в работах многих ученых рассматриваются проблемы, характеризующие

отдельные аспекты советской хозяйственной культуры 1960-х – начала 1980-х годов, а также осмысляются явления и события, ставшие непосредственными предпосылками хозяйственной культуры изучаемого периода. В 1990-е годы хозяйственная культура советской России стала предметом исследования в экономической социологии, социальной философии и отечественной истории.

Наиболее значительный вклад в изучение хозяйственной культуры советского общества внес профессор ГУ ВШЭ В. В. Радаев. В ряде работ «Хозяйственная мотивация в условиях монополизма советского типа», «Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории» «Исчез ли социализм? Опыт интеллектуальной самокритики», «Хозяйственный мир России: советское общество» (1990-1996 гг.), позже вошедших в учебные пособия по социальной стратификации и экономической социологии, им рассмотрена хозяйственная культура советского общества. В том числе раскрыты особенности хозяйственной идеологии социализма, советской социально-экономической структуры, в том числе рычаги воздействия на хозяйствующих субъектов, неформальные отношения, роль этакратической системы в хозяйственной активности, отношения занятости, трудовые отношения, советское предпринимательство и его типы, хозяйственная мотивация и стиль жизни, культурно-символические формы, этапы в развитии советского общества и хозяйства. Радаев В. В., рассматривая хозяйственную культуру советского общества, значительное место уделит ее повседневному уровню. Причем, повседневный уровень (массовое сознание, поведенческие практики) показан в тесном переплетении с уровнем специализированным (хозяйственной идеологией).

В 1990 году была опубликована работа ученого и публициста О. А. Платонова «Воспоминания о народном хозяйстве», а сразу вслед за ней – «Русский труд» (1991), имеющие важное значение для раскрытия в диссертации вопроса идеалов и ценностей российской хозяйственной культуры, их трансформации в советский период. В книгах О. Платонов развивается

концепция самобытного характера хозяйственного развития России, основанного на традиционном – рабочем самоуправлении, отношению к труду как добродетели, взаимопомощи, преобладании моральных форм понуждения к труду над материальными. Платонов пытается доказать, что разрушение этих ценностей, отказ от общинных, артельных принципов хозяйствования, превращение экономики в арену всевозможных хозяйственных экспериментов стало главной причиной глубокого экономического кризиса. Выход из него – в возвращении к народным основам, традициям и идеалам, в возрождении национальной модели хозяйственного развития.

Хозяйственной культуре России, в том числе советской России, уделяется немало места в философском исследовании Н. Н. Зарубиной «Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства» (1998). В специальной главе рассматриваются социально-культурные проблемы хозяйства в России, в том числе ценность труда, практицизм, роль государства, общинный идеал, социокультурный статус российского предпринимательства, хозяйственная этика в советский период; выделены типологические особенности советской хозяйственной культуры. Прослеживаются трансформации российской хозяйственной культуры в советский период, преемственность и разрыв традиций. В исследовании Н.Н. Зарубиной раскрываются многие аспекты повседневного уровня советской хозяйственной культуры.

Рассмотрению советской экономической системы в теории и практике уделено значительное место в исследовании историка С. Г. Кара-Мурза «Советская цивилизация» (том 1, глава 9, том 2, глава 3). Автором развивается концепция трагического несоответствия принятого в качестве официальной идеологии западного экономического учения реальности российского общества и хозяйства. С. Г. Кара-Мурза рассматривает экономическую дискуссию 1920-х о пригодности категорий политэкономии для верного описания советского хозяйства, формирование политической экономии социализма; прослеживает путь все большего расхождения советской хозяйственной теории и практики

между собой; рассматривает показатели эффективности советской экономической системы, тип советского промышленного предприятия и его функциональные особенности как центра жизнеустройства, а также политические решения, касающиеся экономики, ставшие причиной кризиса советской цивилизации. В отдельных вопросах С. Г. Кара-Мурза касается и повседневного уровня хозяйственной культуры.

С отдельными аспектами рассматриваемой темы связана работа российских историков, в 1990-е годы изучавших процессы в среде крестьян советской России на повседневном уровне («крестьяноведение»). Так, М. А. Безнин и Т. М. Димони рассматривают различные формы социального протеста колхозного крестьянства второй половины 1940-х – 1960-х гг., используя комплекс источников – документы центральных и местных советских и партийных органов, материалы бюджетных обследований колхозных семей, документы сельскохозяйственных, финансовых, отраслевых ведомств, материалы правоохранительных органов [14].

На рубеже 20-21 вв. российские историки обратились к изучению эволюции представлений о собственности в массовом сознании сельского населения России первой половины XX века. Результатом стал сборник научных трудов «Собственность в представлении сельского населения России (середина 19 – 20 вв.): регионально-исторический аспект» (2001). Результаты этих исследований имеют важное значение для понимания предпосылок формирования повседневной хозяйственной культуры России 1960-1980-х.

В решении задач диссертации важное значение имеет изучение массового сознания советских людей. В монографии Б. А. Грушина «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времени Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина» в 4-х книгах (книги об эпохе Хрущева и Брежнева – 2001-2006 гг.). В монографии на базе свыше 250 эмпирических исследований, проведенных в стране за 40 лет, с 1960 до 2000 г., предпринимается не имеющая аналогов попытка

реконструировать (в том числе в динамике) некоторые значимые свойства менталитета российского народа, проливающие свет на сакраментальные вопросы современности: КТО МЫ? ОТКУДА МЫ? и КУДА МЫ? В первой книге, посвященной эпохе Хрущева, подобного рода анализ проводился на материалах опросов населения, реализованных Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» в 1960-64 гг. В книге 2-й речь идет о сознании масс в эпоху Брежнева. В части первой анализируются итоги опросов населения, реализованных Институтом общественного мнения «Комсомольской правды» в 1966-67 гг. и Центром изучения общественного мнения Института конкретных социологических исследований АН СССР в 1971 и 1974 гг. (Институт и Центр были созданы по инициативе Грушина). В предисловии к книге 2-1 автор обращает внимание читателей на то, что в «четверокнижии» речь идет лишь об одной из сфер жизни советского общества – его сознании, причем о сознании массовом, причем лишь о тех видах массового сознания, которые совпадают с вербально выраженным общественным мнением и прежде всего с теми высказываниями масс, которые инспирировались исследовательским интересом. Там же Б. Грушин подробно рассматривает вопрос о возможностях и пределах изучения общественного мнения в СССР в пору застоя.

Продуктивным для изучения темы стало обращение к монографии американского исследователя Мартина Малиа «Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991» (2002). Монография представляет собой обзорное изложение эволюции советского строя за 74 года и в то же время попытку определить параметры этой модели и уяснить динамику, приводившую ее в действие. Автор пытается «расставить по местам» концепции и категории, с помощью которых Запад пытался расшифровать советскую загадку. В этом плане книга является не просто хроникой советской истории, но также и комментарием к значительной части интеллектуальной истории XX века и к происходящему в современном мире поиску

справедливого общества. Автор рассматривает первую попытку коммунистического реформаторства Хрущева (1953-1964), его хозяйственные реформы, в том числе, сельскохозяйственную, индустриальную политику и причины неудач. Рассматривается номенклатурный коммунизм Брежнева (1964-1982), в том числе, экономика брежневского периода, причины кризиса сельского хозяйства, экономическую реформу 1965 года и причины ее неудачи. Рассматриваются причины упущенной советской экономикой возможности совершить поворот от экстенсивному к интенсивному развитию в 1960-1970-е годы; «теневой» сектор экономики и его роль для жизнедеятельности всей социалистической системы.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы раскрывает монография Ю. В. Аксютин «Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг.» (2004), где исследуется ряд конкретно-исторических проблем общественно-политической жизни и отношение к ним населения: реформа управления промышленность и строительством, курс на развернутое строительство коммунизма, хозяйственные решения XXI и XXII съездов КПСС, судьба лозунга «Догнать и перегнать США по производству молока, масла и мяса», продажа техники колхозам, сельскохозяйственные неурядицы и административные перестройки. Для исследования взаимоотношения власти и общества автором были использованы несколько групп источников: официальные документы, публиковавшиеся в изучаемое время выступления руководителей на партийных съездах и пленумах ЦК КПСС, на совещаниях, митингах, встречах с населением; периодическая печать – газеты и журналы того периода; сводки об откликах на решения партийных и советских органов, типичных вопросах на собраниях в производственных коллективах; материалы личного происхождения – письма -жалобы, дневниковые записи и мемуары; анкеты (1500) о событиях той эпохи, заполненные в 1994-1999 гг.

По целям и задачам близко теме исследование И. В. Кометчикова «Крестьянство и власть в 1945-1953 гг.: общественно-политическая жизнь и

повседневность (по материалам областей Центрального Нечерноземья РСФСР)» (2005). Автор продолжает тему советского крестьянства и его взаимоотношений с властью. Взаимоотношения крестьянства и власти рассматриваются через призму повседневности, в том числе выясняются мотивации, конкретные способы приспособительного поведения крестьянства по отношению к различным составляющим аграрного курса. Источниками исследования И. В. Кометчикова послужили законодательные и подзаконные акты, выступления и сочинения лидеров КПСС и государства, периодическая печать, делопроизводственная документация, источники личного происхождения – письма к власти.

Общую характеристику хозяйственной культуры России 1960-х – начала 1980-х в теории и практике дает исследование Р. А. Белоусова «Экономическая история России: XX век» (книга 5, 2006). Исследование раскрывает особенности развития хозяйства России во второй половине XX века, в том числе, освещает ряд вопросов: старение и увядание системы руководства экономикой и страной; реформы хозяйственного механизма промышленности; изнурительная гонка вооружений нового поколения; тяжелая промышленность как главная опора экономики; сохранение напряженности и трудностей в сельском хозяйстве; противоречия и эволюция жизни и настроений (но, на самом деле, эволюция настроений автором не рассматривается). Анализируется динамика численности рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР с 1950 по 1990 год; среднемесячная зарплата рабочих и служащих; индексы государственных розничных цен, в том числе на отдельные продукты питания, на сельскохозяйственные продукты колхозных рынков; средняя продолжительность жизни и заболеваемость; численность учащихся по видам обучения; обеспеченность бытовой техникой.

В исторической монографии В. А. Шестакова «Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов» (2006) рассмотрены основные тенденции, этапы и результаты социально-

экономической политики СССР в условиях либерализации советской системы в середине XX века. На основании новых архивных и иных документов проанализированы ход и результаты реформ в социально-экономической сфере. В том числе рассмотрены социокультурные основания развития страны в 50-е годы, социально-экономическая политика Хрущева, утопии и реалии аграрной политики, реформирование органов управления промышленностью и строительством.

Важное значение для понимания повседневной хозяйственной культуры имеет исследование В. С. Тяжелниковой домохозяйств советских горожан в 1960-1980-е гг., их структуры и стратегий экономического поведения. Исследование построено на официальных советских статистических материалах и социологических анкетных опросах 1960-х, 1970-х и 1980-х гг. в нескольких городах РСФСР, а также анализе книг полезных советов, приложений и разделов по рукоделию в журналах «Работница» и «Крестьянка». В качестве конкретно-исторического контекста стратегий экономического поведения автором рассматривается дефицитная экономика. Анализируются данные по видам домашней трудовой активности [248].

В монографии «Гибель империи» (2007) Е. Т. Гайдар делает попытку объяснить, каких ошибок Советского Союза современной России надо избежать. Монография посвящена проблемам, с которыми сталкиваются авторитарные режимы в полиэтнических государствах, чья экономика в значительной степени зависит от непредсказуемых колебаний цен на топливно-энергетические ресурсы. В ходе раскрытия темы рассматриваются вопросы неэффективности советской экономики на фоне стабильности, нарастающие экономические проблемы и ошибочные решения, проблемы продовольственного снабжения страны, падение цен на нефть как последний удар по советской экономике.

О. Логинов в монографии «Бешеные деньги. От фальшивых монет до финансовых «пирамид» (2008) исследует суть экономических

правонарушений от Древней Руси до России начала 21 века, уделяя немало внимания теневой экономике советского периода 1960-х – 1980-х гг., в том числе, валютчикам, цеховикам, уральским хитникам, фальшивомонетчикам, торговле и общепиту, «лесным» делам 1970-х, шабашникам, спекуляции.

Для раскрытия повседневного модуса советской хозяйственной культуры представляет интерес историческая монография Л. Н. Денисовой «Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт» (2007). Это обобщающее исследование основано на материалах центральных и региональных архивов, социологических обследованиях, крестьянских письмах. Монография Денисовой насыщена ценным фактическим материалом, связанным с советской специализированной хозяйственной культурой. Автором детально показана определяемая политикой государства инфраструктура сельских поселений второй половины 1940-х – 1980-х годов: автодороги, автобусное сообщение, сеть государственных магазинов, клубов, комбинатов бытового обслуживания, качество снабжения продуктами питания, бытовыми вещами, что контексте темы диссертации можно рассматривать в качестве важного фактора повседневных хозяйственных практик. Денисова рассматривает миграцию из села в город, ведение личного подсобного и домашнего хозяйства. Большую ценность представляют включенные в монографию полевые материалы, объясняющие мотивы миграции, сохранения, расширения или сокращения подсобного хозяйства.

После того как культура повседневности стала одним из динамично развивающихся направлений российского гуманитарного знания, с 1990-х ведутся интенсивные исследования повседневности советского времени на основе междисциплинарного подхода. В ряде работ социологов и культурологов, изучающих советское общество и разные аспекты советской повседневности, затрагивается и повседневный уровень советской хозяйственной культуры 1960-х – начала 1980-х гг. (П. Вайль и А. Генис,

О. Гурова, А. М. Доценко, Л. Ионин, Н. Н. Козлова, Н. Б. Лебина, М. Меерович, И. В. Утехин, В. Эллинг и др.).

Обращение к изучению советского периода не позволяет обойти вниманием монографию «Советский простой человек» (1993), посвященную изучению советской ментальности и массового сознания советских людей, построенной на основе крупномасштабного исследования, проведенного ВЦИОМ в ноябре 1989 года. Репрезентативная выборка позволила авторам составить национальный портрет среднего советского человека, наделив его набором базовых характеристик.

Монография Н. Н. Козловой «Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора» (1996) посвящена изучению массового и типологического для советского общества процесса превращения крестьянина в некрестьянина. Источником исследования стали письма в газеты и журналы. Автор анализирует представленную в них социальную симптоматику. Автор также обращается к анализу индивидуальных источников – биографических нарративов и дневников бывших крестьян, показывает взаимоскорреляцию социального превращения человека и общества.

Для раскрытия темы большой интерес представляет монография П. Вайля и А. Гениса «60-е. Мир советского человека» (1998), где на широком круге источников (пресса, книги, фильмы, телепередачи, песни, анекдоты), рассматриваются третья Программа КПСС и характер отражения этого документа в общественном сознании; реальные и вымышленные культурные герои 1960-х, поэзия и поэты, освоение Сибири и др. Воспроизводя атмосферу 1960-х, описывая не столько события, сколько нравы, образ жизни, общественные идеи и стиль эпохи, авторы затрагивают и повседневную хозяйственную культуру в аспекте идеалов, ценностей и реальности.

Для выявления советской специфики домашнего хозяйства значительный интерес представляет исследование организации быта и жилища. Заметный вклад в изучение этих вопросов внесли российские социологи. В исследовании

Е. Ю. Герасимовой «Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ (на материалах Петрограда-Ленинграда 1917-1991)» (2000), основанном на воспоминаниях, глубинных интервью и анкетных опросах, реконструируется история возникновения коммунальной квартиры как типа жилья в контексте советской модернизации и трансформации социальной структуры; исследуются стили жизни разных социальных групп в коммунальной квартире. Исследование коммунальной квартиры как социального института помогает понять функционирование советской социальной структуры на уровне повседневности. Герасимовой изучены становление и воспроизводство правил коммунальной жизни; ресурсы, структурирующие отношения доминирования в коммунальной квартире. В аспекте темы диссертации коммунальную квартиру можно рассматривать как элемент повседневной хозяйственной культуры, часть домашнего хозяйства, поэтому результаты, полученные Герасимовой, очень важны для понимания советской городской специфики ведения домашнего хозяйства.

В аспекте изучения повседневности представляет интерес исследование И. В. Утехина «Быт больших коммунальных квартир г. Ленинграда (Петербурга) в 1970е - 90е гг.» (2001). Автором выявляются формы адаптации людей в этом специфическом советском сообществе, в том числе, представления, определявшие формы поведения жильцов в коммунальных квартирах.

В последнем труде российского философа и социолога, «замечательного аналитика повседневности» Н. Н. Козловой «Советские люди. Сцены из истории» (2005), изданном через три года после смерти автора, получило продолжение исследование общественного сознания, советского недавнего прошлого, советской повседневности в ее многочисленных проявлениях. Монография основана на дневниках и письмах, обнаруженных в ходе архивных поисков. Картина российской повседневности, главным образом, 1970-х годов,

реконструировалась по семейной переписке – письмам, поздравительным открыткам и телеграммам (всего около 1200) рядовых советских людей.

Петербургские историки Н. Б. Лебина и А. Н. Чистиков в монографии «Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия» (2003) размышляют над вопросом: как живет обычный человек, «обывателем», в условиях крупных реформ. Авторы обращаются к реалиям повседневной жизни горожан, используя богатый фактический материал из архивов, периодической печати, мемуаров, интервью. В «Энциклопедии банальностей» (2006) Н. Б. Лебина рассмотрела советскую историю как совокупность окружающих человека житейских мелочей на широком круге источников – официальные документы, воспоминания, кинофильмы. Повседневная жизнь советских людей от 1920-х до 1980-х гг. представлена как некое множество вещей, понятий, знаков и символов, образующих единую систему со своей внутренней логикой.

Историческое исследование А. М. Доценко «Повседневная жизнь советского города начала 1950-х – первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области)» (2007) посвящено изучению повседневной жизни населения советского города в условиях завершения формирования индустриального общества. Для темы диссертации представляет интерес ряд рассмотренных автором вопросов: жилищно-бытовые условия и материально-вещественная среда городского населения, восприятие власти и ее политики городским населением, проблема хищений и спекуляции в условиях города. Источниками исследования Доценко являются архивные документы, опубликованные документы партийного и государственного происхождения, мемуарная литература, периодика, устные истории.

Исследование О. Гуровой «Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью» (2008) представляет собой взгляд на советское массовое общество 1920–1980-х гг. через призму его отношений к нижнему белью.

Изложение движется от описания официального дискурса, официальной идеологии и визуальных репрезентаций к описанию повседневности и субъективного опыта советских людей через вещи. Как показывает автор, нижнее белье становилось примером адаптации и переписывания идеологических постулатов, символическим жестом, заменившим советскому человеку другие проявления гражданской свободы. В решении задач диссертации результаты, полученные Гуровой, выступают подтверждением тесной взаимосвязи и взаимозависимости двух уровней культуры – специализированного и повседневного.

Монография М. Мееровича «Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы)» (2008) помогает понять предпосылки формирования повседневного модуса советской хозяйственной культуры 1960-х – начала 1980-х гг. В монографии раскрываются содержание и механизмы реализации советской жилищной политики названного периода. На материале законодательных документов различных уровней и ведомств автором показана основная цель советской жилищной политики – использование жилища как средства управления людьми. Показано употребление жилища как способа прикрепления к месту работы, принуждения к требуемому уровню производительности труда и предписываемому образу жизни.

В исследовании Н. П. Лукаш «Культура и человек в советской повседневности 60-70-х годов» (2008) ставится цель дать культурологическое описание повседневной жизни советских людей и проанализировать многообразие ее проявлений. Исследование излагает взгляд автора на специфику сознания советских людей, форм индивидуального и коллективного опыта, культурных практик, стилевых и речевых дискурсов, сущностных черт советского человека. Но в «Культуре советской повседневности» хозяйственная сфера не рассматривается.

Осмыслению темы исследования способствовали труды И. В. Кондакова и Л. Брусиловской с идеей о роли культуры повседневности в развитии «оттепели».

Для осмысления советской повседневности имело определенное значение знакомство с трудами Л. А. Булавки. По мнению этого автора, оценка советской культуры как культуры тоталитарного типа, на которой настаивают многие современные исследователи, в методологическом отношении оказывается не продуктивной и не позволяет объяснить всю сложность, богатство и парадоксы данного феномена. Книга Л. А. Булавки «Феномен советской культуры» (2008) и ряд статей выводят феномен советской культуры из сферы идеологических коннотаций в область теоретического философского анализа.

Кроме научных исследований, с конца 1990-х гг. начала издаваться серия «Живая история. Повседневная жизнь человечества», в которую вошли воспоминания известных людей, связанных с разными сферами советской культуры, в том числе, сферами трудовой деятельности. Например, воспоминания Э. Буйновского «Повседневная жизнь первых российских ракетчиков и космонавтов», воспоминания Н. А. Черкашина «Повседневная жизнь советских подводников» и др. Эти публикации могут быть полезны для процедуры триангуляции, верификации результатов диссертационного исследования.

1.3. Массовая литература как феномен культуры

Задачу параграфа составляет рассмотрение одного из ключевых понятий темы исследования – массовой литературы. Обращение к изучению массовой литературы опирается на одно из теоретических положений культурологии: предметом научного культурологического анализа являются знаково-коммуникативные механизмы, регулирующие всякую социальную практику и в

особенности взаимодействие и взаимопонимание между людьми. Культурология изучает культурно-смысловые содержания, выраженные в символах, знаках, художественных образах и т.п. [240, с. 38]. Массовая литература является именно таким знаково-коммуникативным механизмом общественной жизни.

Обращение к изучению массовой литературы требует понимания сущности массовой культуры, частью которой массовая литература является. Теоретические исследования массовой культуры в 20 веке связаны с двумя традициями. Одна традиция «культурного модернизма», к которому примыкают теоретики Франкфуртской школы социальных исследований, вторая – структурализма, семиотики и постструктурализма. Если представители «культурного модернизма» критически настроены по отношению к массовой культуре (Т. Адорно, К. Левис и Ф. Ливис, и Х. Ортега-и-Гассет), то представители структурализма (например, У. Эко) стремились к нахождению оптимального способа ее анализа. Наконец, представителем постструктурализма П. Бурдьё проблемы массовой культуры исследовались с точки зрения категории вкуса. Согласно Бурдьё, в высокой эстетике интерес смещен с содержания на форму, в популярной – на содержание. Иными словами, существуют различные стратегии вкуса, и массовая культура это особый вкус [23, с. 431-453].

Несмотря на развитие тенденции культурного плюрализма, на рубеже 20-21 вв. продолжали звучать голоса и мнения, созвучные идеям «культурного модернизма» [261, с. 66]. Как показывают публикации начала 21 века, массовой культуре продолжали приписывать «ложный гуманизм», «замаскированное неуважение к маленькому человеку», «принципиальную безликость и безнациональность», спекулятивность на общих ценностях, легкость в плане содержания и вульгарность в плане формы, исключительную безнравственность сюжетов. И вообще ставили под сомнение отношение масскульты к искусству [211, с. 201-203]. До настоящего времени основными

чертами массовой культуры определяют примитивизм, упрощенность человеческих отношений и представлений о жизни, сведение социальных конфликтов лишь к столкновению хороших и плохих людей, пошлую развлекательность, сентиментальность [146, с. 507]. В современном гуманитарном знании критика массовой культуры ведется в основном с позиций эстетической и гуманистической.

В традициях структурализма и семиотики, специфической особенностью массовой культуры считается активная востребованность типично мифических (архетипических) фигур, мифологических героев. В современной версии это персонажи комиксов, супермены в боевиках, детективы в полицейских романах [278, с. 183-190]. Эту идею, высказанную М. Элиаде «Аспектах мифа», в современном российском социокультурном знании развивает Е. Г. Соколов: массовая культура опирается на некоторые архетипические формы, вводит в действие некие структуры, присутствующие в человеке и обществе. Архетип в массовой культуре представлен в виде сжатой формулы или недвусмысленного приказа. Массовая культура оперирует чистыми, прозрачными, внятными, кажущимися примитивными формами архетипических состояний. Предметы масскульты действуют прямо и открыто, очень агрессивно. Но не поддаются их обаянию весьма трудно, потому что они вводят в действие глубинные, архаические, неосознаваемые структуры человека [223, с. 74-81]. Лингвист и философ В. П. Руднев, раскрывая содержание массовой культуры, акцентирует внимание на ее функции: массовая культура нужна для того, чтобы осуществлять принцип дополнительности, восполнять нехватку информации в фундаментальной (высокой, элитарной) культуре. По своей сущности массовая культура – это семиотический образ реальности, оперирует предельно простой техникой письма, традиционна и консервативна, ориентирована на среднюю языковую семиотическую норму, на простую прагматику, поскольку обращена к огромной аудитории. Сюжетная и стилистическая фактура должна быть примитивной, но совершенной – для коммерческого успеха. Необходимое

свойство массовой культуры – занимательность, чтобы её покупали, а затраченные на ее производство деньги приносили прибыль [204, с. 221-222].

А. В. Костина подчеркивает адаптационную функцию массовой культуры: ее функцию как механизма социализации, социальной регуляции, гармонизации, ценностной ориентации [114].

Очевидно, что в массовой литературе присутствуют все сущностные признаки массовой культуры, разумеется, связанные с научной традицией понимания этого феномена. В понимании массовой литературы в гуманитарном знании выделяются два подхода: литературоведческий и культурологический. В литературоведении массовая литература, как и вся массовая культура, согласно традиции культурного модернизма, оценивалась и оценивается весьма низко. Термин «массовая литература» применялся и применяется как обозначение нижнего яруса литературы по ее эстетическому качеству [199]. В широком смысле массовой называли и называют литературу, не получившую высокой оценки художественно образованной публики. С середины XX века термином «массовая литература» стало принято обозначать и определенный жанрово-тематический репертуар: детектив, боевик, шпионский роман, научно-фантастический роман, фэнтези, триллер, любовный роман, костюмно-исторический роман. Интерес к изучению массовой литературы на Западе развивался после Второй мировой войны в контексте интеллектуальных традиций, в большей или меньшей степени связанных с неомарксизмом и молодежными движениями 1960-х годов [203, с. 182-184].

В 1976 году свое объяснение причин успеха и популярности массовой литературы предложил американский культуролог Джон Кавелти, издав книгу «Приключение, тайна и любовная история: формульные повествования как искусство и популярная культура». В этой книге изложена концепция литературных формул, ставшая основой многих филологических и культурологических исследований.

Литературная формула – это структура повествовательных или драматургических конвенций, использованных в очень большом числе произведений. Формулы – это способы, с помощью которых конкретные культурные темы и стереотипы воплощаются в более универсальных повествовательных архетипах. Определенные сюжетные архетипы в большей степени удовлетворяют потребности в развлечении и уходе от действительности. Чтобы образцы заработали, они должны быть воплощены в персонажах, среде действия и ситуациях, которые имеют соответствующее значение для культуры, в недрах которой созданы. Формула – это синтез ряда специфических культурных штампов. Основные типы литературных формул – приключение, любовная история, тайна, мелодрама, чуждые существа и состояния.

Художественной особенностью формульной литературы является стандартизация и эскапизм. Стандартизация – читатели в знакомых формах находят удовлетворение и чувство безопасности. Эскапизм – удовлетворение потребности читателя отдохнуть и уйти от действительности (эскапизм). Формульная литература служит самым подходящим средством для ухода от действительности и расслабления. За это свойство литературная критика называет формульную литературу паралитературой, низовой литературой. Недостаток такого подхода: он заставляет оценивать формульную литературу лишь как низшую вместо того, чтобы в ее эскапистских характеристиках увидеть черты искусства определенного типа. Формульный элемент создает идеальный мир, в котором отсутствует беспорядок, двусмысленность, неопределенность и ограниченность реального мира, но большинство формульных произведений хотя бы внешним образом отражают реальную фактуру мира. Уход от действительности в формульной литературе обеспечивается особым акцентом на интенсивных и немедленных переживаниях.

Мир формулы можно описать как архетипическую повествовательную модель, воплощенную в образах, символах, мотивах и мифах конкретной культуры. В мире формулы аудитория может пережить максимум возбуждения, не испытывая чувств неуверенности и опасности, неизбежно сопутствующих подобному переживанию в реальности. Формулы созданы культурой и, в свою очередь, влияют на культуру, поскольку становятся общепринятыми способами представления и соотнесения определенных образов, символов, тем и мифов. Формулы становятся коллективными продуктами культуры, поскольку они наиболее удачно артикулируют модель воображения ряда предпочитающих их культурных групп. Четыре взаимосвязанные гипотезы, касающиеся диалектики отношений между формульной литературой и культурой, которая их производит и воспринимает: 1) Формульные повествования подкрепляют уже существующие интересы и установки, представляя воображаемый мир в соответствии с этими интересами и установками. 2) Формулы разрешают напряжения и неясности, возникающие вследствие конфликтов интересов разных групп внутри одной культуры или неопределенности отношений к тем или иным ценностям. 3) Формулы помогают аудитории исследовать в воображении границу между разрешенным и запрещенным и осторожно попробовать шагнуть за эту границу. 4) Литературные формулы способствуют процессу включения ценностных изменений в традиционные конструкты воображения [84, с. 39-50].

На массовую литературу, также как на массовую культуру в целом, одни нападали, другие от нападков ее защищали. Одно из наиболее убедительных выступлений в защиту массовой литературы, которую также называли «вульгарной», «низовой», «дешевой», принадлежит Г. К. Честертону. Знаменитый английский писатель, автор многих детективов, утверждал, что пренебрежение интеллектуалов к «вульгарному чтиву» есть наглядный пример недооценки жизни простых людей. Он обосновывал это утверждение: «Вульгарная» литература не вульгарна уже хотя бы потому, что захватывает

пылкое воображение миллионов читателей». Приключенческая литература, на которую обрушивается большая часть нападков, «вовсе не является уделом плебеев – она удел всякого нормального человека». В такой литературе Честертон не видел ничего дурного: «Она воплощает в себе привычное сочетание героики и оптимизма, тот трюизм, без которого невозможно человеческая жизнь». Гораздо больше дурного, по мнению Честертона, именно в «высокой» литературе, откровенно преступной и нагло развязной. Обвиняя развлекательную литературу в нечистоплотности и беспринципности, интеллектуалы штудируют философов, возводящих беспринципность в жизненный принцип, рассуждающих о бессмысленности бытия. «У заурядного читателя, быть может, весьма неприятные вкусы, зато он на всю жизнь уяснил себе, что отвага – это высшая добродетель, что верность – удел благородных и сильных духом, что спасти женщину – долг каждого мужчины и что поверженного врага не убивают. Эти простые истины не по плечу литературным снобам – для них этих истин не существует, как не существует никого, кроме них самих. В самом захудалом и наивном грошовом романе заложены прочные нравственные устои <...>» [247, с. 35-39].

Массовая литература в советском гуманитарном знании как предмет исследования также оценивалась весьма низко. В советской России интерес к изучению массовой литературы развивался с начала 1970-х гг., но, обусловленный влиянием советской идеологии, он имел национальную культурную специфику. Как отмечает А. Б. Ройфе, в советской России понятие «массовая литература» применялось исключительно к буржуазным феноменам. К особенностям советской аналитики массовой культуры в целом относится выборочной предмета исследования. Под массовой культурой понималась исключительно капиталистическая. В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 21 января 1972 г. «О литературно-художественной критике», появилось немало научных трудов, посвященных буржуазной западноевропейской и американской (США) массовой культуре. Современную

отечественную культуру, несмотря на явные параллели, в данном контексте не анализировали, массовой не называли [Ройфе, с. 182-184]. Труды по современной отечественной, издающейся массовыми тиражами литературе были единичными, посвящались в основном двум жанрам: советскому научно-фантастическому роману и советскому детективу (А. Ф. Бритиков А. Адамов, А. Н. Макаров). Лишь на исходе перестройки С. Шведов один из первых рассмотрел советскую литературу как массовую, включая в нее (что было явной новацией), историко-революционный и производственный роман («народные эпопеи»).

Как отмечает М. А. Черняк, литературоведы осознали необходимость серьезного изучения отечественной массовой литературы в середине 1990-х. С того времени знания о массовой литературе формируются на различных предметных полях – социология литературы (Л. Гудков, Б. Дубин), филология (С. Кагарлицкая, Н. Лейдерман и М. Липовецкий, Н. Мельников, М. Черняк, М. Чудакова и др.), семиотика культуры (М. Могильнер, И. Манкевич и др.). Предмет изучения отечественной массовой литературы многогранен: отечественная научно-фантастическая литература в аспекте проблем истории и теории жанра (А. Бритиков); социокультурный генезис прозы В. Токаревой (Р. Вейли); романы В. Дудинцева в аспекте типологии и эволюции жанра (Е. Н. Володина); социалистический реализм как культурная парадигма (Л. Геллер, Е. Добренко, Н. М. Козлова, Г. Митин); литература сталинской эпохи в историческом освещении, социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы (Е. Добренко); авторское искусство в системе советской массовой культуры (С. Я. Кагарлицкая); история советской фантастики (Р. С. Кац); советская литература в едином литературном процессе XX века (И. В. Кондаков); типология советской литературы и советских писателей (В. П. Конев); советская литература 1950–1980-х в историческом контексте (Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий); западные концепции «высокого» и «низкого» в советском контексте (Б. Менцель); молодежная

«исповедальная проза» на рубеже 50-60-х годов в зеркале критики (Е. В. Посашкова); уголовный роман (А. Райтблат); Солженицын и его эстетика (Г. М. Фридлиндер); литературная жизнь между оттепелью и застоем (М. Чудакова); советская литература массового спроса (С. Шведов); отличие писателя советской эпохи от советского писателя (Д. Штурман).

Какой теоретический вклад современных российских исследователей в изучение массовой литературы? С. Шведов обратил внимание на интегрирующую функцию массовой литературы: «Лежащее в основе популярной литературы представление о постигаемости этого мира, о том, что мир в равной степени известен и писателю, и читателю, выражается, в частности, в языковой конструкции («тот, который»), отражающей некоторые принципиальные структуры массового сознания. Взаимопонимание между автором и читателем, ориентация на единые представления о реальности, на единый эстетический вкус, иными словами, принадлежность к общему культурному контексту проявляется в том, что иногда писателю оказывается необязательно описывать создаваемую им реальность: можно просто указать на нее. <...> Все знания, принимаемые как сами собой разумеющиеся, обладают социализирующей структурой: допускается, что такое знание принимается каждым членом группы. Общность знания объединяет членов социальной группы, подтверждает ее единство» [263, с. 398, 399].

В современном литературоведении традиции культурного модернизма в отношении массовой литературы развивает В. Е. Хализев. По мнению Хализева, массовая литература – это совокупность популярных произведений, которые рассчитаны на читателя, не приобщенного (или мало приобщенного) к художественной культуре, невзыскательного, не обладающего развитым вкусом, не желающего либо не способного самостоятельно мыслить и по достоинству оценивать произведения, ищущего в печатной продукции, главным образом развлечения. Массовая литература (популярная, тривиальная, паралитература) мыслится как подобие литературы, паразитирующее на ней.

Массовая литература обслуживает читателя, чьи понятия о жизненных ценностях, о добре и зле исчерпываются примитивными стереотипами, тяготеют к общепризнанным стандартам. В соответствии с этим герои книг паралитературы лишены характера, психологической индивидуальности. Отсутствие характера компенсируется динамично развивающимся действием, обилием фантастических происшествий. Стремясь убедить читателя в достоверности изображаемого, массовая литература «обставляет» невозможные в реальности приключения узнаваемыми и документально достоверными подробностями [241, с. 161-165].

Н. Г. Мельников, рассматривая понятие массовой литературы в современном литературоведении, обращает внимание на то, что литературный «верх» и «низ» – величины изменчивые, порой меняющиеся местами. Общеизвестно, что массовая литература занимает эстетический «низ», имеет коммерческий успех и массовый спрос. Но по содержательному и эстетическому признаку к массовой литературе могут быть отнесены произведения, претендующие на элитарность, печатающиеся в малотиражных журналах авангардного типа, ориентирующиеся на культурную элиту. Эти произведения бывают безвкусными, подражательными, и с полным основанием могут быть отнесены к эстетическому «низу». Н. Г. Мельников развивает идеи Д. Кавелти: в основе каждой жанрово-тематической разновидности массовой литературы лежит одна или несколько литературных формул, каждая из которых представляет собой «синтез специфических культурных штампов и более универсальных повествовательных форм или архетипов». Поэтому к массовой литературе следует относить утвердившиеся в культурном сознании и литературе данной эпохи формально-содержательные модели прозаических произведений, построенных по определенной сюжетной схеме, обладающих общностью тематики, устоявшимся набором действующих лиц (подчиненных традиционной сюжетной функции) и воссоздающих «некий идеальный мир, в котором отсутствует беспорядок, двусмысленность, неопределенность и

ограниченность реального мира», в котором читатель может пережить максимум возбуждения, не испытывая чувств неуверенности и опасности, неизбежно сопутствующие такому переживанию в реальности [153, с. 232-233].

До последнего времени в попытках научного определения сущности такого феномена как массовая литература доминирующим остается признак – искусство для среднего или низкого вкуса. Однако И. И. Саморукову все же удалось сформулировать определение, которое не имеет открыто оценочного характера: массовая литература представляет собой «1) совокупность фикциональных повествовательных текстов; 2) созданных по готовым моделям сюжетного развертывания; 3) репрезентирующих значимые для тех или иных социальных групп символы, смыслы, идентичности; 4) производимых с учетом коммерческой выгоды; 5) выполняющих функцию социально-психологической адаптации их потребителя к актуальным проблемам современности» [210, с. 8].

Рассматривая массовую литературу, не обойтись без пояснения термина «беллетристика». В современной теории литературы беллетристика и массовая литература рассматриваются как близкие, но не тождественные. Хотя в ряде исследований они используются как синонимичные. Большинство авторов придерживаются точки зрения, согласно которой беллетристика представляет собой «среднее поле» литературы, отличаясь от высокой и массовой. В. Е. Хализев говорит о беллетристике в широком и узком смыслах: в широком смысле это – художественная литература, в узком смысле – повествовательная проза, литература «второго» ряда, но имеющая неоспоримые достоинства, отличающаяся от литературного «низа», т.е. срединное пространство литературы. В беллетристике значим прежде всего круг произведений, не обладающих масштабностью и сколько-нибудь выраженной художественной оригинальностью, но обсуждающих проблемы своей страны и эпохи, отвечающие духовным и интеллектуальным запросам современников, а иногда и потомков. Беллетристика, откликающаяся на литературно-общественные веяния своего времени, ценностно неоднородна. В одних случаях она содержит

в себе начала оригинальности и новизны (более в сфере идейно-тематической, чем художественной), в других – оказывается по преимуществу или полностью подражательной и эпигонской. Беллетристика, активно откликающаяся на «злобу дня», воплощающая веяния «малого времени», его заботы и тревоги, значима для понимания истории общественной и культурно-художественной жизни прошлых эпох [241, с. 169]. По мнению М. А. Черняк, беллетристику с массовой литературой роднит то, что она откликается на важнейшие веяния эпохи, занимательна по содержанию, обычно апеллирует к общепринятым моральным ценностям, поднимает вечные вопросы, подтверждает известное и осмысленное. Этим она вызывает читательский интерес. При этом сходстве есть и отличия: если в массовой литературе авторская точка зрения размыта и присутствует стилистическая разноголосица, то в беллетристике есть авторская позиция, точка зрения и интонация [246, с. 22, 159, 160].

В семиотике культуры массовая литература – культурный текст. Ю. М. Лотман доказывал, что понятие массовой литературы – социологическое: «Оно касается не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру. Таким образом, понятие «массовой литературы» в первую очередь определяет отношение того или иного коллектива к определенной группе текстов». По мнению Лотмана, массовая литература должна обладать двумя, взаимно противоречащими признаками: 1) она должна быть наиболее распространенной количественно частью литературы. 2) В этом же обществе она должна оцениваться чрезвычайно низко, как «плохая», «грубая», как бы не существовать вовсе. Прежде всего, массовая литература исходит из представления о том, что графически закреплённый текст – это и есть в себе произведение. Читатель не настроен на усложнения структуры своего сознания до уровня определенной информации – он хочет ее получить. Возникает настроенность на получение информации извне, то есть на ситуацию, типичную для общения на естественном языке.

Интерес к вопросу «Чем кончилось?» – ситуация типично нарративная, повествовательная. Она свойственна внехудожественному подходу к информации и проникает в искусство в результате давления естественного на вторичные моделирующие системы». Родство с фольклором проявляется в обязательности поэтики хорошего конца [131, с. 381, 382, 387, 388].

В рамках социологии культуры понятие «массовая литература» перестает быть негативным концептом или ассоциироваться с позитивной программой дальнейшего развития литературы (как у постмодернистов) и приобретает характер объективно-научного термина. С социологической точки зрения, к «массовой литературе» должны быть отнесены все произведения, получившие массовое распространение, читаемые большими массами людей вне зависимости от художественных достоинств и особенностей произведений. Социология культуры исходит из признания того факта, что никакое художественное явление не может получить массового распространения, если оно не удовлетворяет определенным человеческим потребностям [121].

С точки зрения социологии литературы, изучение массовой литературы должно быть обусловлено познавательными интересами к самой природе человека. В «массовой литературе» нет примитивного представления о человеке, она свободно оперирует самыми сложными приемами и литературными конструкциями, но использует их лишь для своих собственных целей и задач. Стереотипность и схематичность приемов массовой литературы – результат прагматического, инструментального использования уже отработанных ранее приемов и ходов. Массовую литературу занимает содержательное многообразие ролевых, ситуативных, нормативных конфликтов, коллизий социальной и ролевой идентификации.

Назначение массовой литературы – игровая репрезентация человеческих проблем, конфликтов, напряжений, а не техническая выразительность приемов. В фокусе внимания этой литературы – проблемы репрезентации человеческих взаимоотношений, которые моделируются в виде готовых

игровых, ролевых, ситуационных правил и ходов. Главное отличие массовой литературы – принципиальная позитивность отношения к миру, отмеченная Г. К. Честертоном.

Массовая литература всегда будет ставить тривиальные эксперименты с типовыми ситуациями человеческих взаимоотношений. Типовыми в том смысле, что они определяют нормативные структуры повседневности. В отличие от литературного авангарда, для массовой литературы конечные ценности безусловны – в этом мире никто не задается вопросом, что такое добро, свобода и т.п. Проблемой является ситуативная нормативная неопределенность действия, достижения самоидентичности (успеха, согласия с собой, признания, справедливости, самоутверждения и проч.). Реальность массовой литературы проникнута пафосом позитивного действия. Чтение и переживание этой литературы резко расширяет экзистенциальный горизонт. Прагматика действия, игровое моделирование этических, психологических и прочих коллизий, позволяют индивиду открыть себя себе самому или объяснить себе других социальных персонажей.

То, что массовая литература всегда строится не на рефлексии, а на ценностной прагматике активного действия, дает исследователям определенные возможности изучения нормативных структур, задающих характер поведения в различных проблемных ситуациях, ролевых конфликтах, институциональных рамках. Для анализа массовой литературы необходим инструментарий как можно более широкого круга дисциплин: психологии, социологии, экономики, истории и проч. Массовая литература в данном случае становится таким же материалом для анализа или объяснения, как и любая другая система человеческого действия – религия, экономика, власть, образование и тому подобное [49, с. 93-97].

Итак, к массовой литературе относят, в первую очередь, ту литературу, которая пользуется наибольшим читательским спросом. Массовую литературу понимают как текст общедоступный и общепонятный, в основе которого –

базовые модели сознания, присущие всем людям. Основные качества массовой литературы, в том числе, беллетристики, – установка на читателя, занимательность, олицетворение повседневного. Основные функции массовой литературы – коммуникативная и адаптивная. Исходя из этих теоретических посылок, массовая художественная литература рассматривается как знаково-коммуникативный и адаптивный механизм общественной жизни [240, с. 38-44], источник культурологической информации для изучения повседневности.

1.4. Массовая литература и повседневность

Изучение повседневной хозяйственной культуры России 1960-х – начала 1980-х по текстам советской массовой литературы теоретически опирается на философские положения В. Соловьева, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, О. Шпенглера и М. Хайдеггера о художественных методах познания культуры, которые давно вошли в культурологический инструментарий. Безусловно, культура может и должна изучаться традиционными научными методами. Но как бесконечность духа, бездонность смыслов, динамическая целостность и экзистенция – ее познание должно включать и художественный дискурс. Художественное познание дает иную, по сравнению со «сциентистско-прогрессистской» схему историко-культурного процесса. Именно такой тип познания соответствует природе культуры с ее динамичностью, процессуальностью, парадоксальностью, сложностью связей [271, с. 256].

Теоретической основой исследования является системная модель культуры М.С. Кагана с теорией о взаимосвязи трех подсистем культуры – материальной, духовной, художественной. В теории М. С. Кагана художественная деятельность человека рассматривается как один из видов человеческой деятельности. В ней нет разделения на материальную и духовную составляющие, слиты воедино теоретическое и практическое освоение мира. В художественной деятельности обнаруживаются все четыре основных вида

человеческой деятельности: преобразование реальности, общение людей, познание и ценностная ориентация.

Искусство есть предметное бытие художественной деятельности и, в отличие от других частей культуры, представляет человеческую деятельность не односторонне, а целостно. Иначе говоря, оно изоморфно культуре, то есть имеет аналогичную структуру. Культура представляет собой социальный макрокосм, охватывающий всю полноту и целостность, глобальность и тотальность человеческой деятельности, а искусство – это микрокосм, в котором отражается культурный макрокосм. В историческом измерении бытия искусство, принадлежащее каждому конкретному историческому, классовому и другим типам культуры, становится его образной моделью, его «портретом», его «самосознанием» и начинает играть роль «кода», позволяющего проникнуть в глубинную суть представляемой им культуры. Искусство становится своего рода зеркалом, в которое культура смотрится, познавая в нем себя. Культуре нужно видеть в искусстве не точную фиксацию всего того, что в ней содержится, но отражение самой сути своей. На каждой ступени своего развития и в каждом национальном варианте художественная деятельность воплощала определенный образ мира и человека, который формировался в данном типе культуры. Чтобы понять особенности этих сменявших друг друга образов, нужно вывести каждый из них из характера культуры, взятой в единстве материального и духовного разделов и в сопряженности с особенностями социальных отношений данного времени. Знакомство с искусством каждой исторической фазы культуры дает максимальную возможность почувствовать неповторимый «аромат» всей культурной жизни того времени [85, с. 9-18].

Теоретическим основанием изучения повседневности по текстам массовой литературы также является структурализм. Основные принципы структурализма: 1) представление о бессознательных ментальных структурах, организующих и упорядочивающих жизнедеятельность человека и общества.

2) Бессознательные структуры объективируются в символические формы, тексты – знаково-символические системы. Цель метода – выявление и научное познание бессознательных мыслительных структур путем сравнительного структурного анализа знаковых систем, понимаемых как культурные тексты. Задачи: раскрытие механизмов, преобразующих внешние воздействия (стимулы) среды на внутренние индивидуальные представления (концепты). Экспликация механизмов, регулирующих преобразование концептов в знаки и символы, которыми человек отвечает на воздействие среды; выбор необходимых концептов и соотнесение их с коммуникативной ситуацией.

Основными процедурами структурализма являются выделение культурных текстов, имеющих определенные сходные черты; вычленение минимальных элементов структуры – пары оппозиционных концептов, связанных устойчивыми отношениями; сравнительный анализ выделенных сегментов для выявления стабильных правил преобразования внутри и между оппозициями; верификация полученных комбинаторных механизмов на широком круге текстов. В структуралистской парадигме создана семиотика – теория, исследующая свойства знаковых систем.

В рамках семиотики культуры художественный текст мыслится в качестве функции: «В понятие текста вводится презумпция создателя и аудитории, причем эти последние могут не совпадать по своим объемам <...>. Современная точка зрения опирается на представление о тексте как пересечения точек зрения создателя текста и аудитории. Третьим компонентом является наличие определенных структурных признаков, воспринимаемых как сигналы текста. Пересечение этих трех элементов создает оптимальные условия для восприятия объекта в качестве текста» [130, с. 179]. Согласно теории Ю. М. Лотмана, художественный текст выполняет функцию коллективной культурной памяти и предстает перед исследователем «как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые» [132, с. 160-162].

В культурологии семиотика чаще всего используется на уровнях семантическом и прагматическом. На уровне семантическом – для изучения знаковых систем как средств выражения смысла, на уровне прагматическом – для изучения отношения между знаковыми системами и их реципиентами. На семиотике базируется использование художественного текста в качестве источника культурологической информации. В современной российской науке тема информационных ресурсов художественной культуры, в том числе, литературных текстов, и методологические вопросы изучения текста художественного произведения рассматриваются и развиваются в работах Т. Н. Суминой.

В российском гуманитарном знании имеется уже немалый опыт изучения исторических и культурологических ресурсов художественных текстов. В практическом плане значимость художественной литературы как источника уже в 1970-80-х гг. была оценена российскими этнологами. Е. Филиппова на основании собственного опыта и опыта своих коллег, утверждала: художественная литература может дать много материала при рассмотрении стереотипов поведения, ценностных ориентаций, убеждений, этнического самосознания, брачно-семейных отношений. Особую ценность имеет реалистической литературы и отраженный в ней с большой достоверностью культурно-бытовой фон, среда обитания персонажей [239]. Для российских этнологов художественная литература является многократно апробированным источником, в частности, для изучения семьи. Снова и снова подтверждается, что эта литература содержит богатейший материал о ценностных ориентациях, убеждениях, моделях поведения, а также множество бытовых черт, которые не отражены ни в каких других источниках [136, с. 96]. Филологами и культурологами подчеркивается важное значение художественной литературы для изучения материальной культуры: в художественном произведении становится очевидной знаковая функция вещей [97]. Историки придают особое значение использованию художественной литературы как источника,

отражающего ментальность своего времени для «познания реалий XX века». Отмечают свойство литературы «нащупывать» и фиксировать реальность, улавливать «на бессознательном уровне существующие в обществе настроения, задолго до того, как они будут систематизированы на языке науки и найдут отражение в историографии» [74, 233]. В начале 21 века у историков появился первый опыт использования советского художественного произведения для изучения социальной истории [53].

В. Е. Хализев справедливо отмечает способность литературы отражать реальность, запечатлевать культурно значимые факты и реалии. Литература (что особенно характерно для нее в 19 и 20 столетиях) многопланово и настойчиво рисует «ткань жизни». Воссоздание жизненной конкретики выступает как призыв писателей к пристальному вниманию к связям между людьми и их непосредственным, ближайшим окружением. Контакты человека с окружающей реальностью, его общение с окружающими людьми составили неотъемлемую грань предметности литературных произведений 19-20 вв. Здесь словесное искусство интенсивно упрочивает свои связи с фундаментальным началом культуры. Оно постигает «ткань жизни» как сферу духовно-практических ориентаций человека. Литературная классика 19 века и в значительной мере – 20 века перекликается с той ветвью культурологии 20 века, которая ориентирована на проблемы межличностного общения [242, с. 34-41]. Именно способность литературы многопланово отражать реальность является основанием для изучения по художественным текстам феномена советской хозяйственной культуры.

Как отмечает академик РАН Ю. Поляков, художественная литература, отражающая современность, особенно значима для изучения истории повседневности в ее будничных проявлениях. Не менее важно и то, что писатель может глубоко проникнуть в психологию своих героев, мотивацию их поступков, помогая понять менталитет общества, характер и уровень общественного сознания» [182, с. 4, 5]. Значение художественной литературы

как источника культурологической информации о повседневной жизни затрагивается в работах И. А. Манкевич. Обращение культуролога к литературно-художественному наследию как к способу презентации бытия «человека частного» в контексте взаимодействия повседневных и литературных текстов культуры представляется автору перспективной сферой познания [141, с. 17-23].

Итак, если художественная литература в целом является признанным источником исторической и культурологической информации, есть основания включить в этот ряд массовую художественную литературу. Ю. М. Лотман на основании собственного исследовательского опыта утверждал: массовая литература устойчивее сохраняет формы прошлого. Б. Дубин и М. Черняк указывают на значимость информационной функции массовой литературы при изучении российской культуры. Особенно большой информационностью обладает массовая литература для изучения повседневной культуры. Этот аспект информационности массовой литературы уже доказан исследователями: «малохудожественные, популярные произведения литературы представляют исключительно ценный источниковый материал для исследователя, так как они – свидетели повторяемости, широкой адаптации идей, превращения их в предмет «массового потребления». Если прежде интеллектуальная история считала достойным внимания лишь «высокие» тексты», то современная антропоцентричная историография отказывается от методологического снобизма прежних лет» [156, с. 14]. Иными словами, массовая литература в художественно-образной форме фиксирует то, что Ф. Бродель обозначал в качестве задачи изучения повседневности: процесс восприятия официальной культуры низами, формы, в которые отливаются идеологические конструкты, попадая в профанный мир.

Массовая литература создается в соответствии с запросами читателя. Поэтому постичь особенности массовой литературы, своеобразие ее жанров и тематики – значит не только определить сущность этого культурного феномена,

но и проникнуть во внутренний мир нашего современника. Внимание к произведениям массовой литературы не только расширяет культурный горизонт, но радикально меняет оптику, ведь разнообразие массовой литературы – это разнообразие типов социальности. В массовой литературе поэтика повседневности дает возможность обнаружить точные приметы времени [246, с. 4, 5, 6, 174].

Т.Ф. Кузнецова утверждает: массовую беллетристику следует рассматривать как часть современной обыденной культуры и искать в ней черты именно этой культуры [120, с. 276-277]. То, что беллетристику следует считать частью обыденной культуры, – вопрос спорный. Но взаимосвязь массовой литературы, беллетристики и обыденной (повседневной) культуры можно доказать. Согласно морфологической модели культуры Орловой-Флиера, массовая литература входит в такой блок человеческой жизнедеятельности, как «культура познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений». Этот блок включает в себя и художественную культуру (специализированную и обыденную). Массовая литература является частью специализированной художественной культуры. Связь массовой литературы с обыденной, или повседневной, культурой видится в следующем: используются архетипические формы, присутствующие в человеке и обществе, применяется предельно простая техника письма, средняя семиотическая норма языка, конструируется простая прагматика, транслируются простые нравственные жизненные истины. Главное, что в основе массовой литературы лежат устойчивые «базовые модели» сознания, присущие всем людям. Изначальные стремления, цели массовых произведений понятны и привлекательны для огромного большинства населения, что и роднит этот пласт литературы с культурой повседневности, имеющей адаптивные ориентации. Эти «базовые модели» в схеме Орловой-Флиера фигурируют как элементы обыденного уровня разных блоков человеческой жизнедеятельности: мораль, нравственность, общественное мнение, межличностные отношения,

здравый смысл представлений о правилах человеческого поведения, народная мудрость, повседневные рациональные знания о мире, бытовая логика социальной жизнедеятельности.

Массовую литературу с повседневной культурой связывает и традиция. Повседневная культура имеет адаптивные ориентации, в своей установке общедоступна и общепонятна, ориентирована на сохранение традиции. Массовая литература, как вся массовая культура, также традиционна и консервативна [204, с. 222]. То, что «заурядный читатель на всю жизнь уяснил себе», является традиционными ценностями обыденной/повседневной культуры. Ценность массовой литературы для изучения повседневности заключается и в том, что массовая литература «обставляет» невозможные в реальности приключения узнаваемыми и документально достоверными подробностями, а беллетристика активно откликается на злобу дня, воплощает «векания своего времени, его заботы и тревоги» [241, с. 166]. Таким образом, массовая художественная литература для изучения повседневности в аспекте ценностных ориентаций и характерных умонастроений является не менее репрезентативным источником, чем мемуары, письма, воспоминания, социологические опросы, интервью и периодическая печать.

Для решения вопроса об использовании текстов советской массовой литературы (которые формально или неформально следовали методу соцреализма) для изучения повседневности, необходимо коснуться вопроса о генезисе соцреализма. Современные авторы в суждениях о мировоззрении соцреализма разделяются на две группы: одни усматривают генетическую связь соцреализма с фольклором и массовой культурой (Е. Добренко, Н. Лейдерман и М. Липовецкий), другие – генетическую связь соцреализма с авангардом/модерном (Б. Гройс, В. Конев). Аргументы первых: метод соцреализма образовался не по указке партийных властей, но власти великолепно использовали потребность общества, задержанного социальными катастрофами, неопределенностью и непредсказуемостью, в порядке, в некой

понятной, объясняющей мир и вдохновляющей мифологии. Власти всячески поддержали народившуюся художественную тенденцию, придав ей статус государственного искусства [55]. Соцреализм в огромной степени рожден такой тенденцией XX века как «восстание масс». Масса потребовала искусства на доступном ей языке, без модернистских сложностей [127, Т.1]. Аргументы противоположной точки зрения: соцреализм по мировоззрению родственен модернизму, ибо в основе всех форм модернизма лежит принцип создания новой реальности. С точки зрения общих мировоззренческих позиций экзистенциальные установки авангарда в искусстве совпадали с установками «авангарда рабочего класса». Теоретики соцреализма в авангардистском духе утверждали, что искусство не только должно «отражать, но и перестраивать» жизнь [113]. Вторая точка зрения вызывает несогласие. Конечно, авангард прагматичен, смысл его – в активном и агрессивном воздействии на публику. Но самое существенное в авангарде – его необычность, а одним из важнейших идейных принципов соцреализма выступает народность, что предполагает, кроме ценностных установок, создание произведений по форме и содержанию массовых, доступных народу. Кроме того, эстетическая платформа соцреализма включает реалистическое начало. Для массовой культуры характерен анитмодернизм и антиавангардизм [204, с. 222], следовательно, у соцреализма не может быть генетической связи с авангардом/модерном.

Актуальность изучения советской массовой литературы убедительно аргументировал С. Шведов: «только один резон говорить сегодня о литературе вчерашнего дня. <...> Хотим мы этого или нет, но ценности, заложенные в выбранных нами книгах, в той или иной степени усваиваются. <...> И потому литература, издававшаяся миллионными тиражами, сегодня с нами – в лице своих читателей, в виде ценностей, усвоенных при ее чтении. Многие из сегодняшних тяжелейших социальных проблем были непосредственно подготовлены культурой (и в частности чтением) предшествующих десятилетий. Речь идет о трактовке труда, о соотношении личности и

социальной группы, о противопоставлении своего и чужого, о соотношении юридического закона и неформального права и др.» [263, с. 392, 393]. В советской литературной критике, посвященной отечественной прозе 1960-х – начала 1980-х годов заметно выделяется ряд направлений, связанных с хозяйственной культурой: рабочая тема, деловая тема, деревенская тема, бытовая проза (М. Амусин, Н. Банк, А. Ф. Бритиков, Е. Вакулова, Л. Геллер, И. Девятко, Ю. Зубков, Н. Ильина, Е. Колмановский, В. Лакшин, В. Литвинов, А.Н. Макаров, А. Медников, Н. Наумова, В. Перцовский, Е. В. Посашкова, Ст. Родионов, А. Чепуров, Т. Чернышева, С. Шведов).

Тезис о том, что советская литература в какой-то мере формировала ценностные ориентации читателей, не требует доказательств. Все же для убедительности здесь можно привести теоретические положения социологии и психологии чтения. Важнейшими функциями советской литературы считались ценностно-ориентирующая и социализирующая, в соответствии с чем печатные источники пропагандировали идеи марксизма-ленинизма, формировали коммунистическое мировоззрение, способствовали усвоению правовых, моральных, эстетических норм и ценностей, вели выработку общепринятых способов поведения с помощью положительных и отрицательных санкций в виде прямой или косвенной оценки тех или иных поступков героев произведений [243, с. 58-59]. Как показали эмпирические исследования свободного времени, чтение художественной литературы занимало существенное место в структуре досуга советского человека. Даже в конце 1970-х, в условиях интенсивного развития экранной культуры (кино, телевидение), чтение художественной литературы оставалось интенсивным видом досуговой деятельности. Несмотря на возросший интерес к телевидению, в 1970-е годы у различных категорий населения потребность в чтении не снизилась [253, с. 60-64]. Исследования социологов 1975-1980 гг. в новых городах Восточной Сибири (Ангарске, Братске, Норильске, Саяногорске и др.) показали, что чтение оставалось основным занятием населения в свободное

время. Художественная литература составляла в среднем 76% всей читаемой литературы [124]. Кроме того, большое число художественных и телевизионных фильмов, спектаклей и телеспектаклей на темы современности и повседневности, имели первоначальную литературную основу.

В последние годы массовая советская литература 1960-х и 1970-х начала использоваться для изучения советской повседневности. Т. М. Димони рассматривает историю колхозной деревни по тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сестры». М. В. Селеменова ищет поэтику повседневности в городской прозе Ю. Трифонова. Но исследования, в котором по текстам массовой литературы была бы рассмотрена повседневная хозяйственная культура России 1960-1980-х гг., нет. Между тем такое исследование может наглядно показать тесную взаимосвязь трех подсистем культуры – материальной, духовной и художественной. Такое исследование может показать хозяйственную культуру повседневного уровня в ее идеалах, ценностях и нормах, ценностных ориентациях и мотивации труда, в обыденных технологиях жизнеобеспечения, социальных правилах и предубеждениях, технологиях взаимодействий в процессе труда. Все вместе, в сопоставлении с хозяйственной культурой специализированного уровня, может показать советскую хозяйственную культуру как систему, объяснить причины кризиса и найти общее между современной российской и советской культурой.

ГЛАВА 2. СОВЕТСКОЕ МАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ 1960–1980-х

2.1. Советское массовое общество как субъект культуры

Вопросы, рассматриваемые в главе, представляют собой контекст, необходимый для изучения и понимания текстов советской массовой литературы. Системный подход к изучению культуры М. С. Кагана видит бытие состоящим из четырех взаимопроникающих форм – природы, общества, человека и культуры. Поэтому для целостного понимания повседневной хозяйственной культуры и ее отражения в массовой литературе, необходимо рассмотреть советское общество как субъект культуры.

Во второй половине 1960-х в советской доминирующей культуре сложилась концепция «развитого социалистического общества», или «развитого социализма», которая опиралась на реальный факт создания в СССР основ индустриального общества. В концепции содержались идеи полной, хотя и относительной однородности советского общества, а также отсутствия внутри общества реальных противоречий. Современные исследователи период 1960-1970-х гг. выделяют как особый исторический рубеж в формировании советского массового общества. В 1960-70-е гг. в СССР формировалось общество массового потребления, завершался переход от традиционного доиндустриального и мобилизационного типов общества к массовому индустриальному, потребительскому. Основание: сравнилась численность городского и сельского населения, семьи переселялись в отдельное жилье. Развивалось самое современное СМИ – телевидение, и в семьях рабочих и служащих все больше появлялось современной бытовой техники. Население становилось, с одной стороны, более автономным от коммунально-коллективистской сферы, а с другой стороны, – более зависимым от рынка товаров массового потребления. Возникли новые формы проведения досуга –

туризм, молодежные и артистические кафе, интеллектуальные и художественные клубы по интересам. Несмотря на решительные и резкие выступления политических лидеров против потребительства (мещанства, вещизма), уравнильно-аскетический идеал безнадежно терял свою привлекательность. Это происходило на фоне демонстрационного эффекта западного потребительского образа жизни, информация о котором по разным каналам становилась все более доступной советским людям [73].

В 1960-1970-е годы заметные изменения происходили в сознании людей советского массового общества. Эти изменения взаимосвязаны с общей духовной атмосферой периодов «оттепели» и «застоя».

«Оттепель» понимается как кратковременный период 50-60-х гг., связанный с робкими и непоследовательными попытками демократизации политической, духовной, социальной и экономической сфер культуры. Масштабные исследования Института общественного мнения (ИОМ) «Комсомольской правды» под руководством Б. Грушина позволили нарисовать общую картину сознания масс этого периода. Основным стержнем духовной и материальной, публичной и частной жизни людей была коммунистическая идея: в той или иной форме она обсуждалась большинством населения. Для советских людей был характерен широкий диапазон интересов на уровне деклараций и реальной деятельности, разносторонняя развитость и высокая активность. Продвинутая структура досуга значительной части горожан. Творческая устремленность молодежи в промышленность, космос, науку, образование, искусство и спорт. Интерес к разнообразной информации, политике (международной обстановке), искусству и морали, затем – к труду, быту, спорту. Общегражданская позиция преобладала над частной, личная заинтересованность уступала место государственному интересу.

В массовом сознании самостоятельные суждения преобладали в отношении персонального бытия, полусамостоятельные – в отношении путей повышения благосостояния населения, улучшения досуга и т.п. [47, с. 518-525].

По отношению к советской власти отчетливо различались три типа людей: 1) активные приверженцы, истые адепты этой власти; 2) ее умеренные, законопослушные сторонники (конформисты); 3) люди, недовольные властью, выступающие скрыто или явно в оппозиции к ней (нонконформисты). Первых в советском обществе было *очень много*, конформисты составляли *большинство*, нонконформистов было *меньшинство* [47, с. 534-536]. В среде этого меньшинства – интеллигенции, молодежи, грамотных рабочих, техников и др. складывалось *инакомыслие*, вступавшее в разрез с официальной идеологией и канонами марксизма-ленинизма. Причем, инакомыслие складывалось не как тайный умысел одиночек, а как «массовая тенденция, развивающаяся спонтанно, неконтролируемо и неуправляемо [110, с. 402].

Эмоционально-психологический тонус общества в целом был высоким: высокая мера удовлетворения своей текущей жизнью и оптимизм при взгляде на будущее. Фиксировались и дифференциация взглядов, и высокое единодушие общественного мнения. В целом структура сознания советских людей в начале 1960-х определяется как монистически-плюралистическая. В подавляющем большинстве сознание было цельным, то есть свободным от внутренних противоречий и конфликтов. Определенные напряжения или прямые конфликты имели преимущественно латентный характер. Иногда они прорывались наружу в дискуссиях, что означало: несмотря на усилия коммунистической пропаганды, противоречие между общественным и личным оставалось в значительных масштабах непреодоленным [47, с. 538-547].

П. Вайль и А. Генис характерными чертами советского общества начала 1960-х считают массовый атеизм, возрастание ценности неформальных форм общения, ироничное отношение к официальным ценностям, влияние художественной культуры США (прозы Э. Хемингуэя) на формирование идеала мужчины [26].

Эпоха «застоя» – период с середины 1960-х до середины 1980-х характеризуется прекращением демократических преобразований,

консервацией и стабилизацией духовной, политической, социальной, экономической сфер культуры. По масштабным исследованиям Центра изучения общественного мнения при АН СССР под руководством Б. А. Грушина, во второй половине 1960-х – начале 1970-х, главное изменение – полный крах мечты о возможности реализации коммунистической идеи. Произошел фронтальный отход масс от всего «коммунистического», «социалистического» в интересах, нормах морали, стилях жизни. Сократился реальный интерес к международной политике. Значительно усилилось замещение интересов действительных интересами мнимыми (показушными); интересов действенных – интересами «платоническими», не проявлявшихся в конкретной деятельности. В морфологии массового сознания произошло существенное расширение зоны самостоятельных высказываний на фоне незнакомства с официальной точкой зрения. Но самостоятельные суждения были всего лишь «островами», вокруг которых простирались обширные «материки и воды» несвободного менталитета масс. У подавляющего большинства – откровенные высказывания в частной жизни, недостаточная откровенность или не откровенность в публичных высказываниях. Произошло заметное снижение интереса к отечественным СМИ. Набирало силу использование зарубежных источников, СМИ капиталистических стран. Широко распространилась квазиинформированность: хорошие знания о предмете, но изначально ложные, полученные из официальных источников.

Произошла дальнейшая дифференциация масс на базе резкого роста недовольства своей жизнью. В среде адептов строя и власти различались искренние адепты и псевдоадепты, «себе на уме». Различались нонконформисты и «аутисты» – те, которые отличались полным безразличием. Остальные входили в тип конформистов – людей законопослушных, но без особого рвения поддерживающих существующий строй. Расширилось поле объектов критики, негативные суждения все чаще приобретали системный характер. Эмоционально психологический тонус: в массе нарастало

беспокойство по поводу завтрашнего дня, чувство неуверенности, безысходности, сопровождаемые резким усилением пьянства.

Менталитет советского общества характеризовался расколом. Не было прежнего принципиального согласия в фундаментальных концептах жизни общества. Напряжения в взаимоотношениях субъектов (латентные в годы «оттепели») обернулись конфликтами между ними. Один из важнейших конфликтов касался готовности к серьезным переменам в жизни общества. Позитивное сознание полагало, что такие перемены необходимы, негативное – отрицало эту необходимость. Носителями первого типа сознания выступала часть молодежи, главным образом комсомольских активистов – не карьеристов. Носителями второго типа выступали все остальные слои и группы населения. Второй конфликт относился к сфере взаимоотношений *народа* (рядового населения страны в целом) и *власти* (представителей всех рангов, видов, родов управления), или *начальства*. Произошло резкое падение доверия населения к органам управления, институтам власти. Агитпроп не мог добиться тотального контроля над умами масс, органы управления не справлялись с проведением реформ. Однако и широкие массы не могли добиться успеха в противостоянии власти. Они не владели даже азами борьбы за свои интересы. Поэтому их протестная позиция, зафиксированная на рубеже 1960-х-1970-х, не содержала никакой реальной угрозы власти [48, часть 2, с. 843-861].

Этап, в который вступило советское общество с периода «оттепели», в концепции В. В. Радаева называется «патерналистским социализмом»: общее размягчение иерархических порядков, переход от прямого принуждения к социальному обмену, все большая дифференциация стилей жизни, развитие престижного потребления у правящих слоев [191, 192].

Мироощущение и самосознание молодежи второй половины шестидесятых – своих ровесников описал М. Веллер: двойственность сознания, утрата веры в коммунизм и вера в общечеловеческие ценности, искренняя поддержка внешней политики КПСС, непонимание происходящих изменений

во внешней и внутренней политике, патриотизм [32]. П. Вайлем и А. Генисом отмечены осознание ограниченности хемингуэевского идеала мужчины, разочарование и ощущение себя лишними людьми, принцип бездеятельности как протест против глупой деятельности, цинизм [26].

Исследования Ю. Аксютинина также показали: в советском обществе шел процесс дифференциации взглядов, общество стало более разнообразным в реакции на действия властей. Политические настроения многих людей не всегда стали совпадать с общественным мнением. Однако настроения эти часто определялись не столько осознанием своих (личных, групповых, классовых) интересов, сколько эмоциями, ментальностью, идеологическими установками. Недостаточная структурированность, рыхлость общественного сознания свидетельствует о его переходном состоянии – от тоталитарного монолитного единства и единодушия к более демократическому многоцветию. Произошел сдвиг в общественном сознании на всех его уровнях – социально-психологическом, нравственном и идеологическом. Правда, сдвиг этот отчетливее наблюдался среди творческой интеллигенции. Эту часть поколения, которая надеялась сделать общество подлинно правовым, назвали «шестидесятниками» [4, с. 484, 485].

Подводя общие итоги изучения массового сознания советского общества в 1970-е, Б. Грушин приходит к выводам: 1) советское общество *исторически еще было не готово* к общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям. 2) Несмотря на это, движение к переменам уже началось и набирало силу. Советское общество вступало в новую стадию жизни, завершившуюся гибелью [48, часть 2, с. 876-879].

Для решения задач исследования необходимо кратко рассмотреть социальную структуру и социальную стратификацию советского общества 1960-х – середины 1980-х годов. Социальная структура в широком смысле означает совокупность отношений между различными социальными группами и социальными институтами, обеспечивающими стабильность в обществе.

Социальные различия становятся социальной стратификацией, когда группы людей выстраиваются иерархически вдоль некоторой шкалы неравенства, которое может выражаться в различии доходов, состояний, власти, возраста, этнической принадлежности и посредством др. характеристик. Социологи, как правило, выделяют три основных типа социального расслоения: кастовую, сословную и классовую стратификации [228, с. 322].

Любое социоструктурное описание является описанием систем социального неравенства. Марксистская социология прогнозировала революционную ликвидацию неравенства, в коммунистическом будущем – бесклассовое общество [81, с. 293, 296]. В Программе КПСС (1961) определялась динамика советской социальной структуры: в ходе построения коммунизма: стирание различий между классами, устранение существенных различий между городом и деревней, умственным и физическим трудом [148].

До конца 1980-х официальная структура советского общества рисовалась сталинской формулой «2+1» как дружественные классы с прослойкой-интеллигенцией, без классовых антагонизмов. Два класса связывались с формами собственности: рабочие – с государственной, крестьяне – с колхозно-кооперативной. Ведущая роль (социальный опыт и ответственность) идеологически была закреплена за рабочим классом. Нормативно формула «2+1» была закреплена в Конституции СССР. Соответственно человек идентифицировался при заполнении анкет, написании автобиографии, в переписях населения, социологических исследованиях.

До 1960-х годов сталинская формула социальной структуры воспринималась как абсолютная истина. Но с периода «оттепели» начались попытки советских социологов поставить формулу под сомнение. Это было связано и с западными концепциями: о доминировании среднего класса и о смещении границ рабочего класса. В СССР С. А. Кугель и его единомышленники пытались расширить трактовку границ рабочего класса, доказывали, что ИТР, конторские и торговые работники могут рассматриваться

как часть рабочего класса [268]. Техническую интеллигенцию колхозов предлагалось рассматривать как социальный слой внутри колхозного крестьянства. В работах Ю.Е. Волкова были показаны высшие слои советского общества, которые отсутствовали в официальной формуле [35]. Общественно-политическая дискуссия на эту тему продлилась до середины 1980-х.

В годы «оттепели» в СССР начались первые стратификационные исследования. В работах социологов появились высказывания о существовании в стране значительного неравенства во власти, жизненных шансах, социальном статусе [272]. Предлагались стратификационные критерии: уровень образования, квалификация, содержание труда и различие в доходах – те же, что использовались западными социологами. Формулировалась концепция иерархической структуры советского общества, где социальные группы ранжировались в соответствии с их более высоким или низким статусом [71]. В работах социологов открыто говорилось, что неравенство является не только «наследием капитализма, но и воспроизводится в условиях социализма» [268]. Не отвергая открыто официальную формулу «2+1», авторы выделяли до десяти социально-профессиональных групп и стремились описать различия между ними по экономическому положению, культурному уровню, ценностным ориентациям и образу жизни. После пражских событий 1968 года атмосфера в социальных науках существенно изменилась. Стратификационные критерии называли «буржуазными» и выступали против их применения к советскому обществу [205]. Социологи отходили от теоретических стратификационных исследований, но на практике стратификационные критерии продолжали использовать при изучении образа жизни, в т.ч., читательских интересов.

В социологических исследованиях постоянно использовался критерий места жительства. Шел процесс урбанизации, стремительно росло городское население, во многом за счет масштабных, интенсивных миграций из сел, связанных с ростом промышленности и поисками лучших условий жизни. Следствием необычайно высоких темпов урбанизации стала массовая

маргинальность населения городов: не только средние, но и крупнейшие города стремительно пополнялись или формировались непосредственно за счет выходцев из села. «Ядро» не только новых, но и многих старых городов «составили люди, абсолютно не адаптированные к условиям городской жизни. Старые городские локальные субкультуры стирались потоком бывших сельских жителей и приобретали за счёт этого налёт маргинальности. У людей, попадавших в большие города без опыта жизни в малых и средних городах, значительно затруднялось формирование качественно новой городской культуры, основанной на разделении труда [232, с. 97-99]. В п. 3.2 будут показаны различия читательских интересов жителей городов и сел.

В то же время сторонники сталинской формулы «2+1» пытались ее модернизировать. Была создана концепция социальной однородности зрелого социализма [269]. Концепция развивалась в ряде документов и монографий. Стремилась доказать сущностное единство интеллигенции и служащих, аргументируя, что те и другие выполняют специализированные функции умственного труда, хотя по уровню образования могут существенно различаться [218]. Как отмечает О. И. Шкаратан, среди профессиональных социологов концепция социальной однородности оценивалась как теоретически и эмпирически несостоятельная. С концепцией социальной однородности связано и понятие «советский народ», которое стало использоваться в официальных текстах с 1972 года. Это понятие объединяло все элементы социальной структуры и национальности. В конце 1970-х и начале 1980-х публиковались работы преимущественно сторонников официальной формулы «2+1» и концепции растущей социальной однородности общества (М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов, В. И. Староверов, Б. В. Ракитский и др.).

Открыто отвергнуть сталинскую формулу «2+1» и показать наличие господствующего класса советского общества социологи смогли только в перестроечное время, с наступлением гласности (В. Шубкин, Л. Гудков, Ю. Левада, Л. Карпинский и др.). В конце 1980-х в СССР вышли публикации

социологов, открыто признавших себя сторонниками концепции нового господствующего класса. Было показано, что управленческий аппарат СССР обладает всеми признаками общественного класса, создает для себя возможности присвоения не принадлежащего ему чужого труда. Существование этого класса возможно лишь в условиях экстенсивной экономики [6].

В 1990-е годы были опубликованы исследования, развивающие взгляд на советское общество как на сословно-слоевое этакратическое. Согласно концепции В.В. Радаева, советское общество было системой а) бесклассовой, б) этакратической, в) ранговой, г) корпоративной, д) партиномиальной, е) патерналистской. В обществе шли процессы деструктуризации классов, атомизации, маргинализации многих социальных групп. Основным критерием социальной стратификации стало распределение власти. Положение каждого индивида определялось в первую очередь его формальными рангами – утвержденными высшими властями местами в общественной иерархии. Признаки ранговой системы содержались в каждой анкете, которую заполнял советский человек. В ранговой системе выстраивается схема основных страт советского общества:

1. Политическое руководство 2. Высшие функционеры и управленцы	Правящие слои
3. Руководители и функционеры среднего и низшего уровня	Передаточные слои
4. Специалисты без руководящих должностей 5. Квалифицированные рабочие 6. Низшие служащие 7. Рабочие средней и низкой квалификации	Исполнительские слои
8. Учащиеся, пенсионеры и т.д.	«Иждивенцы»
9. Деклассированные элементы, люмпены, безработные 10. Заключение, рядовые срочной армейской службы	«Парии»

Чем ближе находилась социальная группа к государственной власти и каналам распределения государственных ресурсов, тем выше было ее экономическое и социальное положение. Место во властной иерархии становилось важнее формальных дипломов и профессиональных навыков, накопленной собственности и размера получаемых доходов. Продвижение в этой иерархии открывало кратчайшую дорогу к большинству материальных и нематериальных благ для себя и своих близких. Во властной элите ключевые позиции занимали политическая и военная элита, а второстепенные – хозяйственная и культурная элита. Элита была консолидирована, остальная часть общества достаточно аморфна – «массы» [192].

В. И. Ильин обращает внимание на две особенности советской социальной структуры: 1) реальный пролетариат «не тянул» на отведенную ему в марксистской идеологии роль. Чтобы называться истинным пролетарием, не обязательно было стоять у станка или работать лопатой. Надо было лишь поддерживать «пролетарскую» идеологию. 2) Социальный статус повышался членством в КПСС, учеными степенями, научными званиями, званиями «заслуженный» и «народный» [76].

А. Андреев социальную структуру на этапе развитого социализма называет «квазисословной», включавшей и официально признаваемые элементы (рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенцию), и не входившие в данный перечень, но реально существовавшие и игравшие значительную роль социальные группы – партийно-советскую номенклатуру и нелегальную теневую буржуазию [7]. М. Н. Борисов в обществе развитого социализма усматривает «замаскированные» классы: 1) «государственные феодалы» – партийно-государственная верхушка. 2) «Буржуа» – класс имущих (криминальная буржуазия и коррумпированная бюрократия). 3) «Низший класс», куда входят служащие, рабочие и крестьяне [17, с. 187-195].

Почти из всех современных исследований, касающихся структуры советского общества, исчезла «интеллигенция». В культурологии это понятие

продолжает использоваться с этическим содержанием: приверженность общественным интересам на основе критического мышления и совести, приверженность образованности, демократизму, диалогу с культурными традициями Европы и мира. Г. С. Кнабе утверждает, что в советский период интеллигенция пыталась сохранить верность своим исходным началам, по-прежнему соединять «служение истории, обществу, стране и народу в реальных формах их общественно-исторического бытия». Часть интеллигенции сохранила «коренное интеллигентское чувство ответственности за решение стоящих перед страной общих задач» [99, с. 26, 31, 38].

В 1970-е в западноевропейской науке развивалась концепция советского среднего класса. Одна из авторов, В. Данхэм, считала, что советский средний класс начал появляться в процессе сталинской модернизации. Это были люди, которым удалось не только уйти из деревни, но и найти место в новом обществе. Изучая ценности нового советского среднего класса, только еще выделявшегося из массы, автор указывает, что ведущей идеологемой этой социальной группы стала «культурность» – и программа правильного общественного поведения, и тип кодирования связей между людьми через приобретения, и способ презентации завоеванных социальных позиций [279]. В России в 1990-е концепцию советского среднего класса развивает В. В. Радаев. Согласно его концепции, костяк выделявшегося из масс советского среднего класса составляли специалисты с высшим образованием. Дипломы освобождали их от тяжелого физического труда, обеспечивая сносный доход и определенный престиж занятий [194].

Итак, советское общество 1960–1980-х имело очень сложную социальную структуру и социальную стратификацию. Разумеется, оно не объясняется формулой «2+1», но в текстах массовой литературы эта формула находила отражение, также как и многие стратификационные критерии и представления о социальном неравенстве.

2.1. Советская хозяйственная культура 1960–1980-х специализированного уровня

Для целостного видения хозяйственной культуры России 1960-х - начала 1980-х необходимо: 1) рассмотреть ее системно в соответствии с принятым в п. 1.1. определениями хозяйственной культуры, специализированной и повседневной хозяйственной культуры. 2) Сопоставить советские и современные ее интерпретации. 3) Рассмотреть в динамике периодов «оттепели» и «застоя».

Хозяйственная культура специализированного уровня – нацеленный на жизнеобеспечение способ человеческой деятельности в общественном производстве, система взаимосвязанных официальных идеалов и ценностей, специализированных знаний, технологий, институтов.

Идеал. Основоположники марксизма переработали диалектические идеи Гегеля относительно идеала. У Гегеля идеал – момент действительности, образ человеческого духа, вечно развивающийся через свои имманентные противоречия, всегда конкретен и постепенно реализуется в истории. В марксизме идеал – образ цели деятельности объединенных вокруг общей задачи людей; активная, организующая сознание людей сила, объединяющая их вокруг решения вполне определенных, конкретных, исторически назревших задач [83]. М. С. Каган указывает, что в науке имеют место два варианта понимания идеала: 1) идеал выполняет роль высшей духовной ценности; 2) Идеал – модификация проектной, духовно-преобразовательной деятельности человека [87, с. 83].

Идеалом в официальной советской культуре, в том числе, в хозяйственной культуре специализированного уровня, был коммунизм, «прогрессивный идеал, коммунистическое мировоззрение». Теоретически это – общественная собственность на основные средства производства, высшее развитие материального и духовного производства, создание условий для

всестороннего свободного развития каждого человека, труд – первая потребность жизни, рост производительных сил дает возможность каждому трудиться по способностям, потреблять – по потребностям. Исчезают классовые различия, существенные различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Отмирает государство и вся политическая надстройка, развивается общественное самоуправление. Развитие общества и культуры превращается в научный, планомерный процесс.

Официальная позиция власти относительно достижения идеала менялась от периода «оттепели» к периоду «застоя». В годы «оттепели» задача построения коммунизма ставилась в конкретно-исторической плоскости: уже в 1959 г. первая фаза коммунизма – социализм считалась достигнутой. Общество ориентировалось на переход к созданию второй фазы – полного коммунизма. Третья Программа КПСС (1961) создание материально-технической базы коммунизма с изобилием материальных благ планировала к 1980 году. Через шесть лет задача построения коммунизма из конкретно-исторической плоскости была переведена в теоретическую. В 1967 году на праздновании 50-летия Октябрьской революции в выступлении Л. И. Брежнева впервые прозвучал вывод о построении в СССР «развитого социалистического общества». Сложилась идеологическая концепция «развитого социализма». Реализация задачи построения полного коммунизма отодвигалась на неопределенное время.

По мнению М. Малиа, несмотря на обещание построить к 1980 году Коммунизм, Хрущев имел в виду всего лишь отмену платы за жилье, общественный транспорт и коммунальные услуги. То была утопия полного социального обеспечения и эгалитаризма для простого человека. И подобные наивные представления были весьма широко распространены среди его наиболее простодушных соотечественников [138, с. 348-372].

По мнению Ю. Аксютина, курс на коммунизм можно рассматривать как попытку ухода высшей власти от решения реальных проблем в сельском

хозяйстве, промышленности и обществе. Бросок к светлому будущему – проверенный способ начать все с «чистого листа». Курс на коммунизм по своей природе был попыткой контрреформы, начатой в ответ на появление новых общественных тенденций, угрожавших основам социализма и всевластию правящих кругов. С ростом образования населения, вместе с усиливающейся производственно-функциональной, культурной и имущественной дифференциацией, набирал обороты процесс превращения прежних статистических группировок в социальные общности. Поскольку для верховной власти даже слой бюрократии представляет угрозу ее прерогативам, то курс на коммунизм можно толковать и как стремление власти растворить отдельные интересы в едином, преодолеть растущую обособленность социальных групп, сплотив все население вокруг великой цели [4, с. 330, 331].

Л. Иониным курс на коммунизм рассматривается как проявление одного из принципов советского политического канона – целенаправленности: ориентация на будущее. Причем, целенаправленность не имела оправдания и обоснования в сегодняшнем дне: «Эта неукорененность в сегодня и вследствие этого как бы ирреальность самой системы доставляли большие неудобства ее вождям и устроителям, потому что трудно заставлять людей жить как бы понарошку, т.е. как бы завтра в сегодняшнем мире, или сегодня – в завтрашнем. Вожди по-разному пытались преодолеть эту трудность. Например, Н.С. Хрущев объявил, что ждать осталось недолго, <...> завтра станет сегодня через двадцать лет. Когда двадцать лет прошло, но ничего особенного не случилось, Брежнев решил забыть об этом обещании двусмысленного будущего и объявил, что мы живем в «реальном социализме» [82, с. 218, 219].

Согласно принятому в исследовании определению хозяйственной культуры, идеал – коммунизм видится стержнем хозяйственной системы специализированного уровня. Все другие элементы – ценности, знания, технологии непосредственно связаны с ним. Любая динамика идеала неизбежно сказывается на всех элементах системы.

Ценность. В советской общественно-политической литературе ценность толковалась как положительная или отрицательная значимость объектов окружающего мира для человека, класса, группы, общества в целом, определяемая не их свойствами самими по себе, а их вовлеченностью в сферу человеческой жизнедеятельности, интересов и потребностей, социальных отношений. В советской философской литературе проблема ценностей активно разрабатывалась в 1960-70-е годы (О. М. Бакурадзе, Б. И. Додонов, О. Г. Дробницкий, М. С. Каган, А. М. Коршунов, Л. Н. Столович, В. П. Тугаринов и др.). Были разработаны классификации ценностей. Так, В. П. Тугаринов выделял две группы ценностей: ценности жизни и ценности культуры. Ценности жизни: жизнь, здоровье, радость жизни, общение с людьми и др. Ценности культуры: *материальные* (техника, жилище, пища, одежда и др.), *социально-политические* (общественный порядок, мир, безопасность, свобода, равенство, справедливость, человечность) и *духовные* (образование, наука, искусство). О. Г. Дробницкий выделял ценности предметные и субъектные. В марксистской философии применялись и другие классификации: ценности *материальные и духовные* (В. Момов), *реальные и потенциальные* (В. Момов, В. Г. Алексеева), *фактические и признаваемые* (Б. И. Додонов). Марксистская философия признавала наличие системы общечеловеческих ценностей.

В современном понимании ценность – то, что особо, позитивно значимо в жизни человека и общества. Это установка, позволяющая человеку и обществу ориентироваться в окружающем мире и созидать. Ценности культуры – особая объективная положительная значимость чего-либо в духовной жизни конкретного человека, социальной группы, общества. Поскольку исследование базируется на системном подходе к изучению культуры М. С. Кагана, то логично опираться и на его философскую теорию ценности. Каган предлагает следующую структуру ценностей: 1) нравственные (Добро, Благородство, Отзывчивость, Готовность помочь другому, Справедливость,

Самоотверженность, Бескорыстие, Альтруизм); 2) социально-политические (общественный порядок, права социальной группы, законопослушание, патриотизм, гражданственность, национальное достоинство, сословная гордость, классовая солидарность, партийная дисциплина и др.); 3) художественные; 4) религиозные; 5) эстетические. Совесть – ценностный «инструмент» нравственного сознания [87, с. 50, 53, 107, 111, 112].

Ценность заключает в себе специфический смысл данной культуры и данного общества. В советской философской и общественно-политической литературе начала 1980-х в качестве важнейших социальных ценностей общества развитого социализма выделялись: *идеология, образование, труд, культура, мораль и человек как высшая ценность* [139, с. 9]. Как социалистические ценности выделили: *человек труда, мир, общественная собственность на средства производства, коллективизм, народовластие, духовные ценности (добро, честность, красота, истина, идеалы, долг, ответственность, социальная активность)* [12, с. 19-34]. К ценностям также относили *политическую культуру личности, патриотизм, дисциплину, профессию*. Названные ценности общества развитого социализма классифицируются по схемам В. Тугаринова и В. Момова, включают общечеловеческие ценности. В структуре ценностей М. С. Кагана названные ценности распределяются по группам «нравственные» и «социально-политические».

Историзм позволяет представить культуру в реальных, конкретных формах и разновидностях. Историзм позволяет показать, что универсальные формы культуры в конкретно-исторических типах предстают по-разному. В советской культуре обозначенные Н. Н. Зарубиной универсальные базовые ценности хозяйственной культуры – *труд, собственность, богатство, практицизм и рациональность, профессионализм, предприимчивость* приобрели связанную с официальным идеалом специфику: *собственность – общественная, труд – общественно-полезный и коммунистический; богатство*

(благосостояние) – народное; рациональность – плановое хозяйство; практицизм, предприимчивость – в установленных государством формах (движение рационализаторов, встречные планы, движение за коммунистический труд, трудовые почины, хозяйственный расчет) и нормах.

Труд общественно-полезный. Конституция СССР провозглашала: «Обязанность и дело чести каждого способного к труду гражданина СССР – добросовестный труд в избранной им области общественно-полезной деятельности, соблюдение трудовой дисциплины. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества».

Труд коммунистический теоретически является формой трудовой деятельности, специфической для зрелого коммунистического общества. Это деятельность, определяемая необходимостью самостоятельного решения встающих перед человеком проблем и задач; где совпадают целеполагание и целереализация, планирование. Это цель жизни, способ развития способностей человека, деятельность без принуждения, ибо она становится первой жизненной потребностью и наивысшим наслаждением индивида. Это бесплатный труд на пользу общества, добровольный, вне нормы, без расчета на вознаграждение, как потребность здорового организма [140]. Понятие «ударный труд» означало высокие темпы работы с целью повышение производительности труда и ускорения создания материально-технической базы коммунизма. Это труд с полным напряжением сил, ориентированный на превышение установленных норм и сроков. По текстам общественно-политической литературы, это *самоотверженный* труд, когда рабочий человек поступает личными интересами во имя бурного роста производительности труда. Как сообщали советские СМИ, за присвоение звания «коммунистического труда» боролись трудовые коллективы во всех отраслях культуры [159, с. 1].

Коммунистическое отношение к труду требовалось воспитывать. Эту задачу решали государственные институты и общественные организации.

В Уставе ВЛКСМ одной из главных задач определялось воспитание юношей и девушек «на примерах самоотверженного труда рабочих, колхозников, интеллигенции». Но, как показывали исследования советских философов, в 1970-х гг. формирование ценностной ориентации личности на общественно-полезный, добросовестный труд сталкивалось с препятствиями в системе самой хозяйственной культуры. На основании оценки анкетных опросов работающей и учащейся городской и сельской молодежи Ленинграда, Калужской, Саратовской, Челябинской областей и Приморского края были сделаны выводы: препятствием для формирования ценностной ориентации на добросовестный труд является количественный подход к оценке труда – оплата его только по должности, по затраченному времени, независимо от величины созданной этим трудом стоимости [244, с. 22].

Исследование Н. Зарубиной показывает: большевистская идеология, используя распространенную в дореволюционном крестьянском массовом сознании низкую ценность интеллектуального, духовного труда, принижала статус этой деятельности в пользу производственного труда в промышленности и сельском хозяйстве. Труд интеллектуальный рассматривался как «второстепенный» [69, с. 145]. Следует добавить: в специализированной культуре шла динамика в отношении ценности труда. Со второй половины 1950-х идеология развивала идею о роли науки в построении коммунизма. В документах КПСС и научных трудах подчеркивала роль науки в производстве. Законодательно создавались условия для получения массой людей высшего образования. Количественный рост людей с высшим образованием считался важнейшим достижением развития народного хозяйства.

Собственность общественная. Ценность общественной собственности была закреплена в Конституции СССР, РСФСР, утвердилась как институциональная норма. «Моральный кодекс строителя коммунизма» утверждал: принципом отношения к общественной собственности является

забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния. Устав ВЛКСМ требовал: каждый член ВЛКСМ обязан беречь и приумножать социалистическую собственность. Ценность общественной (государственной) собственности подчеркивается мерой ответственности за нанесенный ей ущерб, что наглядно подтверждается статьями УК РСФСР. Наказания за хищения государственной собственности или причиненный вред значительно строже, чем за те же действия по отношению к личной собственности.

По мнению В.В. Радаева для советской экономики в период, наступивший после «оттепели», было характерно: собственность государства постепенно переходила в руки отраслевых и региональных корпораций, крупнейших предприятий и объединений, отвоевывающих у Центра все больше фактических распорядительных функций [188].

Богатство (благосостояние). Известно, что в культурах мира существует представление о праведном и неправедном богатстве. Неправедное богатство осуждается. Богатство одобряется лишь при условии его соединения с ценностями политическими, моральными и религиозными. Непомерная страсть к богатству и безмерное накопление – осуждаемая ценностная ориентация в каждой культуре. Богатство должно соответствовать доминирующей морали и социальному статусу обладателя [69, с. 21]. Конкретно-историческое содержание богатства в советской культуре: исходя из общественной собственности на средства производства, богатство должно быть общественным (народным). Соответственно, понятия «богатство» и «благосостояние» как изобилие материальных благ использовались по отношению к обществу в целом. По отношению к личности понятие «богатство» обычно сводилось к духовному содержанию («духовное богатство личности»), а если речь шла о материальных благах, то использовалось понятие «благосостояние». Согласно политэкономии социализма и Конституции СССР (1977), высшая цель общественного производства при социализме – наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей

людей. Во всех партийных документах задачей развития народного хозяйства был рост материального благосостояния советского народа. Согласно принципу социализма «От каждого – по способности, каждому – по труду» и положению Морального кодекса строителя коммунизма «Кто не работает, тот не ест», более высокое благосостояние должно быть у того, кто лучше трудится в общественном производстве. Универсальное осуждение непомерной страсти к личному богатству, ценностной ориентации на безмерное накопление в советской культуре приняло форму критики мещанства и вещизма.

Рациональность. В философском значении рациональность – это соответствие деятельности разумным правилам, соблюдение которых – условие достижения цели. В социологии рациональными называются убеждения последовательные, непротиворечивые и совместимые с опытом. В советском контексте рациональность по содержанию ближе всего к понятию «рационализация», под которым понимается процесс организации и регулирования деятельности с помощью разума, научно и эмпирически обоснованных принципов, правил, процедур, технологий. Теоретической основой советской специализированной хозяйственной культуры было учение К. Маркса. На его основе, а также на основе работ В. И. Ленина была создана научная дисциплина «Политэкономия социализма». Рациональность находила воплощение в плановом хозяйстве. В советских официальных текстах постоянно подчеркивается научность руководства народным хозяйством. При Госплане СССР в 1955 г. был образован Научно-исследовательский экономический институт (НИЭИ). Экономисты рассчитывали «рациональные нормы потребления».

Профессионализм, профессия, образование. Профессионализму в советской специализированной культуре придавалось очень большое значение. Ряд законов и постановлений создавал правовую базу для всеобщего среднего образования, для получения среднего специального и высшего образования. Согласно Программе КПСС (1961), для создания материально-технической

базы коммунизма был необходим высокий культурно-технический уровень трудящихся. В официальных текстах среди задач формирования нового человека указывалось повышение профессионального мастерства [200, с. 12]. Официальный лозунг: «Кадры решают все». Во второй половине 1970-х важными достижениями советской образовательной политики считались: каждый восьмой человек из десяти, занятых в народном хозяйстве, имеет высшее и среднее (полное и неполное) образование; по числу ученых и инженеров СССР занимает первое место в мире; за десять лет (1966-1975) прием в ПТУ почти удвоился и достиг более 2 млн. человек; завершился переход ко всеобщему среднему образованию молодежи. При этом высокое качество советского образования считалось положением, не требующим доказательства. В. В. Радаев среди характерных особенностей патерналистского этапа социализма выделяет возрастание значения образовательных аттестатов и дипломов [188].

Предприимчивость. Точка зрения о жестком подавлении личной предприимчивости в условиях планово-централизованной экономики определенно высказана Н. Н. Зарубиной [69, с. 145-148]. Культурологический анализ советской хозяйственной культуры позволяет сделать важное уточнение: в системе советской хозяйственной культуры были установлены границы предприимчивости. Иными словами, сложилась советская специфика этой ценности. Официальная культура называла предприимчивость *творческой инициативой* и поощряла морально и материально, но лишь в определенных формах (движение изобретателей и рационализаторов, индивидуальные и коллективные повышенные обязательства, встречные планы, движение за коммунистический труд, трудовые почины, позже – хозяйственный расчет) и в рамках законов, регулирующих хозяйственную деятельность. В решениях XXVI съезда КПСС среди задач формирования нового человека были определены: всемерное развитие инициативы, деловитости, творческого поиска резервов и возможностей роста производства [200, с. 12]. Постановление

ЦК КПСС (1982) нацеливает на развитие социалистической предприимчивости колхозов и совхозов [184, с.89]. Один из ведущих советских ученых Л. Н. Коган в структуре экономической культуры выделял «развитые чувства <...> деловитости, предприимчивости и инициативы» [104, с. 201]. В советской критике объектом особого внимания была литература на «деловую» тему. Если же предприимчивость, не для личного обогащения, а для модернизации общественного производства, выходила за границы официальных норм, то она рассматривалась как административное нарушение, уголовное преступление и строго наказывалась.

Для характеристики советской хозяйственной культуры специализированного уровня необходимо рассмотреть еще ряд официальных ценностей: *человек и человек труда, патриотизм и коллективизм, КПСС как руководящая сила.*

Человек, человек труда. В марксистской философии ключевой является мысль о формировании всесторонне развитой личности. Советские философы, социологи и психологи утверждали: у культуры социализма нет иной цели, кроме цели формирования всесторонне развитого, целостного и гармоничного человека [227, с. 3]. В официальных текстах, посвященных 60-летию Великого Октября, советский человек назван «важнейшим итогом пути, пройденного страной за 60 лет». Утверждается: для человека развитого социалистического общества характерно осознание себя подлинным хозяином своей страны, государства, предприятия; понимание своей личной ответственности не только за свои решения и поступки, но и за все, что происходит в стране, коллективе, семье; способность подчинить свои личные интересы интересам коллектива, общества, государства; соответствие поведения нормам коммунистической морали, правилам социалистического общежития. Одна из главных черт советского человека – идейная убежденность, основанная на знании основ марксизма-ленинизма [61]. *Человек труда* в первую очередь связывался с понятием «рабочий». В 1970-х развитие народного хозяйства связывалось с

неуклонным укреплением ведущей роли рабочего класса в обществе. На уровне массового сознания ценность рабочего человека транслировалась лозунгами: «Нет на свете выше звания, чем Рабочий Человек!», «Идут хозяева земли, идет Рабочий Класс!».

Патриотизм и коллективизм. Эти ценности имели немалое значение для развития советской хозяйственной культуры. *Ценность патриотического служения* связана с активным вмешательством российского государства в развитие хозяйственной культуры с 17 века. Служение общественному и общественно-государственному идеалу оставалось высшей ценностью, обосновывающей предпринимательскую активность и модернизацию в российской культуре в конце 19 – начале 20 вв. *Коллективизм* считается базовой ценностью российской культуры в целом. Эти ценности традиционны для российской культуры, и в советский период наблюдается их преемственность [69, с. 128, 129, 133]. В лозунгах творческий и добросовестный труд является средством укрепления могущества социалистической Родины.

КПСС – руководящая и направляющая сила. В трудах советских философов КПСС не названа в качестве ценности. Но поскольку одним из основных принципов планирования социалистического хозяйства была партийность, и проекты государственных планов рассматривались на пленумах ЦК и партийных съездах, то неявно КПСС выступала ценностью советской хозяйственной культуры. Партия, в соответствии с советской Конституцией выполняя направляющую роль, через секретарей парторганизаций контролировала деятельность всех хозяйственных предприятий. Партия давала установку, подсказывала слова и лозунги текущего момента [191]. Официальные лозунги: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», «Партия – наш рулевой». Партии посвящаются трудовые достижения в материальной и духовной культуре [159].

Знания. Согласно теории А. Я. Флиера, знания – составной элемент культуры познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений. На специализированном уровне, в первую очередь, это труды специалистов-философов и профессиональная наука [240, с. 134-135]. В соответствии с предметом исследования, здесь рассматриваются те знания, которые непосредственно связаны с достижением идеала – коммунизма, построением его материально-технической базы. В первую очередь, это хозяйственная идеология, изложенная в политэкономии социализма. Кроме того, в качестве «знаний» здесь приводятся труды советских философов, экономистов и социологов, где рассматривались актуальные проблемы советского социума, народного хозяйства и предлагались пути их решения. Знаниями были программные документы КПСС, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, ВЦСПС, направленные на решение хозяйственных вопросов. Общей методологической базой знаний советской хозяйственной культуры были труды Маркса и Ленина.

Далее кратко приводятся основные положения политэкономии социализма, необходимые с точки зрения сопоставления специализированного и повседневного уровней хозяйственной культуры. Общественная собственность на средства производства, в форме государственной и колхозно-кооперативной, составляет основу экономической системы СССР и устраняет нетрудовые доходы. Социализм несовместим с частной собственностью на средства производства. Для рабочих источником почти всего дохода служит труд на предприятиях; для колхозников – труд в общественном и личном подсобном хозяйстве. Личная собственность сохраняется, но не должна служить для извлечения нетрудовых доходов. Уклонение от общественно полезного труда несовместимо с принципами социалистического общества. Граждане СССР имеют право на труд. Благосостояние трудящихся связано с трудовым вкладом. Планомерное ведение народного хозяйства защищает производство от диспропорций. Высшая цель общественного производства –

наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей. Сохранение товарно-денежных отношений объясняется наличием двух форм собственности и необходимостью обмена продукцией между ними. Деньги при социализме не могут быть средством эксплуатации. Принципы планирования социалистической экономики: демократический централизм, директивность, партийность, научность, всенародный учет и контроль. В отличие от капиталистической экономики, при социализме господство общенародной собственности и планомерное развитие экономики делают ненужными производственную и коммерческую тайны.

Социалистическое соревнование – метод повышения производительности труда. Потери труда – следствие недостатков в руководстве хозяйством, планировании, слабой трудовой и технологической дисциплины. Чем выше производительность труда, тем полнее обеспечивается благосостояние и всестороннее развитие членов общества. Распределение материальных благ не может быть уравнительным, поскольку имеются различия между трудом умственным и физическим, квалифицированным и неквалифицированным и труд на общество еще не стал первой жизненной потребностью основной массы работников. Жизненные блага распределяются в двух формах – заработная плата и общественные фонды потребления. Социалистическое накопление исключает эксплуатацию человека человеком. Чем больше общественное богатство, тем полнее удовлетворяются потребности членов общества [179]. Во всех документах КПСС среди важнейших целей развития народного хозяйства – дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа. Основы политэкономии социализма осваивал каждый советский школьник, более подробно политэкономии изучал каждый студент вуза.

Этим знаниям, в первую очередь, социалистической теории, на исходе советского и в постсоветский период даны критичные оценки. О. А. Платонов: среди пришедших к власти большевиков утвердился взгляд на построение социализма (и его хозяйства) «сверху». Этот взгляд не учитывал исторический

опыт народа, отвергал необходимость следования национальной модели хозяйствования и трудовой деятельности, делал ставку на методы принуждения и насилия, навязывал широким массам не совсем понятные для них формы жизни, исходя из абстрактных, умозрительных схем идеального общества [177, с. 101]. С. Г. Кара-Мурза: большевики, вопреки сложившейся в 1920-30-е годы в СССР особой разновидности хозяйства, присущего традиционным обществам, приняли в качестве официальной идеологии учение, объясняющее иной тип хозяйства – западный. Реально создаваемое хозяйство было насильно втиснуто в непригодные для него понятийные структуры. При этом, благодаря политэкономии социализма с трудовой теорией стоимости, в советском обществе стало распространяться мнение, что и в СССР работники производят прибавочную стоимость и являются объектом эксплуатации. В воображении был создан и класс эксплуататоров – бюрократия. Таким образом, политэкономия стала «троянским конем», в чреве которого содержались идеи, разрушающие советское общество. Несоответствие теории и реальности выявилось в благополучный период застоя [94].

По мнению В. В. Радаева, во-первых, социализм – не наука, а учение, построенное на этических принципах. Во-вторых, социалистическая теория в принципе безразлична к своим фундаментальным положениям. Кризис теории всякий раз «преодолевался» выбрасыванием или заменой положений, считавшихся фундаментальными. Так, теория поляризации общества заменилась концепцией средних слоев, теория обострения классовой борьбы – концепцией мирного сосуществования. Другие специфические черты социализма: социальная справедливость понималась как равенство, сведенное к одним лишь материальным интересам. Социализм, заменив индивидуализм коллективизмом, сохранил при этом утилитаризм как основу социального действия и теорию нравственности. Главная черта социализма – утопизм и мифотворчество [189].

В СССР постоянно продуцировались новые знания хозяйственной культуры, связанные с решением актуальных проблем. Велись поиски путей стимулирования высокопроизводительного общественного труда. Искали оптимальное соотношение моральных и материальных стимулов к труду, источники материального стимулирования (Егиазарян, Артемов, Азарх и др.), решение проблемы нерационального использования рабочего времени – простоев [200, с. 11].

В начале 1970-х обсуждалась проблема злоупотреблений принципом материальной заинтересованности и практики выполнения плана в обход государственных интересов. Путь решения видели в усилении воспитания у коллектива чувства общественного долга и моральной ответственности за общее дело; в укреплении взаимозависимости материальных и моральных форм поощрения [233, с. 21]. Во второй половине 1970-х предлагалось опереться, главным образом, на принцип материальной ответственности работников и предприятия в целом: снижать размер фонда материального поощрения за каждый процент невыполнения плана поставок; основным показателем труда сделать удельный вес продукции со знаком качества, исключить уравнивательность в премировании и др. [119, с. 19].

Для совершенствования материального стимулирования труда предлагалось ликвидировать «уравниловку», практику повышения тарифных разрядов и наслоения на них премиальных доплат; внедрить в производство технически обоснованные нормы, повысить тарифные ставки, установить правильное соотношение тарифной ставки с квалификацией рабочих, преимущественно повысить тарифные ставки рабочих на тяжелых работах и горячих цехов и т.д. На рубеже 1970-80-х гг., чтобы напрямую связать высокие конечные результаты и материальное поощрение трудящихся, предлагалось заменить валовые показатели выполнением плана поставок, улучшением качества продукции, ростом прибыли. Считалось, что тесная связь материальной заинтересованности и ответственности с конечными

результатами хозяйственной деятельности ликвидирует уравнивательные тенденции и настроения, значительно дифференцирует вознаграждение в зависимости от полученных результатов. Для повышения ответственности трудовых коллективов за достигнутые результаты предполагалось расширить их инициативу и права в принятии решений [1, с. 6].

Как показали исследования В. Попова и Н. Шмелева, опубликованные в годы перестройки, реализовать технологии совершенствования материального стимулирования труда на практике было очень сложно, почти невозможно. Деятельность Госкомтруда – установление тарифных ставок, норм выработки, должностных окладов и районных коэффициентов была призвана обеспечить справедливое вознаграждение каждому работнику в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, интенсивностью, вредностью и т.д. На деле тарифная система все больше отрывалась от реальной экономической жизни. Госкомтруда регулировал только оплату работников на окладе. Для сдельщиков и повременщиков зарплата выводилась через манипулирование нормами выработки, надбавками и доплатами, урочными и сверхурочными часами. Реальное регулирование оплаты труда осуществлялось не через тарифную сетку, а при распределении министерствами по предприятиям фонда зарплаты [183, с. 107]. С. Г. Кара-Мурза считает, что отказ КПСС от уравниловки был ошибкой: это раскололо общество на множество конкурирующих социальных групп и вместе с другими причинами привело советскую экономику к кризису [93, с. 457].

Неэффективность технологий материального стимулирования труда вынуждало идеологическую систему искать различные объяснения: это неантагонистическое противоречие советской экономики [147, с. 33, 34]. Каждый участник производства заинтересован в получении максимальной платы за свой труд, а интересы всего общества требуют оплаты по количеству и качеству труда и обеспечения социалистического накопления. Противоречия между личными и общественными интересами в оплате труда порождаются

нарушениями закона распределения по труду, планомерного развития хозяйства, закона стоимости и др. [140, с. 265].

Между теорией и практикой реального социализма существовало еще одно противоречие: частный сектор экономики, основанный на личном труде. Советская наука объясняла: социалистический сектор по объективным причинам пока не может удовлетворить некоторые общественные потребности, поэтому временно их удовлетворяет частный сектор, он является исторической необходимостью. Частный сектор не должен насильственно упраздниться и искусственно ограничиваться, он естественно отомрет в силу неэффективности дальнейшего применения [245, с. 152, 153].

Неравенство в потреблении объяснялась неодинаковым числом семей трудящихся. Престижное потребление, накопительство товаров повышенного спроса, спекуляция и мещанской стиль жизни объяснялись противоречием между экономическими интересами отдельных предприятий, между потребительской стоимостью и стоимостью, недостаточным производством или перепроизводством [15].

В начале 1980-х среди советских ученых не было единства мнения в оценке состояния развития советской экономики. Одни утверждали, что социалистическая экономика идет по пути неуклонного подъема, все более наглядно демонстрируя свои исторические преимущества и подлинно гуманную сущность [276]. Другие отмечали не только огромные успехи, но и негативные явления, противоречащие социальной справедливости. В 1983 г. в научном докладе «для служебного пользования» А.П. Бутенко доказывает: цель и средство прогресса поменялись местами. Развитие производительных сил стало целью. Отсюда – выкачивание средств из сельского хозяйства за счет экономии на жизненном уровне масс; командные методы руководства экономикой, планирование от достигнутого, приоритет валовых показателей, а также методы симулирования труда. Интересы индивидов недооценивались, а конечным критерием прогресса считался рост выпуска преимущественно

средств производства. Государственные средства производства при нарушении социалистических принципов управления экономикой не являются общенародным достоянием. Они становятся средствами производства тех социальных групп, кем больше всего используются для удовлетворения своих интересов, и кем присваивается часть общественного продукта, не соответствующая трудовому вкладу. Для усиления реального социалистического содержания общенародных форм собственности необходимы практические меры, которые превращают каждого трудящегося в реального совладельца этих средств производства [24].

Институты. В культурологии к институтам культуры относят учреждения и организации, создающие, хранящие, распространяющие культурные ценности, а также обучающие население культурным ценностям. Этот термин используется также для описания регулярных и долговременных социальных практик, санкционируемых и поддерживаемых с помощью социальных норм. Обычно выделяют пять основных комплексов институтов: 1) экономические институты, служащие для производства и распределения товаров и услуг; 2) политические институты, регулирующие осуществление власти и доступ к ней; 3) институты стратификации, определяющие размещение позиций и ресурсов; 4) институты родства, связанные с браком и семьей; 5) институты культуры, связанные с религиозной, научной и художественной деятельностью. Со специализированной хозяйственной культурой в первую очередь связаны первые три группы институтов. Ниже дается краткий обзор некоторых из них.

Экономические институты – промышленные предприятия, торговля, финансы и др. Советская специфика промышленных предприятий была связана с видами собственности: государственные и колхозно-кооперативные. Культурные особенности советских государственных предприятий показаны С. Г. Кара-Мурзой: они создавались и действовали в культурной среде, проникнутой общинным мышлением, отрицающим индивидуализм.

Промышленное предприятие в СССР было, как и община в деревне, центром жизнеустройства. Поэтому создание в нем и вокруг него обширной системы социальных служб стало вполне естественным процессом. Расходы предприятий на социальные нужды стали нормой и были не «потерями», а условиями успешной производственной работы советского предприятия. С 1960-х от предприятия требовалась концентрация средств на производственной деятельности в ущерб социальным нуждам. Общая идеология советского строя обязывала бюрократию сохранять социальные службы предприятий, но конфликт по этому вопросу подспудно существовал. Директора предприятий были своеобразным буфером между рабочими и верховной властью. Им приходилось заниматься и делами высших сфер, и повседневными заботами на уровне доставания сырья, строительства квартир, нормального питания в столовых или поиска ящика гвоздей [94, Т. 2. Гл. 3].

Политические институты – государство, КПСС, ВЛКСМ, профсоюзы и др., которые в 1960-1980-е формировали и постоянно поддерживали официальную картину мира. Во главе их находился идеологический аппарат ЦК КПСС (отделы агитации и пропаганды, науки, культуры, информации, молодежных организаций и многие другие). Под контролем идеологического аппарата ЦК КПСС находились министерства культуры, образования. Государственные комитеты по делам издательств, кинематографии, Гостелерадио, газеты, журналы, издательства, цензура (Главлит), ТАСС, творческие союзы, общество «Знание» и др. [224, с. 126].

Особое место среди институтов хозяйственной культуры занимает *трудовой коллектив*. В марксистской философии трудовой коллектив рассматривался главным образом как политический институт: как основная ячейка формирования нового человека, школа коммунистического воспитания; важнейшая экономическая и социальная клетка общества [104, с. 162, 164]. Известный советский социолог Л. Н. Коган, изучая трудовой коллектив в контексте проблемы всестороннего развития личности, утверждал: трудовой

коллектив выполняет информационную функцию (политинформации, агитации и др.), организационно-регулятивную функцию (школы мастеров, культпоходы, экскурсии и др.), функцию социального контроля (мнение товарищей по работе относительно поведения личности) и др. функции. С началом перехода на бригадные методы организации труда, было проведено исследование в ПО «Уралэлектротяжмаш» (1981). Исследование показало, что коллективность организации и стимулирования труда, предусматривавшие возможность совмещения профессий и повышения зарплаты, оказывали большое положительное воздействие на удовлетворенность рабочих трудом в целом и своей профессией в частности [103, с. 60, 61].

К институтам стратификации можно отнести Госплан, Госнаб, Госбанк, Госкомцен, Госкомтруда, Госкомитет по внешним связям и др. Госплан СССР разрабатывал проекты развития народного хозяйства на 5 лет – пятилетки. К институтам стратификации нужно отнести и трудовое право – отрасль права, регулирующая трудовые отношения. Трудовые отношения регулировались четырьмя группами документов: 1) общесоюзное законодательство о труде, в том числе, о пенсиях, порядке рассмотрения трудовых споров, правила начисления трудового стажа и т.д.; 2) трудовое законодательство союзных республик, главным образом, КЗоТы; 3) приказы, инструкции и иные акты министерств и ведомств по вопросам труда и заработной платы; 4) локальные нормы, устанавливаемые непосредственно на предприятиях администрацией. В общую систему трудового законодательства входили также акты ВЦСПС по вопросам заключения коллективных договоров, социальному страхованию, деятельности технической инспекции.

Ряд институтов культуры – центральных научных учреждений и организаций был связан с экономическими, политическими и стратификационными институтами. Одним из таких учреждений был НИИ Труда. С 1958 года при институте работало Центральное бюро нормативов по труду. НИИ Труда занимался разработкой проблем повышения общественной

производительности труда, использования трудовых ресурсов, распределения по труду в развитом социалистическом обществе, повышения уровня жизни, совершенствования социального обеспечения в стране, организации и нормирования труда в народном хозяйстве. НИИ Труда вел подготовку научных кадров. Крупным научным учреждением был Институт экономики мировой социалистической системы. В этот ряд учреждений входили также Институт общественного мнения «Комсомольской правды», Институт конкретных социологических исследований АН СССР и кафедра политической экономии Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Технологии и результаты. В теории Э.С. Маркаряна вся культура может быть интерпретирована как универсальная технология, идеалы и ценности также являются технологиями, выступают в качестве регулятивных средств [143, с. 22, 23]. Здесь кратко рассматриваются технологии, обусловленные идеалом и ценностями, связанные со знаниями, которые использовались для построения материально-технической базы коммунизма.

Технологией была вся нормативная система советской культуры, в том числе, коммунистическая мораль. Как утверждала марксистско-ленинская философия, это мораль коллективистская, коммунистическая, деятельная. Она гармонично сочетает общенародные, коллективные и личные интересы, утверждает отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, человеческое достоинство, доброжелательность, честность, простоту и скромность в личной и общественной жизни, побуждает человека к настойчивой борьбе за коммунистические идеалы. Добро и зло дают идейное обоснование нормам морали. В коммунистической морали конфликт добра и зла осмысливается прежде всего в плане борьбы за уничтожение эксплуатации, утверждение социальной справедливости, создания материальных и духовных условий для всестороннего развития личности. В текст Программы КПСС 1961 года вошел «Моральный кодекс строителя коммунизма», содержащий положения, непосредственно связанные с хозяйственной культурой:

- Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.
- Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.
- Непримириемость к несправедливости, туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству
- <...> простота и скромность в общественной и личной жизни [157].

В соответствии с нормой Морального кодекса, воспитывалось сдержанное отношение к потреблению материальных ценностей, критиковалось чрезмерное стремление к их получению. Технологией официальной культуры была критика мещанства (пошлый материализм, бездуховность, вульгарность, приобретение вещей определенных стилей), а с 1970-х – вещизма (чрезмерный интерес к вещам, нездоровое стремление к их приобретению). Можно согласиться с мнением Н. Б. Лебиной, что осуждение вещизма выглядит продуманным идеологическим ходом в условиях дефицитной экономики [125, с. 85].

Технологией была советская правовая система. С помощью единой государственной системы норм, зафиксированных в КЗоТ, осуществлялось регулирование условий общественного труда и его оплаты. Правовая система защищала интересы государства, государственной собственности, личной собственности и социалистического хозяйства. Уголовно наказуемыми преступлениями против государства были контрабанда, изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, нарушение правил о валютных операциях (ст. 78, 87, 88 УК РСФСР). Преступления против социалистической собственности: хищения, причинение ущерба, вымогательство, умышленное или неосторожное уничтожение, преступно-небрежное использование или хранение, недобросовестное отношение к охране (ст. 89-101 УК РСФСР). Преступления против личной собственности граждан: кража, вымогательство, умышленное уничтожение или повреждение (ст. 144-149 УК РСФСР). Хозяйственные преступления: выпуск недоброкачественной, нестандартной, некомплектной продукции; приписки и другие искажения отчетности о

выполнении плана; частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество; спекуляция; обман покупателей; незаконное пользование товарными знаками; выпуск в продажу недоброкачественных, нестандартных и некомплектных товаров; незаконное изготовление, хранение, сбыт спиртных напитков; занятие запрещенным промыслом; незаконная охота; нарушение правил разработки недр и сдачи государству золота и др. (ст. 152-169 УК РСФСР). Должностные преступления: халатность, получение взятки, дача взятки (ст. 172-174 УК РСФСР).

Технологиями были экономические программы (проекты). Они включались в Программу КПСС, материалы съездов КПСС, Пленумов ЦК КПСС и союзных республик, излагались в постановлениях советского правительства по вопросам хозяйственного строительства. Проекты обычно становились частью пятилетних планов. Пятилетние планы развития социалистического (народного) хозяйства, или пятилетки, были технологией быстрого экономического развития СССР. Планы централизованно разрабатывались государственным институтом – Госпланом СССР под руководством КПСС. С периодом исследования связаны 6–11-й пятилетние планы. Период «оттепели»: шестая пятилетка (1956-1960), семилетний план (1959-1965). Период «застоя»: восьмая пятилетка (1966-1970), девятая пятилетка (1971-1975), десятая пятилетка (1976-1980), одиннадцатая пятилетка (1981-1985). Внутри пятилетнего плана ставились конкретные задачи построения материально-технической базы коммунизма. Задачи утверждались съездами КПСС и назывались «директивами».

С целью построения материально-технической базы коммунизма, в период «оттепели» развивался намеченный после смерти Сталина курс на социальную переориентацию экономики. Этот курс неразрывно связывался с возрастанием роли науки во всех сферах народного хозяйства.

С середины 1950-х для обеспечения страны продуктами питания и вывода сельского хозяйства из кризиса практиковали: снижение сельскохозяйственного

налога, увеличение размеров приусадебных хозяйств, повышение заготовительных цен на сельхозпродукцию, развитие колхозного рынка, значительное увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, освоение целинных и залежных земель. Эти технологии позволили временно решить задачу снабжения населения продовольствием.

С конца 1950-х ликвидировали МТС и технику передали колхозам с целью усиления их самостоятельности. Но техника была изношенной, морально устаревшей, а собственной ремонтной базы колхозы не имели. Передача техники стала не помощью, а новой обузой для колхозов и резко снизила их доходы от повышения закупочных цен. Использовалась технология посевов кукурузы с целью создать эффективную кормовую базу для животноводства. Но вводилась она штурмовыми методами, без учета климатических условий. В результате кормовая база не стала более современной и продуктивной, напротив, сократилась. Началось укрупнение сельских населенных пунктов с целью превращения их в агрогорода. Результаты этой технологии оцениваются неоднозначно.

С 1959 года начала применяться технология сокращения приусадебных хозяйств. Обоснование: личные подсобные хозяйства отвлекают крестьян от работы в общественном хозяйстве и мешают строить коммунизм. Подсобными хозяйствами в 1959 году занимались 91% сельских жителей. Хозяйства были высокопродуктивными: занимая всего 3,7% общих площадей в СССР, они давали 64% картофеля, 41% мяса, 47% молока и 81% яиц [51]. Давление власти на подсобные хозяйства делало их ведение экономически невыгодным. В результате резко ухудшилось снабжение продуктами питания сельских и городских жителей. Намеченная Н. С. Хрущевым цель – догнать и перегнать США по производству мяса и молока в условиях планового хозяйства реализовалась в абсурдной форме массового забоя скота для выполнения плана сдачи мяса государству. В результате резко сократилось поголовье. Уровень

сельскохозяйственного производства начал снижаться. В 1963 году СССР впервые вынужден был закупать зерно в США.

Для построения материально-технической базы коммунизма, в годы «оттепели» в промышленности стремились применять новые научные технологии. Сфера промышленности во второй половине 1950-х – начале 1960-х развивалась довольно успешно и быстрыми темпами: машиностроение и металлообработка, производство синтетических материалов, энергетика, производство стройматериалов и капитальное строительство. Главную ставку делали на развитие химии и производство синтетических материалов. Проводили эксперименты с управлением промышленностью: замена отраслевой системы (через министерства) территориальной (через совнархозы). Усилилась оперативность управления, специализация, многие предприятия стали работать лучше. Но реформа управления дала кратковременный эффект: как только совнархозы окрепли, начались проявления местничества, разрастание бюрократического аппарата, уменьшение внутриотраслевых связей. Непрерывно совершенствовались технологии материального стимулирования общественного труда. Однако меры по усилению материальных стимулов к труду не внесли существенных изменений в соотношение между моральными и материальными стимулами. Решающую роль продолжали играть моральные стимулы, что вело к слабой заинтересованности работников [233].

Как утверждали советские официальные источники, большинство заданий плана первых лет шестой пятилетки были выполнены досрочно. По официальной оценке итогов, семилетний план в целом был выполнен успешно. Новые достижения в развитии народного хозяйства, науки, техники и культуры <...> способствовали повышению благосостояния советского народа [64, вып. 10]. Действительно, в годы «оттепели» начался заметный рост благосостояния населения. Шло интенсивное строительство государственного жилья, хотя дешевого, малометражного и типового. Миллионы советских

людей переселялись в отдельные квартиры [125, с. 371-373]. Стала применяться технология строительства кооперативного жилья. Росла заработная плата, увеличивались реальные доходы на душу населения. Повышались размеры пенсий. Стала сокращаться и прекращаться обязательная подписка на государственный заем [125, с. 159]. Росло производство товаров народного потребления, в том числе, бытовой техники, расширялся ассортимент. В 1961 году была проведена денежная реформа. Но в начале 1960-х стала очевидна неэффективность проведенных реформ, вновь возникли трудности с продовольствием. Нехватка продуктов питания вызвала рост недовольства населения и даже крупные антиправительственные выступления (1962). Трудности и недостатки отметил XXIII съезд КПСС: серьезные отставания сельского хозяйства от заданий семилетнего плана, невыполнение плана в ряде отраслей промышленности, замедление темпов роста производства, производительности труда, национального дохода и т.д. Идеология объясняла это недостатками в руководстве, просчетами в планировании и субъективистским подходом к решению экономических задач. Используя разочарование общества в результатах экономических реформ и недовольство ухудшением реальной жизни в последние три года, партийная и государственная номенклатура решилась на заговор против Н. С. Хрущева и в октябре 1964 года сместила его со всех партийных и государственных постов.

Современные исследователи развивают советскую точку зрения о субъективном факторе неудач в реформировании хозяйства. Этот фактор – импульсивность и нетерпение Н.С. Хрущева: реорганизации следовали одна за другой слишком быстро, слишком часто делалась ставку на единственное средство – кукуруза, целина или посевы клевера. Фактором неудач была и штурмовщина. Крестьянской инициативе не доверяли и заставляли выполнять приказы. Хрущевские реформы – еще один пример решения экономических проблем политическими средствами. Повышение продуктивности личных хозяйств стимулом личной прибыли было «несоциалистическим» – и потому, с

точки зрения Хрущева, неприемлемым. Совнархозы не смогли работать эффективно без постоянных запросов в Центр, поэтому в 1963 году произошло масштабное их слияние. Тем самым реформа промышленности оказалась сведенной на нет. Кризис последних лет правления Хрущева был «системным»: порожден консерватизмом плановой системы [138, с. 348-372]. Затухание экономического роста в конце 1950-х было следствием внутренних пороков командной экономики. Важной причиной краха реформ 1950-х и последующих лет было незнание того общества, которое власти пытались сверху изменить; непонимание того, куда может привести его ускоренная либерализация. Вторая фундаментальная причина – непреодолимая инерция системы [266, с. 286, 291].

В период «застоя» (когда пост Первого секретаря ЦК КПСС, с 1966 г. – Генерального секретаря занимал Л. И. Брежнев), во второй половине 1960-х для создания эффективного народного хозяйства, для построения материально-технической базы коммунизма попытались использовать не административные, а экономические технологии. В 1965 году началась экономическая реформа, сердцевиной которой был хозяйственный расчет. В промышленности предполагалось предоставить предприятиям большую самостоятельность в организации производства, стимулировании труда работников. Зарплаты и материальное поощрение ставились в зависимость от результатов производственной деятельности коллективов. Предполагалось хозяйственную деятельность оценивать не по выпуску валовой продукции, а по объему реализованной продукции и полученной прибыли. Общественный труд стимулировался также присвоением высших государственных премий за наиболее крупные достижения в области науки, техники, литературы, искусства и архитектуры (Приложение 1). Вводился Государственный Знак Качества СССР (1967) для маркировки высокого качества товаров народного потребления и производственно-технического назначения. В качестве моральных стимулов к труду использовались юбилейные даты, например, 50-летие Великого Октября, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина [64, вып. 14].

В сельском хозяйстве устанавливали стабильный и долговременный план поставок продукции, повышали закупочные цены, увеличивали капиталовложения, сокращали налоги, снимали ограничения с личных хозяйств, вводили гарантированную оплату труда колхозников (деньгами и натурой) по тарифным ставкам совхозов. Продолжался процесс укрупнения сельских населенных пунктов.

По официальной оценке итогов 1968 года, трудящиеся СССР успешно выполнили народнохозяйственный план [64, вып. 13]. XXIV съезд КПСС подвел итоги восьмой пятилетки: в СССР построено развитое социалистическое общество с полным утверждением социалистического способа производства, социально-политического и идейного единства. Общество имеет мощную материально-техническую базу и, в отличие от капитализма, высокие темпы развития производительных сил, систематическое повышение благосостояния всех трудящихся. Планомерное хозяйство обеспечивает полную занятость населения, исключает безработицу. Значительный рост национального дохода, производительности труда, выпуска товаров народного потребления, реальных доходов на душу населения, средней зарплаты рабочих и служащих, минимальной зарплаты, денежных и натуральных доходов колхозников, розничного товарооборота, масштабного жилищного строительства. Отмечались и недостатки: отставание производства некоторых товаров от увеличения денежных доходов населения, трудности в удовлетворении спроса населения на мясопродукты. Относительно эффективности экономической реформы делался вывод: новые методы хозяйствования полностью себя оправдали [149].

Несомненно, в годы восьмой пятилетки экономическая реформа имела положительный результат. Значительно возрос объем промышленного производства, были введены в строй 1900 крупных предприятий. Успехом развития хозяйства был пуск в 1970 году Волжского автозавода в Тольятти (ВАЗ), начавшего производство автомобиля «Жигули». По мнению экономиста

Е. Гайдара, строительство ВАЗа было одним из самых успешных экономических проектов, реализованных в СССР. По советским стандартам это были «приличные» автомобили. Но в этом проекте отражались и порочные черты советской экономики: выпуск устаревшей итальянской модели и высокие цены. Из-за высоких цен автомобиль стал предметом роскоши [173, серия 11].

Несомненно, уровень благосостояния советских людей рос, но назвать его высоким нельзя. Исследование имущественного положения населения в 27 основных экономико-географических регионах СССР, в том числе, в 11 регионах РСФСР, проведенное в начале 1971 года (Приложение 2), выявило три общих свойства среды обитания масс: 1) архаические, несовместимые с современной цивилизацией жилищные условия, начиная от тесноты и кончая отсутствием важнейших бытовых удобств. 2) Слабое развитие технических и электронных средств связи для приема и передачи информации в домашних условиях. 3) Довольно сносное обеспечение хозяйственно-бытовыми предметами и удручающе низкий уровень обеспеченности транспортными средствами [48, ч. 1, с. 315-318, 326-330, 349-355].

Результаты укрупнения сельских населенных пунктов: крупным считалось поселение, где число жителей достигало 2 тысяч. Только в крупных поселениях могли функционировать средняя школа, детский сад, клуб с киноустановкой, амбулатория, библиотека, продовольственный и промтоварный магазины, столовая или кафе, предприятие бытового обслуживания с химчисткой, баня, отделение связи. Но даже в них не планировалась сберкасса и больница. В 1970 году было всего 6 тыс. крупных сельских поселений, проживало в них 23% сельского населения. Отсюда – постоянные поездки большинства сельских жителей в город для решения бытовых вопросов или переезд в город [51, с. 361, 362]. Из этого следует, что у большинства сельского населения жизненный уровень оставался крайне низким.

Что касается экономической реформы, то современные исследователи обращают внимание на ее противоречия. М. Малиа: в централизованной экономике экономическая реформа возможна только к децентрализации и рынку. Но в фундамент реформы изначально были заложены противоречия: совнархозы заменили центральными министерствами, предприятия так и не добились права устанавливать собственные цены на основе потребительского спроса. Цены определяла новая организация – Госкомцен. Поэтому прибыльность предприятий ушла на дальний план. Директора предприятий предпочитали использовать самостоятельность, чтобы выполнять план, а не внедрять на производстве рискованные новации. Производство продолжало падать, качество продукции – ухудшаться. Разрасталась бюрократическая машина (Госкомцен, Госснаб и др.), количество отраслевых министерств росло. Заложенные в фундамент реформы противоречия привели к ее свертыванию после 1968 года. Фактором свертывания реформы стали события в Чехословакии. Из чешских событий власть в СССР извлекла урок: экономическая либерализация способна с легкостью перерасти в политическую, которая поставит под вопрос существование основ режима [138, с. 377-381].

Б. Грушин не исключает, что реформа была всего лишь очередной советской «говорильней», *чисто идеологической кампанией*, которую никто не собирался претворять в жизнь. Тогда главный смысл всей затеи видится в том, чтобы внедрить в сознание масс некую новую систему мифов о непрерывном развитии социалистического общества, о постоянном совершенствовании его экономики, системы управления и так далее в расчете на новые трудовые подъемы. Но если создатели концепции и разработчики реформы в самом деле верили в успех, то реформа, еще не начавшись, уже была обречена на провал: и потому, что в народном хозяйстве в те годы отсутствовали даже минимальные объективные условия для перехода страны к рыночной экономике. И потому, что этому переходу препятствовал субъективный фактор – открытое и скрытое,

сознательное и бессознательное саботирование намеченных перемен представителями всех типов агентов народного хозяйства, от рядовых рабочих до партийных функционеров [48, ч. 2, с. 280, 281].

Относительные успехи советского хозяйства и сворачивание реформ Е. Гайдар связывает с добычей тюменской нефти: открытие богатейших нефтяных месторождений вместе с последующим повышением мировых цен на нефть было, наверное, самым важным экономическим событием в истории Советского Союза последних десятилетий. Сразу выяснилось, что никаких реформ не нужно: и так все можно себе позволить. Можно закупить за границей продовольствие и заводы «под ключ». Можно позволить себе военное соревнование с Америкой. Но только до тех пор, пока СССР «сидит на нефтяной игле» [173, серия 12].

В 1970-е гг. и первой половине 1980-х (девятая-одиннадцатая пятилетки) развитие народного хозяйства и создание материально-технической базы коммунизма характеризовались декларативным развитием экономической реформы (рыночных механизмов) и фактическим усилением командно-административного механизма, централизованного управления.

Создание ТПК (территориально-производственных комплексов) преимущественно нацеленных на добычу природных ископаемых. Ускоренная разработка нефтяных и газовых месторождений (Тюмень), высокие доходы, нефтедоллары от продажи нефти и газа на мировом рынке. Строительство Байкало-Амурской магистрали в расчете на создание территориально-производственных комплексов в Сибири и на Дальнем Востоке. Отставание от индустриальных стран в использовании передовых научно-производственных технологий. В сельском хозяйстве – преобразование Нечерноземья, попытка интенсивного комплексного освоения близлежащих земель. Мелиорация земель на юге России и в республиках Средней Азии. «Продовольственная программа» (1982) с целью к 1990 году решить проблему бесперебойного снабжения населения продуктами питания. Этой программой предусматривалась

агропромышленная интеграция [185, с. 18, 51]. Технология экономии и бережливости на всех уровнях производства и потребления («Экономика должна быть экономной»).

Съезды КПСС (1976 и 1981) подводили итоги: основные социально-экономические задачи решены «в результате самоотверженного труда и творческой инициативы советских людей». Надо признать, что в развитии советского народного хозяйства этого периода были некоторые достижения. В 1976 году была пущена первая очередь Камского автозавода (КАМАЗ). По мнению Л. Парфенова, это первая «стройка века», которая полностью удалась. КАМАЗ начал выпуск тягачей, грузовиков, самосвалов [173, серия 16]. В середине 1970-х, благодаря «нефтедолларам», государству удалось частично погасить долги – выплатить рядовым гражданам деньги по облигациям государственного займа. Многие трудящиеся до 1958 года принудительно покупали облигации, отдавая 10-15% зарплаты, и не надеялись когда-нибудь вернуть свои деньги. В 1974 году власти решили из 25 млрд. рублей долга отдать 1 млрд. За облигацию в старые 100 рублей давали 10 рублей и никаких процентов [173, серия 14]. Росли реальные доходы на душу населения. Росла среднемесячная зарплата рабочих и служащих (к 1975 году – 146 рублей, к 1980 году – 168 рублей). Справочник «СССР в цифрах» показывает среднемесячную заработную плату в различных отраслях народного хозяйства (1980). Можно увидеть, во-первых, наиболее выгодные по оплате труда отрасли. Во-вторых, отличие средней зарплаты по отраслям от указанной выше среднемесячной зарплаты. В строительстве среднемесячная зарплата составляла 202,3 рубля, на транспорте – 199,9 рублей, в народном образовании – 135,9 рублей, в искусстве – 134,8 рублей, в здравоохранении, социальном обеспечении – 126,8 рублей и в «культуре» – 111,3 рублей. Росла оплата труда колхозников. Росли пенсии и стипендии. Возрастало количество социальных услуг из общественных фондов потребления. Продолжалось интенсивное жилищное строительство – государственное и кооперативное. Для удовлетворения спроса населения на

товары легкой промышленности в столице были открыты фирменные магазины социалистических стран: «София», «Ванда», «Польская мода» (ПНР), «Лейпциг» (ГДР), «Власта» (ЧССР), «Ядран» (СФРЮ). Возрастал спрос на личные автомобили, особенно на «Жигули». Но автомобильная промышленность СССР не успевала удовлетворить растущий спрос на свою продукцию. Продажа производилась через автомагазины по записи. Люди стояли в очереди по несколько лет [125, с. 38, 39].

В то же время значительная часть сельского населения была лишена элементарных современных удобств. По исследованию Л. Денисовой, больше половины российских сел в 1970-е годы находились в среднем в 11 км от средней школы, больницы, клуба и библиотеки (за пределами пешеходной доступности). По разбитым дорогам можно было проехать лишь на тракторе «Беларусь» в зимнее время, а в сезонную распутицу и дожди трудно было пройти и трактору. В 1974 г. менее половины центральных усадеб колхозов и совхозов соединялись автодорогами с райцентрами. Более 60 тыс. сел Нечерноземья были расположены на расстоянии свыше 6 км от автобусных остановок. Из-за низкого качества покупаемого в магазинах хлеба часть сельчан перешла к домашней выпечке. Сельские магазины не удовлетворяли спрос на бытовую технику, часы, посуду, одежду. Крупные покупки сельчане осуществляли, как правило, в городе. Но в сельских и городских магазинах было недостаточно товаров, пользующихся спросом у сельчан (резиновых калош и сапог, полушубков, валенок, телогреек, чугунов и др.). Если объем бытовых услуг в расчете на одного городского жителя Нечерноземья составлял в 1975 году 24,2 рубля, то на одного сельского жителя – 8,2 рубля. К 1983 году автодорогами с твердым покрытием были обеспечены 80% сельских райцентров и 75% центральных усадеб колхозов и совхозов. В Нечерноземье твердое покрытие имели менее 30% дорог местного значения, автобусным сообщением, даже одним рейсом в сутки, было обеспечено только 32% сел и деревень [51, с. 357-373].

В период «застоя» промышленность и сельское хозяйство в целом развивались экстенсивно. Сельское хозяйство, несмотря на огромные капиталовложения, оставалось в кризисе, стране приходилось регулярно импортировать зерно. Доходы городского и сельского населения возрастали, увеличивался спрос, в период уборки урожая на сельхозработы приходилось привлекать миллионы горожан и военнослужащих, продукция имела высокую себестоимость [138, с. 377-381]. Неудачным оказался проект БАМ: рассчитывали, что БАМ окупит себя за две пятилетки, ведь на пути его возникнут 10 промышленных комплексов. Но возник лишь один, и по БАМу просто нечего было возить. Е. Гайдар: проект строительства БАМа – дорогой, масштабный, романтический, но экономически абсолютно бессмысленный. Проект обошелся в четверо дороже, чем предполагалось. В полном объеме так и не был никогда завершен. Вложенные в проект развития Нечерноземья огромные деньги «сгинули как в пропасть, почти без следа» [173, серия 14].

Советские экономисты утверждали: устранена излишняя регламентация деятельности предприятий, перестроена система хозрасчетного стимулирования [1, с. 6]. В это же время Д. В. Ильенков – опытный и грамотный хозяйственник, директор Днепровского алюминиевого завода в интервью признавался: «я, образно говоря, не имею права переложить деньги из левого кармана в правый» [25, с. 12]. О негативных явлениях, вступавших в противоречие с социальной справедливостью, в 1983 году говорил А. П. Бутенко [24]. Не удалось уйти от валового критерия выполнения плана. Возрастала зависимость страны от импорта сельскохозяйственной продукции. Темпы прироста национального дохода вновь упали. Экономика становилась нерентабельной. Возрастало техническое отставание от стран Запада. С начала 1970-х возрос перекоп в пользу тяжелой и оборонной промышленности. Важнейшим ресурсом поддержания стабильности в народном хозяйстве и обществе были высокие мировые цены на нефть и газ. К началу 1980-х во многих районах страны была введена карточная система распределения части

продуктов питания. Руководство страны сделало ставку на экономию и бережливость в отношении ресурсов и продуктов. Однако все было безуспешно. На XXVII съезде КПСС (1986) после подведения итогов социально-экономического развития страны был сделан вывод: первоочередная задача партии и всего народа – решительно переломить неблагоприятные тенденции в развитии экономики, открыть простор инициативе и творчеству масс, подлинно революционным преобразованиям [180]. С этого началась Перестройка.

В.В. Радаев называет советскую хозяйственную систему «монополизмом советского типа», находя в ней ряд специфических признаков, в том числе, внеэкономическое принуждение (прикрепление работника к предприятию и месту жительства, сопутствующие льготы, привязанные к месту работы, а не к количеству и качеству труда). Использование таких способов стимулирования труда было связано с размыванием веры в социалистические ценности и снижением роли принудительных методов [188].

В. Попов и Н. Шмелев считают: в советской экономике, несмотря на кажущееся всевластие плана, все-таки действовали некоторые базовые рыночные элементы. Уникальный советский опыт повсеместного планирования не был сплошь негативным. Но экономически оправданный баланс между централизованным и автоматическим регулированием был сильно смещен в сторону директивного планирования. Реальное хозяйственное развитие шло не по планам, а по неразвитым, примитивным формам рынка [183, с. 134].

Выводы проекта «Советский простой человек»: внутри самой системы советского общества заложено неустранимое противоречие. Невозможно заставить работать индивида без реального вознаграждения, а вознаграждать его невозможно, не признавая значимости индивидуальных достижений и не увеличивая тем самым авторитета работника. Это, по условиям монополии на власть, невозможно без разрушения самой власти [219].

По мнению Н.Н. Зарубиной, советскую хозяйственную культуру привели к кризису ее характерные черты: 1) примат идеологических и политических ценностей над непосредственно экономическими. Трудовая культура базировалась на сознании необходимости труда для реализации идеологических целей (построение социализма и коммунизма). 2) Централизация экономики, господство плана подавляли собственно хозяйственную инициативу работника. 3) Окончательное вытеснение индивидуального хозяина и работника и замена его трудовым коллективом. 4) Социалистическое хозяйство не оставляло места для личной предпринимательской инициативы. Поэтому проявления индивидуального предпринимательства приняли криминальный характер [69, с. 145-148].

М. Малиа: в 1960-1970-е гг. советская экономика упустила возможность совершить великий поворот от экстенсивного развития к интенсивному. Некоторые из руководителей режима (Косыгин, Андропов) осознавали необходимость перехода к интенсивным методам. Но переход оказался совершенно невозможен в условиях централизованной плановой экономики. Одной из причин упадка явилось убогое положение той социальной группы, которая, по идее, считалась социальной базой советской системы – рабочего класса. Крах советского социально-экономического эксперимента связан и с тем, что главная идея социализма – полное равенство людей внедрялась насильственно с помощью политического инструмента – партии. Примитивные методы партократии не пригодны для реализации столь сложных задач, как создание эффективной экономики и справедливого эгалитарного общества [138, с. 378-387, 509-510].

Согласно теории Л.Г. Ионина, причиной кризиса советской хозяйственной культуры является моностилизм (иерархия, кононизация, упорядоченность). В СССР для обоснования плановой экономики, помимо соображений чисто экономической рациональности служила логика моностилия. При этом культурные факторы практически всегда и везде оказывались более сильными

и более эффективными, чем соображения хозяйственной, экономической целесообразности. Систематически преследовались хозяйственники, которые, руководствуясь соображениями выгоды (не для себя лично, а для предприятия), шли на нарушение некоторых нормативных актов моностилистической культуры. Поскольку логика моностилистической культуры с течением времени входила во все более глубокий конфликт с экономической рациональностью, а приоритет всегда отдавался первой, советская экономика в конце концов пала жертвой советской культуры, а не наоборот [82].

Причиной гибели советской системы В. А. Шестаков считает несвободу. Именно ограничение свободы, имеющее доктринальный и институциональный характер, сыграло роковую роль в судьбе России. Той социальной демократии и тех элементов политической демократии, о которых много говорилось в 1950-е и последующие годы с высоких трибун партийных съездов, не достало, чтобы придать процессам обновления должный ритм и темп [266, с. 290].

Е. Гайдар: с конца 1960-х руководство союзного правительства столкнулось с неразрешимой задачей. Система управления экономикой предельно неэффективна, серьезные экономические реформы после событий в Чехословакии исключены. Требуется серьезно поправить работу хозяйственного механизма. Но задача не имеет решения. Отсюда – бесконечная суэта, новые показатели, экономические эксперименты, кампании, попытки изменить механизм образования хозрасчетных фондов, «знаки качества». Какого-либо влияния на реальную жизнь вся эта суэта в экономике не оказывает. Качество по-прежнему низкое, эффективность – низкая, стимулов к повышению производительности труда как не было, так и нет [173, серия 13]. В монографии «Гибель империи» (2007) Е. Гайдар показывает, что последний удар по советской экономике, «сидевшей на нефтяной игле», нанесло падение мировых цен на нефть.

По мнению академика РАН Ю. А. Рыжова, одной из главных причин кризиса советской культуры является милитаристская ориентация экономики.

Практически вся промышленность СССР работала на оборону. Структуры, входившие в ВПК, поглощали практически все ресурсы страны [206, с. 5, 12].

Вывод. Советская хозяйственная культура специализированного уровня видится как попытка построить экономический базис (коммунистический), опираясь на надстройку (коммунистическое мировоззрение). Эта попытка противоречит положению марксизма о первичности базиса и вторичности надстройки. Фактически духовной культурой был задан идеал – коммунизм (надстройка), в соответствии с которым пытались создать материально-техническую базу коммунизма (базис). Отсюда – системная рассогласованность советской хозяйственной культуры специализированного уровня. Теоретически все элементы структуры согласованы между собой: стрижнем системы выступает идеал и задает ценностные ориентации; знания обосновывают сам идеал, ценности и конструируют технологии; технологии, опираясь на идеал, знания и институты, создают материально-техническую базу коммунизма. На практике – рассогласование, противоречивость: знания противоречили ценностям, технологии – ценностям и знаниям, реальные результаты противоречили всем элементам системы. Очевидно прослеживается противоречие ценности общественно-полезного труда и вознаграждения за труд: идеальное понимание коммунистического труда с моральными стимулами противоречило знаниям и технологиям, направленным на постоянные поиски путей совершенствования материального стимулирования труда. Очевидно противоречие между идеальной ценностью творческого труда и практическими ограничениями творчества жесткими институциональными нормами: трудовая творческая инициатива, выходящая за рамки, обычно строго наказывалась. Результаты противоречили знаниям: повседневная практика показывала, что общественная собственность на средства производства не устраняла нетрудовые доходы, личная собственность нередко служила для извлечения «нетрудовых» доходов, благосостояние трудящихся далеко не всегда было связано с трудовым вкладом. Планомерное ведение

народного хозяйства не защищало производство от диспропорций. Наоборот, перепроизводство некачественных товаров и дефицит качественных стали постоянными явлениями советской хозяйственной культуры, но разорения производителей при этом не было. В формировании дефицитной экономики огромную роль сыграла увязка материального стимулирования труда с выполнением и перевыполнением плана. Кооперативная собственность не сливалась с государственной, развивалась самостоятельно, появлялись новые ее формы. Не сокращалась частная собственность и т.п. Технология планомерного развития хозяйства трансформировалась в самоцель, отодвинув ценность человека. Все попытки совершенствования хозяйственного механизма давали кратковременный успех, были малоэффективными, потому что упирались в идеал (хотя и формальный) и заданные им ценности: общественную собственность на средства производства и централизованно-плановое развитие общества и культуры. Радикально и реально изменить это положение стало возможным, лишь отказавшись от идеала.

3.2. Повседневный уровень советской хозяйственной культуры

Повседневный аспект хозяйственной культуры России 1960-х - начала 1980-х рассматривается в сопоставлении советских (частично) и постсоветских исследований. Повседневная хозяйственная культура в советский период затрагивалась в рамках изучения образа жизни и социального института семьи.

Исследования показывают, что представления о советском социуме в массовом сознании выражались в простой дифференциации общества на две противопоставленные группы: «мы» – «простой народ», «исполнители», «работяги» и «они» – «те, кто у власти», «начальство» [191, с. 74].

Идеал. ИОМ «КП» в начале 1960-х был проведен ряд опросов читателей. Опросы показали: интерес к коммунизму был практически всеобщим. В массе населения выявлялись как минимум пять различных типов: 1) люди,

осознающие себя активными строителями коммунизма, искренне разделяющие принципы этого движения; 2) люди, не участвующие активно в строительстве коммунизма, но активно поддерживающих его принципы; 3) люди, не сомневающиеся в идее коммунизма, но не разделяющие принципы движения; 4) люди, участвующие в движении, но делающие без искреннего желания строить коммунизм; 5) люди, не верящие в победу коммунизма. В составе участников опроса явно преобладали активные участники строительства коммунизма, проникнутые идеями этого строительства. В каких количественных пропорциях находились по отношению друг к другу эти пять типов, сказать трудно. Главным в широких массовых представлениях о коммунизме. были детская наивность и примитивизм. Грядущий коммунизм представлялся в виде «незатейливого коктейля» из традиционной соборности, уже реализованных на Западе систем human relations и элементарных правил человеческого общежития [47, с. 223-225, 251-272]. Выводы Б. Грушина убедительно подтверждают то свойства повседневности, о котором говорил Ф. Бродель: идеологические конструкты, попадая в профанный мир, «отливаются» массами («низми») в определенные, а именно – упрощенные, примитивные формы [18]. В 1963 г. личностью XX века 98,2% опрошенных назвали Ленина. Документом века подавляющее большинство считало Программу КПСС 1961 года. Но контент-анализ текстов ответов показал, что названные представления никак не увязывались опрошенными с их собственными общественно-политическими позициями и поведением. Однообразные и громкие слова о Ленине, Октябре или Программе КПСС в подавляющем большинстве случаев произносились как на экзамене, заученно, как знание предмета отстраненного, не имевшего какого-либо нормативного значения для самих экзаменуемых [47, с. 403-411, 414, 430].

Исследования Ю. В. Аксютинина показывают: различные социальные группы советского общества в коммунизме видели свой определенный интерес. Для бюрократов курс на коммунизм являлся дополнительным оправданием

расправ с непослушными гражданами (теневики, тунеядцы, стилиаги, диссиденты). Для поэтов-шестидесятников коммунизм выступал альтернативой будничному быту, господству рутины. Для осознавших свои интересы рабочих коммунизм служил оправданием их эгалитарных требований: закрытия магазинов для начальства, передачи казенных дач детским садам. Но такая ориентация на коммунизм скорее разъединяла, нежели сплачивала. В 1998 году 51% опрошенных, в 1999 году 53% опрошенных ответили, что верили в коммунизм [4, с. 330-333, 482-485].

А. М. Доценко, проведя исследование повседневной жизни населения советского города 1950-х – середины 1980-х гг. на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области, утверждает, что в 1950-60-е годы для общественного сознания советского общества еще была характерна вера в построение светлого коммунистического будущего и связанный с этим социальный оптимизм [58].

В конце 1960-х исследования массового сознания показали полный крах мечты о возможности реализации коммунистической идеи. Ряды активных сторонников коммунистической идеи заметно редели, сужаясь до круга людей, занятых в партийном и государственном аппарате, продолжавших руководить строительством коммунизма «по долгу службы». Представители типа конформистов, разуверившиеся в возможность победы коммунизма в стране, стали в массовом масштабе переходить в ряды тех, кто ориентировался на традиционные, общечеловеческие ценности [48, ч. 2, с. 843-861].

П. Вайль и А. Генис считают, что НТП, законность и нравственное усовершенствование – идеалы 1960-х гг., придя к своему логическому завершению, отменили специфику главного идеала – коммунизма. Коммунизм, строящийся при помощи правды, терял всякую связь с уже построенным социализмом. Советская история лишалась смысла. Произошло то, о чем еще в самом начале 60-х охранители предупреждали партию: завоевания Октября оказались лишними; советский образ жизни, во всем

его своеобразии – неправильным; больше всего построению коммунизма мешала коммунистическая партия [26, с. 171].

Л. Г. Ионин: когда светлое будущее – коммунизм, обещанное властью, к 1980 году оказалось «реальным социализмом» (также по объяснению власти), то от этого «будущего» всем стало скучно. Наступил «застой», все перестали строить коммунизм, а каждый захотел построить что-нибудь для себя» [80, с. 218-219].

Учитывая сказанное выше, вывод, к которому приходит Н. П. Лукаш в результате исследования культуры и человека в советской повседневности 1960-70-х: советский человек верит в рай земной – коммунизм [135, с. 14-15], видится весьма странным.

Ценности. Советский энциклопедический словарь (1990) сообщает: «После победы социалистической революции коммунистические принципы, цели, идеалы постепенно превращаются в общенародные ценности». Для понимания взаимосвязи специализированной и повседневной культуры необходимо показать, как ценности официальной культуры воспринимались массами, действительно ли они превратились в «общенародные», как они были адаптированы на повседневном уровне.

Труд коммунистический. Исследование «Итоги и перспективы движения за коммунистический труд», проведенное ИОМ «КП» в 1961 году, показало: в соответствии с предметом обсуждения основная масса респондентов концентрировалась на данной ценности. Но у социологов сложилось впечатление, что при иной постановке вопроса (например, «Какая из тех или иных сторон вашей жизни для вас особенно важна?») нельзя поручиться, что труд как ценность вышел бы на первое место. Даже для участников движения за коммунистический труд, наиболее образованных, главным достижением был не «труд по-коммунистически», а воспитание «нового человека» и «хорошие отношения между людьми» [47, с. 269].

На самом деле, трудились ли советские люди «по-коммунистически»? Современные исследователи утверждают: проблемой советской экономики было невысокое массовое качество труда [69]. Но можно предположить, что в начале 1960-х, учитывая отношение большинства к коммунистическому идеалу и преобладание в массе активных участников строительства коммунизма, большинство советских людей трудилось с высоким качеством.

В начале 1980-х в трудах советских экономистов ставится проблема пренебрежительного отношения работников к результатам своего труда [15]. Как показали исследования Б. Грушина, в «эпоху Брежнева» говорить не то чтобы об ударном, но даже просто о добросовестном труде не приходилось. Во многих отраслях производства и услуг широчайшее распространение получила имитация трудовой деятельности – закамуфлированная под настоящую иллюзорная активность [48, ч. 2, с. 843-861]. По исследованию Н. Козловой, у поколения, родившегося в 1960-е, работа – «докука». В рабочее время служащие занимались личными делами. Род занятий не выбирали в соответствии с профессиональным призванием. Труд для них – абстрактная категория [106, с. 425-430]. Скорее всего, невысоким массовым качеством труда характеризуется не весь изучаемый период, а отрезок с конца 1960-х до начала 1980-х.

Чем объясняется невысокое массовое качество труда? Советские экономисты в начале 1980-х пренебрежительное отношение работников к результатам своего труда объясняли противоречиями между потребительской стоимостью и стоимостью, т.к. «все равно потребительская стоимость, созданная их трудом, в одних случаях не реализуется, а в других случаях – реализуется любая потребительская стоимость» [15]. В. В. Радаев низкую эффективность труда, хозяйственные потери, постоянные нарушения технических правил и норм трудовой дисциплины, а также хищения материалов и инструментов объясняет как форму *повседневного пассивного сопротивления* рядовых работников власти [191, с. 75-76]. Н. Зарубина низкое

массовое качество труда советских людей связывает с православным культурным наследием: в православной культуре труд рассматривается как аскетическое средство самовоспитания личности, а его форма и практический результат второстепенны. В советский период, несмотря на интенсивные идеологические кампании за качество, эта тенденция не была преодолена [69, с. 15-18]. Б. Грушин низкое качество труда в «эпоху Брежнева» связывает с низкими доходами населения и тотальным дефицитом [48, ч. 2]. Качественный труд, по исследованиям Г.С. Кнабе, оставался характерной чертой советской интеллигенции. Интеллигенция продолжала следовать ряду правил: не халтурить при выполнении служебных обязанностей, мотивируя это маленькой зарплатой, добросовестно относиться к своему труду на основе эрудиции и квалификации [99, с. 33, 34, 38].

Советские социологи и начале 1980-х утверждали, что социалистическому образу жизни свойственен, прежде всего, производственно-трудовой характер жизнедеятельности, его неразрывная связь с участием в общественно-полезном труде [200, с. 11]. Исследования постсоветского времени показали: в обыденном сознании эта характеристика советского образа жизни не закрепились: так, рабочие субботы (одна в месяц), первоначально введенные в ряде городов для компенсации 5-дневной рабочей недели, в массе сразу получили название «черных» [125, с. 380]. Значит, для трудящихся два выходных дня были большей ценностью, нежели один из них, занятый общественно-полезным трудом.

Исследования Н. Зарубиной показали: в советском обществе сохранялась традиционная технологическая и эстетическая характеристика труда: интеллектуальный труд более престижен, чем физический. Эта характеристика сохранялась, несмотря на попытки идеологической системы ее изменить. В массовом сознании приоритет отдавался «интеллигентным» профессиям, люди стремились дать детям высшее образование и воспринимали это не только как приобретение профессии, но и как рост престижа семьи» [69, с. 15,

117, 145]. Исследование жизненных планов и ценностных ориентаций колхозников (1963-1969) показало: характерной чертой сельской молодежи было желание приобрести специальность или квалификацию. Большинство выпускников средних школ мечтали учиться в высших и средних учебных заведениях, только 12,9% планировали работать в колхозах. Ближайшими жизненными планами было поступление в вуз, приобретение профессии, связанной с квалифицированным трудом. Предпочтение отдавалось более престижным профессиям, связанным с умственным трудом. Наиболее привлекательными считались профессии учителя, врача, инженера, менее привлекательными – работника сферы обслуживания и животноводства. Для жизненных планов работающей сельской молодежи от 16 до 24-х лет общим было стремление продолжить образование и получить специальность (повысить квалификацию), потому что не нравился простой физический труд и работа по нарядам [65, с. 181-186, 188-190, 194, 195]. Проанализированные Н. Н. Козловой письма советских людей показывают: дети крестьян, получившие высшее образование, очень ценили свой статус [106, с. 418]. Но на практике целый ряд массовых профессий (инженеры, учителя, врачи, библиотекари, музейные работники), требовавших высшего образования, низко оплачивался. Как это противоречие отразилось в массовом сознании, показывают тексты советской массовой литературы.

Н. П. Лукаш в аспекте труда дает следующие характеристики советскому человеку: отвращение к труду, неспособность к свободному созидательному труду, предпочтение нудной однообразной работы за кусок хлеба; неспособность работать на совесть, работает из-за страха; всегда предпочитает материальную выгоду духовной свободе [135, с. 14-15].

Собственность общественная, личная и частная. На уровне массового сознания ценность общественной собственности не утвердилась. В понимании социалистической общественной собственности наиболее ярко проявился парадокс массового сознания «общее – значит ничье конкретно», породивший

стереотипы бесхозяйственности, безынициативности, а также различные формы злоупотреблений [69, с. 19]. Колхозники считали, что имеют законное трудовое право на часть колхозной собственности. Уровень изъятия колхозной продукции государством был чрезвычайно высок, размеры вложенного в создание колхозной собственности труда не соответствовали отдаче. Это порождало устойчивое представление о возможности самостоятельного перераспределения части колхозного имущества в пользу колхозных дворов. Воровство колхозной собственности прочно вошло в жизнь колхозной деревни в 1945-1960-х гг. [52, с. 189].

Если политэкономия социализма утверждала, что замена частной собственности на средства производства общественной собственностью устраняет нетрудовые доходы, повседневная практика показывала обратное. Моральный кодекс строителя коммунизма призывал беречь и приумножать социалистическую собственность. Между тем, в условиях постоянного дефицита потребительских товаров, мелкое воровство социалистической собственности и связанное с ним понятие «несуны» было распространенной повседневной практикой жизнеобеспечения. «Несуны» являлись штатными работниками предприятия. По исследованию А. М. Доценко, к началу 1980-х гг. на предприятиях Куйбышевской области ежегодно задерживали около 400 мелких расхитителей. Наибольшее распространение такие правонарушения получили на предприятиях мясной, молочной, пищевой, легкой, радиотехнической промышленности и в торговле. Основную массу правонарушений составляли хищения социалистической собственности, кражи личного имущества были второстепенны [58]. Интеллигенция, как показывают исследования Г. С. Кнабе, с ее материальной неприязательностью и инстинктивным ощущением преимущественной важности духовных помыслов над финансовыми, не участвовала во всеобщем расхищении общественной собственности. В повседневной жизни интеллигенции придерживалась нормы:

не уносить домой и не использовать для личных нужд приборы и инвентарь, выданный на работе для осуществления служебных заданий [99, с. 33-34, 38].

Богатство (благосостояние). Одно из исследований ИОМ «КП» (1961) предлагало молодежи ответить на вопрос: «В чем состоит цель вашей жизни?» На последнем месте (0,1 %) оказался ответ «Иметь много денег, проводить жизнь в развлечениях, удовольствиях» [47, с. 185]. Опрос «Проблемы советской семьи» (декабрь 1961 – февраль 1962) показал, что мешанством, в первую очередь, считают дух стяжательства и материальный расчет [47, с. 294, 300]. Как показали и другие опросы, в эпоху Хрущева личное богатство, высокий достаток и материальные блага явно не относились к числу приоритетных ценностей, разделяемых большинством советских граждан. Это были ценности второго ряда, которые существенно уступали духовно-нравственному богатству личности. Исследование имущественного положения населения в 1971 году привело авторов к выводам: для значительной части советских людей создание богатого, оснащенного дорогой мебелью и новейшей техникой домашнего хозяйства, скорее всего, не являлось главным смыслом их жизни. Массы показали сдержанное отношение к материальным благам как ценности. Было выявлено сугубо функциональное использование вещей. Отношение к вещам как «знакам» следования моде, успешности выглядело второстепенным. Хотя не вызывало сомнений наличие в обществе людей, зараженных болезнью «вещизма» [48, ч. 1, с. 349-357].

Исследование жизненных планов и ценностных ориентаций колхозников (1963-1969) показывает: в жизненных планах колхозников речь идет о материальном благополучии (достатке), но не о богатстве. Это служит основанием говорить о традиционности ценностных ориентаций. Материальное благополучие вполне соотносится с тем, что О. А. Платонов называет народным идеалом – скромный достаток, созданный честным трудом, бережливостью и запасливостью. Трудовой человек стремится к скромному достатку, при котором можно и самому жить сносно, и помогать своим

близким. Бережливость поощряется, а жадное стяжательство материальных предметов рассматривается как грех [178, с. 91-96]. В массовом сознании советских колхозников в 1960-е бытовало представление: богатство связано не с вознаграждением по труду, а с положением человека на социальной лестнице [52, с. 186].

В 1970-е годы, как показали исследования Н. Козловой и В. Тяжелниковой, возрастала значимость материальных ценностей и личного благосостояния, возрастало стремление к престижному потреблению.

Предприимчивость. Официальные источники, показывая активное участие трудящихся в соцсоревновании, в борьбе за звание коллективов коммунистического труда, трудовые почины и т.п., прямо или косвенно подтверждали ценность установленных форм предприимчивости для советских людей. В современных исследованиях не затрагивается вопрос повседневного восприятия ценности предприимчивости – ни в ее официальных, ни в ее повседневных формах (технологиях). Этот вопрос могут прояснить тексты массовой литературы.

Профессионализм, профессия. Исследование «Автопортрет молодого поколения» (1961) выявило высокую значимость для советской молодежи ценности профессии и профессионализма. После ответа «Служить народу и приносить пользу Родине» ответ «Стать первоклассным специалистом, в совершенстве овладеть профессией» у всех социально-профессиональных групп оказался на втором месте – 33,2 % [47, с. 185]. В начале 1970-х ситуация изменилась. Коробов М. В., бывший в то время студентом-естественником одного из московских вузов, делает замечание, связанное с ценностью труда и профессии: «все студенты-естественники без будущего, считавшие свою профессию лямкой» [214, с. 125]. Похоже, что в начале 1980-х для советской молодежи овладение профессией в совершенстве уже не было ценностью и целью. Исследования, проведенные среди студентов строительного и лесоинженерного факультетов Петрозаводского университета, показали: после

прохождения курсов обучения оценки выпускниками своей будущей профессии и степень осведомленности о ней не возросли, а снизились. Более половины выпускников, также как на первом курсе, ответили, что представляют себе будущую профессию «приблизительно». Ответы «хорошо представляю» сократились, ответы «плохо представляю» возросли. Число считающих профессию инженера своим призванием сократилось почти вдвое [216, с. 25]. Судя по ответам, 60% молодежи шли на эти специальности не по призванию, а за дипломом.

Патриотизм, коллективизм. Исследование «Автопортрет молодого поколения» (1961) показало: в ответах на вопрос о цели жизни на первом месте – ответ «Служить народу, приносить пользу Родине» – 33,5 %. Более это выражено у творческой интеллигенции – 36,3 %, менее – у рабочих – 32,4 % . То же исследование показало: коллективизм не является «наиболее сильной» чертой советской молодежи. Наиболее сильной чертой его посчитали всего 14,9 % опрошенных [47, с. 185, 162]. Исследование «Итоги и перспективы движения за коммунистический труд» (1961) показало: в менталитете присутствует «коллективизм». С одной стороны, это социально оправданный и полезный вид взаимодействия. С другой стороны, это вторжение коллектива в частную жизнь [47, с. 271]. Сведения о ценности коллективизма дал опрос «Проблемы советской семьи» (декабрь 1961 – февраль 1962). Коллективизм как лучшую и самую прогрессивную сторону воспитания детей в советском обществе выбрали 25 % опрошенных. Наиболее значим коллективизм оказался для служащих – 27,6 %, наименее – для колхозников – 20,5 % [47, с. 296]. В начале 1990-х авторы проекта «Советский простой человек» пришли к выводу: исследование массового сознания советских людей (1989) не подтверждает «коллективность» советского человека. «Между тоталитарным государством и одиноким индивидом не занимали сколько-нибудь важных позиций никакие социально-психологические общности, связанные с профессией, занятием, интересами и т.д.» [219, с. 26].

Человек труда. В массовом сознании «рабочий» не является «высоким званием». Постановлением 1977 г. было решено превратить ПТУ в университет рабочих профессий, избавить его от репутации второсортного учебного заведения. Но в повседневной жизни считается, что в ПТУ попадают «отбросы школы». Пропаганда пытается сломать предубеждение, ПТУ при крупных предприятиях живут гораздо богаче институтов, но ничего не помогает: ПТУ остаются «низшим» образованием, в ПТУ недобор [173, серия 17].

КПСС – руководящая и направляющая сила. Исследование массового сознания советских людей (1960) после серии правительственных акций, направленных на повышение благосостояния трудящихся, показало: 1) народ полностью лоялен по отношению к существующему в стране строю, целиком одобряет общую линию КПСС и социалистического государства; 2) активной поддержкой со стороны народа пользуется не только общий политический курс власти, но и большинство конкретных шагов. Исследование «Автопортрет молодого поколения» (1961) показало: в ответах на вопрос о цели жизни на третьем месте – «Стать настоящим коммунистом, всесторонне развитым, высокоморальным человеком» – 15,6 %. Среди ИТР – 27,2 %, среди колхозников – 10,7 % [47, с. 138-154, 185].

Ю. Аксютин утверждает: в 1960-е годы общество не мыслилось без жесткого планирования и руководящей роли партийных комитетов во всех сферах жизни, включая личные судьбы людей [4, с. 484, 485]. Согласно исследованиям П. Вайля и А. Гениса, в 1960-е годы общество постепенно освобождалось от веры в непогрешимость партии и правительства, но еще не сомневалось, что обновленная КПСС должна возглавлять путь к коммунизму. В 1970-е годы в фольклоре – анекдотах нашло отражение разочарование советских людей в КПСС и недоверие. Как показали исследования Н. Н. Козловой, для поколения, родившегося в 1960-е годы, характерно равнодушие к официальным ценностям. Люди не видели жизненного смысла в том, чтобы их искренне принимать или хотя бы постоянно подтверждать [106].

Какие ценности были наиболее значимы для советских людей в изучаемое время? По исследованиям начала 1960-х Б. Грушин делает вывод: для россиян начала 1960-х наиболее значимыми ценностями были мир на Земле, высокая духовность, нравственность, приобщение к культуре, образование, крепкая семья, благополучие Родины [47, с. 531]. Исследование жизненных планов и ценностных ориентаций колхозников в трех колхозах Орловской области (1963-1969) показало высокую значимость ценностей духовных. Выяснилось, что больше всего колхозники ценили в людях *честность, бескорыстие, справедливость, трудолюбие и добросовестность, доброту, отзывчивость, справедливость, уважение к человеческому достоинству*. Основными жизненными планами и ценностными ориентациями были *материальное благополучие, воспитание детей, получение специальности, повышение квалификации, удовлетворение духовных интересов*. Содержание ближайших целей колхозников среднего и старшего возраста нередко отождествлялось с понятием «хорошо жить» – в первую очередь, иметь материальный достаток. Молодые колхозники со средним образованием в понятие «хорошо жить» в первую очередь вкладывали условия для «культурного» отдыха [65, с. 181-186, 188-190, 194, 195].

Во второй половине 1960-х первой половине 1970-х, согласно исследованиям Б. Грушина, усилились ценности семьи и дружеского общения. В массовом сознании повышался удельный вес традиционных, общечеловеческих ценностей. Преимущественно в молодежном сознании происходило рождение совершенно новой ценности – свободной деятельности свободных субъектов (индивидов и коллективов), с высокой эффективностью для самих субъектов и общества [48, ч. 2, с. 843-861].

В повседневной жизни советского общества возрастала роль *материальных ценностей*. Н. Козлова, находя в письмах упоминания о покупке или желании купить модную одежду, аксессуары и бытовую технику, бывшие сверхпрестижным дефицитом, делает вывод: советское общество, не

голодающее и не раздетое, к концу 1980-х стало радикально меняться, потому что люди не могли свободно реализовать энергию желания, сделать свой выбор. У старшего и младшего поколения наблюдался уход от реализации официальных ценностей в активное конструирование частной жизни. У старших – покупка вещей в кредит, страховка, рассрочка на подписку, здоровье, здоровое питание и т.п. У детей – наряду с работой вязание, музыка, сидение дома, поездки на экскурсии по праздникам, спорт и фотография. Другой вариант у части молодого поколения – складывание неконформистской культуры, которая быстро сближается с уголовной [106, с. 410, 415, 417-425]. О новых ценностных ориентирах советского потребительского общества пишет и В. С. Тяжельникова: в 1965-1985 гг. дефицит распространялся все шире лишь на товары и услуги далеко не первой необходимости, но проблемы, им обусловленные, оставались острыми из-за постоянно поднимавшейся планки потребления, более высоких запросов по отношению к товарам и услугам и, прежде всего, к одежде [236].

Знания и технологии повседневной хозяйственной культуры.

На обыденном (повседневном) уровне культура познания и рефлексии мира, человека и межчеловеческих отношений предстает как здравый смысл и народная мудрость, рациональные знания о мире, бытовая логика социальной жизнедеятельности [240, с. 134-137]. На повседневном уровне знания тесно переплетаются с технологиями, их трудно разделить, поэтому здесь они рассматриваются вместе. В соответствии с определением повседневной хозяйственной культуры можно выделить повседневные технологии, связанные с общественным производством, и технологии домашнего хозяйства. Далее последовательно рассматриваются повседневные производственные технологии и технологии домашнего хозяйства.

Повседневные технологии в общественном производстве. Это, в первую очередь, технологии выполнения плана. На производстве повседневной технологией выполнения плана были штурмовщина, авралы в конце месяца,

квартала и года. В государственной торговле штурмовщина проявлялась в форме «выбрасывания» в свободную продажу дефицитного товара в конце месяца. Использовалась и технология нагрузки: дефицитный товар продавался в комплекте с низкокачественным, не пользующимся спросом товаром – «нагрузкой». Особое развитие система нагрузок приобрела в период развитого социализма. С нагрузкой стали продавать не только дефицитные продукты питания, но даже книги и театральные билеты [125, с. 242-243]. Технология нагрузок очевидно связана с ценностью предприимчивости.

Технологии неформальных обменных связей, или неформальная экономика. Р. А. Белоусов в «Экономической истории России» утверждает, что «взаимопомощь» в практике служебных отношений, в системе государственного управления появились лишь к началу 1990-х [16, с. 134]. Это утверждение представляется абсолютно необоснованным: уже в советских научных исследованиях начала 1980-х говорилось об использовании личных знакомств, служебного положения руководителя для удовлетворения потребностей коллектива. Названные явления рассматривались как проявление противоречия между экономическими интересами общества, производственного коллектива и отдельных его членов. Высказывалось убеждение, что социалистическое общество, совершенствуя планомерность и сбалансированность всего хозяйственного механизма, может не допустить этих отрицательных явлений [15]. По исследованию В. В. Радаева, установки на традиционные связи и отношения формировались у хозяйственных руководителей уже во второй половине 1950-х годов. Чтобы обеспечить предприятие ресурсами в условиях всеобщего дефицита, хозяйственник включался в неформальные обменные операции с высшим руководством и руководителями других предприятий. Личные неформальные связи с вышестоящими начальниками позволяли выбивать дополнительные капиталовложения и получать дефицитное сырье, новую технику, корректировать план и т.д. В обмен на это гарантировалась всесторонняя

поддержка всех решений и начинаний. На этапе патерналистского социализма («застойное» время) сети неформальных обменных связей ширились и множились. Торговля за ресурсы принимала более открытый характер. Расцветали теневые рынки, через которые перекачивалась возрастающая часть государственных ресурсов. Повышалось материальное и социальное положение групп, причастных к распределению в сфере торговли, снабжения, транспорта [188]. Повседневная практика показывала: в плановой экономике права хозяйствующего субъекта зависят не от экономической эффективности, а от приоритетности отрасли, статуса территории, категории предприятия (учреждения) и личных связей руководителя. Рядом с формальной организацией раскидываются плотные сети неформальных отношений, складываются сложные системы обмена услуг и неофициальных торгов. Предметом торга становятся плановые задания и выделяемые ресурсы, полученная по личным каналам информация [191]. Эта технология называется «экономикой согласований» в концепции В. Найшуля: «сложный бюрократический рынок, построенный на обмене-торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами». Происходил обмен, главным образом, властью и подчинением, правилами и исключениями из них, положением в обществе и т.д. По мнению В. Найшуля, сформировалась экономика согласований в 1960-е годы [161, с. 31].

В.В. Радаев дает общее определение неформальной экономики: совокупность видов хозяйственной деятельности, не отраженной в статистической и налоговой отчетности. Сегменты неформальной экономики: 1) полуправовая (теневая), 2) нелегальная (криминальная). Теневая хозяйственная деятельность легальна по своим целям и содержанию, но периодически выходит за пределы законодательства по характеру применяемых средств. Это разные способы ухода от налогов, сокрытие предпринимательской деятельности, части хозяйственных операций, найма рабочей силы, доходов. Нелегальная (криминальная) экономика характеризуется нарушением закона и

возникновением угрозы безопасности здоровья и жизни людей: наркобизнес, незаконное производство и распространение оружия, торговля людьми, рэкет, легальное производство продуктов, но с серьезными нарушениями технических стандартов [195, 196]. В советской культуре существовали четыре типа предпринимателей. Первый – «экспериментаторы»: небольшая часть хозяйственных руководителей, с санкции власти осуществлявшие более-менее решительные нововведения в обмен на исключительные условия и дополнительную поддержку. Второй тип – *вынужденные предприниматели*: основная группа хозяйственных руководителей, которые изворачивались, вели многочисленные торги, обходили формальные указания и вынужденно осваивали навязанный им властью успешный опыт *экспериментаторов*. Третий тип – *теневик*: многими нитями был связан с госсектором, косвенно и прямо зависел от государственных ресурсов. Четвертый тип – *частник*: мелкие изготовители и торговцы от личного подсобного хозяйства или полулегальной «индивидуальной трудовой деятельности». Но все эти типы не могут считаться предпринимателями в полном смысле слова [190, с. 173-176].

По исследованиям М. Малиа, «теневая» экономика превратилась в почти терпимое властями явление уже при Хрущеве, поскольку люди стали меньше бояться, а государство было не в состоянии удовлетворить их запросы. Наиболее широко «теневая» экономика развернулась при Брежневеве. Она действовала как система поддержания на плаву экономики официальной: удовлетворяла потребительские нужды населения и снабжала государственные производственные структуры буквально всем, когда предприятие не могло получить требуемое от официальных поставщиков в сроки, необходимые для своевременного выполнения плана. В эпоху Брежневеве «теневая» экономика смыкалась с властью: предприниматели обретали покровительство политиков в обмен на материальные выгоды и всевозможные услуги. Советский плановый эксперимент оказался неспособным подавить рынок, но рынок загнали в подполье, сделав его криминальным с точки зрения закона и норм социального

поведения. В той или иной мере вовлеченным в него оказалось все население. В результате все то и дело оказывались в чем-либо виноватыми. Объем «второй» экономики был весьма внушителен, она оказалась необходимой для всей жизнедеятельности системы [138, с. 388-390]. Итак, теневой сектор – это повседневный уровень советской хозяйственной культуры, который регулировался конвенциональными нормами, неформальными практиками. В теневой экономике реализовывалась ценность предприимчивости.

Технологии трудовой занятости – шабашка и ССО. В условиях сдерживания вторичного рынка труда, ограничений и запретов на совместительство личная предприимчивость реализовывалась в технологиях, позволяющих за более-менее короткий срок заработать немалые для рядового советского человека деньги: шабашка, студенческий строительный отряд (ССО) и работа в условиях Севера за северную надбавку (народнохозяйственные компенсационные коэффициенты за особые условия труда).

Шабашка – сезонный строительный промысел. Спрос на шабашку был у колхозов, совхозов и некоторых других хозяйствующих субъектов, более-менее свободно расходовавших наличные средства. Не имея особенных возможностей сделать необходимый заказ у государственных структур, они имели право заключать хозяйственные договоры на строительство некоторых объектов с временными трудовыми коллективами. Оплата за эти работы производилась наличными, что было основным стимулом для исполнителей. Работали бригады шабашников в основном в сезон летних отпусков, когда их участники были свободны по основному месту своей работы. Бригады шабашников зачастую были укомплектованы людьми с высшим образованием, чья основная специальность была вовсе не строительная. Шабашка ни для кого не была секретом, но официально невозможно было признать два очевидных факта: специализированные строительные предприятия уступали шабашникам по скорости и качеству работ, а интеллигенция в свой отпуск ищет дополнительный заработок.

Технология ССО сложилась в 1950-е годы на фундаменте комсомольской идеологии. Огромное число студентов в каникулы добровольно отправлялись на стройки страны. Студентов формировали в отряды, придавали им соответствующие имена и лозунги, утверждали их униформу со значками и нашивками. П. Вайль и А. Генис показали, что во второй половине 1960-х студенты превратились в обыкновенных шабашников. ССО стали летним приработком, а их походные штабы ССО – солидными конторами с секретаршами, заседаниями, приемными, степенными партийными словами «добре» и «лады» [26, с. 130]. Качество работы ССО было невысоко, но при слабой сельской строительной базе выбирать не приходилось. Самой прибыльной была работа в Коми АССР, дающая возможность «заколачивать длинные северные рубли» [173, серия 11].

Членство в КПСС. Как показали исследования В. Ильина, членство в партии превращалось в символический ресурс. Партийная принадлежность учитывалась при назначении на руководящие должности. Формально партийный, должностной и социально-экономический статусы не были связаны, но фактически такая связь, несомненно, была. Платили повышенную зарплату, давали квартиры, конечно, не за партбилет, но с партбилетом быстрее продвигались по служебной лестнице, достигая высокооплачиваемых должностей [76, с. 54, 56]. Партийность была технологией достижения не только личных целей, но и коллективных, творческих. Это показывают мемуарные источники постсоветского периода, в частности, автобиографическая проза О. Табакова: «в 63-м или 64-м году – Олег Николаевич (Ефремов – Г.С.) предложил нам с Евстигнеевым вступить в партию, мотивируя свое предложение тем, что, если у нас не будет своей первичной парторганизации, не выживет театр. И мы стали членами КПСС, доверяя Олегу безраздельно. Партийность была необходимой данью времени» [234]. Таким образом, в той или иной мере и форме этот ресурс использовался для достижения личных или общественных целей.

Технология участия в реализации ведущих экономических программ.

В разное время это было освоение целины, Севера и Сибири (что давало денежную надбавку), Нечерноземья, строительство БАМа. В годы «оттепели» мотивация участия в программе была связана с ценностями нематериальными: «Эпоха требовала, чтобы величие Сибири соответствовало великим порывам. И вот, как много веков назад, туда отправились землепроходцы, энтузиасты. Строители будущего. По 200 000 человек в год уходили в этот путь, завершающий волну славянского переселения. От московских вокзалов рельсы вели в светлое будущее. Коммунизм можно построить в отдельно взятой стране, если эта страна – Сибирь». Ехали на войну «с трудностями, с неустраиваемостью, с мещанскими предрассудками. <...> Не Братскую ГЭС строили молодые энтузиасты, а обещанный Лениным и Хрущевым коммунизм» [26, с. 82-83]. Изменилась ли мотивация в годы «застоя», могут показать тексты художественной литературы.

Технология «длинных жизненных проектов». В системе советской культуры официально одобряемой культурной нормой были «длинные жизненные проекты»: окончание специального или высшего учебного заведения, получение трудового распределения, карьерный рост на одном предприятии или учреждении. Работа на одном месте давала 10% прибавку к пенсии. Градообразующая структура производства способствовала тому, чтобы человек мог найти себе трудовое применение в своем городе или поселке. Хотя в советское время были и трудовые миграции, и текучесть кадров – проблема предприятий, но для значительного большинства людей были приемлемы именно длительные жизненные проекты [117].

Технология миграций (из села в город. Как показывают исследования Л. Н. Денисовой, второсортная «деревенщина» была нужна городским предприятиям как неквалифицированная рабочая сила, а традиционные крестьянские привычки были чужды городской среде. «Деревня» быстро пополняла число маргиналов. Они очень долго не могли влиться в новую

жизнь, а часто так и не сроднились с ней. Но в деревню не возвращались, поскольку не хотелось давать почву деревенской молве для рассуждений о себе как неудачнике. Даже благополучные и успешные бывшие деревенские в представлении окружения, тем не менее, оставались «деревней». Простые рабочие принимали все условия труда и жизни в городе, но развенчивали пропагандистские лозунги лекторов общества «Знание» о том, что рабочие чувствуют себя хозяевами своей страны. Начальник цеха часто заявляет им, что выгонит их без наказания для себя, на место каждого рабочего за воротами завода каждый день стоит по 15-20 человек. Для мигрантов из деревни устройство на завод, даже на вредное производство, даже женщин, считалось неплохой работой, тем более в Москве. В то же время директора заводов были недовольны деревенской рабочей силой, поскольку именно они были первыми прогульщиками и нарушителями общественного порядка [51, с. 389, 390, 391].

Технологии домашнего хозяйства. Это, в первую очередь, технологии самообеспечения продуктами питания: *личные подсобные хозяйства (ЛПХ)* у сельчан, *шесть соток* у горожан. Непоследовательная политика государства в отношении ЛПХ снижала интерес крестьян к развитию этой формы собственности. В 1964 году ограничения на ЛПХ были сняты, но, как показал социологический опрос на Кубани (1966), почти никто из колхозников уже не хотел расширения приусадебных участков, а многие считали возможным вообще отказаться от своего хозяйства. Сказывалась пропаганда предыдущих лет: колхозник, развивавший ЛПХ, объявлялся спекулянтом и тунеядцем. Все же, когда власть вернулась к поощрению ЛПХ, крестьяне начали поднимать свои хозяйства, и к 1970 году достигли уровня 1959 года. В 1970-е годы подсобные хозяйства в сибирской деревне имели 90% семей. ЛПХ обеспечивали продуктами самих сельчан и живущих в городе членов семьи. Через продажу продуктов на рынке сельчане получали денежные доходы. Сельские жители постоянно подчеркивали, что подсобное хозяйство – важнейшее преимущество деревни. Дальнейшую судьбу ЛПХ крестьяне

связывали с масштабами помощи со стороны колхозов, совхозов, потребкооперации и промышленности [51, с. 373, 393-399]. Развитие ЛПХ затруднялось сокращением численности крестьянской семьи, что было связано с демографическим переходом и миграцией в город.

Шесть соток. Горожане могли выращивать для себя овощи, ягоды и фрукты на участках земли размером 6 соток, в черте города или пригороде. Участки были собственностью садового товарищества. Садоводам и огородникам на этой земле разрешалось строить садовые домики («дачи»), около 10 квадратных метров, без отопления, для хранения садово-огородного инвентаря и укрытия от дождя. Абсолютное большинство городских семей имели такие участки [106, с. 415, 417]. Самостоятельное выращивание продуктов питания развивалось в условиях дефицита товаров и услуг, жесткого государственного регулирования вторичной занятости, полном отсутствии легальной возможности для самозанятости рыночного типа [236].

Домашнее производство продуктов питания и одежды. По тем же причинам в массе горожан распространились технологии самообеспечения: домашние заготовки продуктов питания, производство одежды (пошив, вязание), помощь старших родственников в уходе за малолетними детьми, ремонт жилья и др. Конкретные виды деятельности зависели от ситуации с продовольствием в конкретном регионе, наличия участка земли у членов домохозяйства и его близости к месту постоянного проживания, этапа семейного цикла, возраста детей и т.п. Многие определялись наличием индивидуальных хозяйственных умений и навыков, уровня дохода, желания его увеличивать и др. факторами [236]. Исследование Н. Н. Козловой показывает: абсолютное большинство семей делали домашние заготовки, покупая для этого продукты (овощи, ягоды) на колхозном рынке или выращивая на своих шести сотках [106, с. 415, 417].

Разделение труда на мужской/женский. Многочисленные исследования советского времени и современные исследования показывают: в 1960-1980-е

годы в домашнем хозяйстве сельчан и горожан сохранялась традиционная технология разделения домашнего труда на мужской и женский. Главная нагрузка падала на женщину. Чтобы облегчить домашний труд женщины, семья покупала бытовую технику. Это облегчало домашний труд горожанок и молодых сельчанок. Но сельские женщины старшего поколения часто боялись новой бытовой техники и не доверяли ей. Стиральной машине предпочитали стирку руками в корыте, считая, что таким образом белье стирается чище, а кроме того, стирка в машине белье портит [51, с. 413-427]. Причина трудовой перегрузки женщин в домашнем хозяйстве – традиционность сознания, инерция.

Технологии выживания в коммунальной квартире. Хотя в ходе реализации государственной жилищной политики миллионы советских семей получили отдельные квартиры, до 1990-х годов сохранялся тип коммунальной квартиры, особенно в крупных городах, Ленинграде (Санкт-Петербурге). Часто жильцы коммуналки принадлежали к самым разным социальным группам. В условиях совместного проживания большого количества жильцов, тесноты, постоянного контакта и ограниченного доступа к бытовым удобствам общего пользования неизбежно появлялись специфические повседневные технологии. Исследование К. Герасимовой показало связь повседневных технологий с социальной структурой. Были выявлены два типа технологий – хабитусов: «интеллигентский» и «простой». «Интеллигентский» хабитус: отстраненность от бытовых проблем и материальной стороны жизни, восприятие быта как сферы необходимости; толерантность, ценность индивидуальности и приватности, способность к контролю своих эмоций в публичных пространствах. «Простой» хабитус: ориентация на элементарные условия выживания и физического воспроизводства; приоритет материального потребления над духовным; значимость родственных связей; предпочтение функционального удобства сохранению приватности; ориентация на «культурный минимум» (чистота, порядок, уют, дисциплинированность);

претензия на власть (захваты пространства общего пользования). «Простой» хабитус оказался более востребованным. Практики «простых» доминировали, постепенно проникали в другие слои [40, с. 15-21]. В связи с тем, что в коммунальных квартирах важнейшей составляющей эмоционального фона отношений соседей было чувство зависти, сложились технологии противодействия его разрушительным последствиям: *уклончивый ответ о цене новой вещи, занижение реальной цены, избегание хвастовства вещью* [238, с. 16-18]. Эти технологии вместе с практиками «простого» хабитуса были наиболее адаптивными для жизнеобеспечения в окружающей социокультурной среде.

Обмен жилья. Для разраставшегося городского населения типовые малометражные квартиры первоначально казались благом [125, с. 373]. М. Веллер: «Народ радовался, что Никита успел соединить сортир с ванной, но не успел соединить пол с потолком» [34, с. 35]. Но радость очень скоро оказалась омраченной неудобствами планировки и теснотой «хрущевок». Расширить жилплощадь можно было путем обмена – законной технологии. Обмен государственной жилой площади практиковался при увеличении, соединении семьи, расторжении брака, раздела детей и родителей и т.п. Государство в этом процессе выполняло регулирующие функции. Найти нужный вариант обмена было очень сложно, поэтому рядом с институциональными нормами, законными практиками возник ряд конвенциональных норм, неформальных технологий: *квартирные маклеры* [125, с. 259-260]. Практиковались и *неформальные денежные доплаты участникам обмена за получение лучшего жилья.*

Использование личной собственности для извлечения доходов. На всем протяжении изучаемого времени такая личная собственность как жилье и автомобиль использовались для извлечения доходов, считавшихся официальной культурой «нетрудовыми». В годы «оттепели» массовый характер приняла сдача внаем жилья на курортах. Это было связано с повышением

уровня жизни и распространением в массовом сознании идеи отдыха на юге, причем не организованного – в санаториях, домах отдыха или турбазах, а «дикого». Развитию «дикого» способствовали сложности в приобретении путевок [125, с. 126-128]. Отдыхающие могли жить либо в палатках, либо нанимать жилье в частном секторе. Для многих жителей южных городов и поселков сдача внаем жилья становилось постоянным основным или дополнительным средством жизнеобеспечения.

Взятка (коррупция). Эта традиционная технология была широко распространена в повседневной жизни. Практиковались не только денежные, но и натуральные взятки. Так, в 1970-х крестьяне сообщали в журнал «Сельская новь», что колхозу чрезвычайно трудно получить автобус: чтобы получить хотя бы один автобус, надо многих «подмазать» медом и маслом [51, с. 357, 358]. Специализированная культура боролась с коррупцией с помощью правовой системы и пропаганды, средствами искусства, но безуспешно.

Блат – незаконные, как правило, операции, дающие возможность что-либо получить, приобрести, производимые при помощи связей, знакомств. Блат был порожден просчетами в планировании экономики, несогласованностью деятельности различных структур планово-централизованного механизма и связанным с ними постоянным дефицитом товаров потребительского спроса. Эта технология аналогична производственной технологии неформальных обменных связей.

Фарцовка – незаконная практика, покупка товаров у иностранных граждан и последующая перепродажа их. Развитию фарцовки способствовал не только дефицит, но также институциональные нормы – ограничения иностранцев в обмене валюты на рубли. Если иностранный гость, ограниченный в деньгах, хотел купить русские сувениры, то фарцовщики предлагали ему обмен.

Спекуляция – скупка и перепродажа товаров или иных предметов с целью наживы. По исследованию Доценко, на городских рынках торговали всем, что

можно было продать. По социальному положению лица, задержанные за спекуляцию, были: 1) нигде не работающие граждане; 2) рабочие, служащие, колхозники, учащиеся. Несмотря на жесткие меры государства по борьбе со спекуляцией и хищениями государственной собственности, с середины 1970-х гг. получение нетрудовых доходов при помощи этой деятельности стало приобретать массовый характер [58]. Как видно, спекуляцией занимались представители всех социальных групп советского общества.

Блат, фарцовка, спекуляция, использование личной собственности для извлечения доходов, посредничество в обмене жилья – все эти повседневные технологии связаны с ценностью предприимчивости.

Для рядовых законопослушных граждан, не имеющих профессионального отношения к распределению товаров, не имеющих льгот, не умеющих или не желающих по своим нравственным убеждениям включаться в технологию блата, оставались легальные практики жизнеобеспечения – очередь за дефицитом, покупка товаров по предварительной записи, покупка дефицита с нагрузкой, поездки из провинции в столичные города за продуктами и т.п. Как показал анализ частной переписки, люди везли недостающее из разных мест; покупали в запас столько, сколько можно купить (стихийное правило об ограничении количества розничного товара «в одни руки»). Запасали продукты длительного хранения (существовал культ продуктов длительного хранения). Для обеспечения продуктами и необходимыми предметами быта активно пользовались услугами почты. Пересылке по почте способствовали низкие почтовые тарифы. Список пересылаемого, судя по письмам, был необъятен [106, с. 410-417].

Институты. Как показывают исследования, в повседневной жизни важную роль играл *трудовой коллектив*. Причем, во второй половине 1950-х роль трудового коллектива в повседневной жизни возрастала. Если поколение 1910-1920-х гг. рождения (с крестьянским детством) жило семейно-общинно с *соседями* (взаимопомощь, общие праздники), то для поколения 1930-х гг.

рождения наиболее значимым стал круг *сослуживцев*. Рабочий коллектив стал не менее ценен, чем семья. Сослуживцы входили в круг приглашаемых на свадьбу, юбилеи. Уйдя на пенсию, тосковали по кругу сослуживцев. Письма свидетельствуют, что отношения между бывшими сослуживцами поддерживались многие годы. Они приглашали друг друга на свадьбы и юбилеи, проводили вместе отпуск, оказывали взаимные услуги, в том числе, выручали деньгами [106, с. 418]. Исследования повседневной культуры советских шестидесятых показывают: праздники, дни рождения советские люди отмечали не только в семье, но и в производственном коллективе. Существовали традиции совместного отдыха (воскресные выезды за город, на природу), взаимопомощи – добровольные сборы средств для нуждающихся, переезд на новую квартиру и т.д. [134, с. 126]. Судя по исследованиям Н. Н. Козловой и Н. П. Лукаш, можно говорить о возрастании социальной ценности трудового коллектива относительно семьи и соседей.

Прямое отношение к повседневной хозяйственной культуре имеет институт родства – *семья*. С 1960-х гг. изучение этой «важнейшей ячейки социалистического общества» стало важным направлением исследований советских ученых. Среди основных функций семьи этнографы и социологи выделяли экономическую, которая, согласно теории О. А. Ганцкой, разделяется на две подфункции: производственную и потребительско-организационную. В советское время потребительская выступает главной, а производственная сильно сократилась, особенно у горожан, сохраняется в индивидуальном хозяйстве сельской семьи, отчасти в домашнем труде [38, с. 24]. Но рассмотренные выше технологии самообеспечения в условиях индустриального, потребительского общества не позволяют согласиться с этим утверждением. Советские исследователи пользовались термином «социалистический тип» семьи и утверждали: «материальные расчеты перестали играть в судьбах семьи одну из решающих ролей, а нравственные моменты, напротив, выдвинулись на первый план» [200, с. 54].

Но исследования В. Тяжелниковой и Н. Козловой показывают: в изучаемое время в повседневной жизни семья и круг близких родственников регулярно оказывали друг другу материальную и трудовую взаимопомощь в решении важнейших проблем жизнеобеспечения. В процессе выживания человек рассчитывал на материальную и трудовую поддержку семьи.

Исследование «Автопортрет молодого поколения» (1961) показало: как цель жизни семья оказалась на пятом месте – 4,2 %. Наиболее значима семья для ИТР – 8,8 %, наименее для колхозников – 3,6 % [47, с. 185]. Судя по результатам опроса «Проблемы советской семьи» (декабрь 1961 – февраль 1962), молодежь считала, что семьям надо освободиться от остатков неравного положения женщин в быту путем расширения сети детских учреждений – 62,9 % (служащие – 69 %, колхозники – 55,6 %); путем облегчения женского труда на производстве – 56,1 % (творческая интеллигенция – 60 %, колхозники – 45,6 %). Участием мужа, детей в ведении домашнего хозяйства – 55,8% (творческая интеллигенция – 64 %, колхозники – 45,6 %). Расширением и улучшением общественных форм удовлетворения потребностей семьи – 46,1 % (ИТР – 52 %, колхозники – 36,3 %). Облегчением домашнего труда механизацией работ – 33,8 %, при этом служащие – 37 %, колхозники – 28,7 % [47, с. 294, 300, 347]. Итак, общество высказало мнение: чтобы семья оставалась «важнейшей ячейкой», ей необходима помощь государства.

Краеугольным камнем решения проблем советской семьи считалось решение «женского вопроса». Полное социальное освобождение женщин – равноправие с мужчинами и массовое вовлечение в общественное производство и общественную жизнь вызвало проблему трудовой перегрузки женщин. Столкнулись две ценности – массовый общественный труд и семья. Специализированная культура пыталась решить возникшую проблему двумя путями: 1) облегчение и сокращение домашнего труда путем развития сферы бытового обслуживания и производства товаров народного потребления, обучение домашнему хозяйству (школьная дисциплина «Домоводство»,

журналы «Работница» и «Крестьянка» и др.). 2) Улучшением условий труда для женщин с малолетними детьми: режим неполного рабочего времени, надомный труд, гибкие графики и др. Однако приходилось признавать: эти формы не получили широкого распространения. Предприятия были недостаточно заинтересованы в их применении, поскольку требовались дополнительные усилия организаторов производства, особый учет, снабжение надомников оборудованием и материалами. Эти формы занятости не согласовывались с ограничениями по штатному расписанию, по оплате труда и показателями по труду [200, с. 68]. Таким образом, ценности «человек» и «семья» сталкивались с экономическими интересами производственного предприятия, в центре которых – выполнение плана.

Результаты развития повседневной хозяйственной культуры. Уже в 1983 году А.П. Бутенко доказал: ситуация смещения цели и средства прогресса, сложившаяся в идеологии и экономических программах, была усвоена в обыденном сознании: на основе повседневной практики в общественном мнении и стереотипах поведения все меньше была ориентация на развитие «хозяйского отношения к производству», «пренебрежение части работников к повседневным нуждам масс». Смещение цели и средств проявилось в борьбе за выполнение плана в тоннах, метрах и литрах готовой продукции; строительстве предприятий без жилищ и детских садов; в том, что служащие не служили трудящимся, а командовали ими; работники сферы обслуживания диктовали свои условия потребителям услуг [24, с. 95].

Проект «Советский простой человек» показал: одна из основных ментальных характеристик советского человека – двойной стандарт поведения: принятие высших официальных ценностей становится необходимым условием для реализации ценностей частных. В результате практически каждый совершает «делку с дьяволом», стремясь сохранить себя [219, с. 14, 26, 75].

А. В. Захаров: советская коллективистская система уже не могла удерживать в повиновении массового индивида, которого сама же породила

[73]. С.Г. Кара-Мурза: в городском советском обществе, начиная с 1960-х годов, обнаруживается «неосознанное» недовольство жизнью. Это недовольство было связано с «избыточной надежностью социального уклада». Обратной стороной высокой социальной защищенности стала скука значительной части населения, особенно молодежи. Отсутствие конкуренции и гарантированное благосостояние превращало жизнь советского человека в бесцельное существование. Среднему человеку жить при развитом советском социализме стало скучно. И никакого выхода из этой скуки советский проект не предлагал [93, с. 410-412]. Однако рассмотренные технологии повседневной хозяйственной культуры возникали именно по причине ненадежности социального уклада. Специализированная хозяйственная культура не обеспечивала возрастающие потребности населения, поэтому в борьбе за выживание или за повышение уровня жизни изобретались повседневные технологии. Вряд ли было скучно большинству населения, которое ежедневно вело борьбу за выживание, повышение социального статуса, уровня жизни.

По мнению В. С. Тяжелниковой, самостоятельное длительное существование городского населения с технологиями самообеспечения стало фактором длительного функционирования советской дефицитной экономики и неэффективных попыток ее реформирования [236]. К такому же выводу пришла Н.Н. Козлова: 1) внутри хозяйственной системы люди предпринимали все, что могли, чтобы удовлетворить свои нужды и компенсировать недостатки планово-раздаточной экономики, оставаясь при этом в рамках закона. Без таких компенсирующих действий социальных агентов эта экономика не могла бы существовать [106, с. 410].

Вывод. Сопоставление элементов структуры хозяйственной культуры специализированного и повседневного уровней 1960-х – начала 1980-х гг. показывает: на повседневном уровне шел процесс адаптирования официального идеала, ценностей и технологий. В обыденном сознании идеал коммунизма тускнел и становился неактуальным. Ценность личной собственности была

выше, чем общественной. Ценность планового хозяйства была сведена к материальному поощрению за выполнение и перевыполнение плана. Ценность богатства связывалась с высоким социальным статусом и личной собственностью. Ценность КПСС как руководящей и направляющей силы трансформировалась в ценность более высокого личного статуса члена КПСС для получения, в конечном итоге, материальных благ.

В повседневном уровне хозяйственной культуры России 1960-1980-х обнаруживаются названные М.С. Каганом движущие развитие культуры силы: 1) способность человека самостоятельно определять цели и выбирать средства своей деятельности, свобода непрерывного изменения своей поведенческой программы ради приспособления к меняющимся условиям среды, связанным, в свою очередь, с *эволюцией материальной культуры*. 2) Духовная деятельность упорно сопротивляется творчеству в материальной практике, пытаясь остановить его, задержать, заморозить. И если все же консервативные силы должны были отступить, то происходило это в основном под воздействием изменений в материальной культуре, неумолимо менявшей образ жизни [86, с. 321-323]. Иными словами, советское общество потребления в повседневной жизни стихийно адаптировалось, вырабатывало технологии, корректировало специализированную хозяйственную культуру. Официальная духовная культура сопротивлялась, но не могла остановить появления новых повседневных технологий, ибо это были технологии жизнеобеспечения.

В ценностях специализированная (официальная) и повседневная культура частично или формально совпадали, но пути достижения были разные. Путь к высокому материальному благосостоянию и всестороннему развитию личности, предлагаемый официальной культурой, сначала был ясен и определен в 20 лет. Эта ясность и определенность вдохновляла большую часть общества. Но уже через 6 лет ясность и определенность исчезли (их «отменили» сверху), а обыкновенному человеку общества потребления нужен очевидный и более-менее быстрый результат труда, непосредственная связь

вложенного труда с благосостоянием. Если специализированная культура предлагала путь роста благосостояния от общего к частному, то на повседневном уровне более понятен и надежен путь от частного благосостояния – к общему. Технологии повседневной хозяйственной культуры, нацеленные, прежде всего, на личное жизнеобеспечение, дополняли специализированную хозяйственную культуру и восполняли ее издержки.

Внутри повседневной хозяйственной культуры почти не выявляются структурные противоречия. В то же время очевидно, что повседневная хозяйственная культура вступала в противоречие со специализированной хозяйственной культурой во всех элементах структуры. Так, с позиций специализированной культуры (политэкономии социализма) личная собственность – жилье, автомобиль не должны использоваться для извлечения доходов с целью обогащения. Но власть не делала серьезных шагов для ликвидации этих развивающихся явлений. Признать, что они развиваются, было невозможно: это не соответствовало идеалу и ценностям. Поэтому повседневные практики не институционализировались. Сопоставление развития советской хозяйственной культуры 1960-1980-х на специализированном и повседневном уровнях показывает, что она находилась в состоянии раскола.

ГЛАВА 3. СОВЕТСКАЯ МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА 1960–1980-х И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

3.1. Культурные особенности советской массовой литературы

Согласно конкретно-историческому подходу к изучению культуры, в обществах с различным уровнем социокультурного развития универсальные формы культуры предстают по-разному. Универсальный феномен массовой литературы в советской культуре приобрел уникальные особенности.

В советской массовой литературе обнаруживаются общие для всей советской культуры черты. Но прежде чем их перечислить, следует заметить, что в современном социокультурном знании подавляющее большинство характеристик, оценок советской культуры в целом негативно и отрицательно: идейная нетерпимость официальной идеологии, использование искусства, в том числе, литературы как инструмента политики, понимание свободы творчества лишь как проявления профессионализма [110, с. 322, 342, 343]. Общими принципами советского политического канона считают целостность, иерархию и целенаправленность [82, с. 218, 219]. На этом основании в качестве идейно-художественных принципов социалистического искусства называют партийность, нигилизм по отношению к предсоциалистическому искусству, идею превосходства, исключительности и непревзойденности социалистического искусства, монументализм, мифологизм, оптимизм, «новый гуманизм», «борьбизм», художественное переконструирование жизни, прагматизм, массовость, тематическую ограниченность [113, с. 292]. Наряду с этим в российском социокультурном знании развивается стремление показать, что в советском прошлом наряду с «экономикой дефицита», авторитарной политикой и идеологией одновременно существовали определенные гуманистические интенции. Прослеживается целый ряд общих черт советской культуры и европейского Ренессанса, в том числе, *целостность и особый тип*

гармонии, стремление к обновлению, ориентация на будущее, ориентация на идею всестороннего развития личности. Общие черты ренессансного и советского субъекта творчества: большое свободомыслие и мечта о справедливом устройении общественно-государственной жизни, высокая активность, стремление к практической деятельности и др. [19]. Центральной категорией советской культуры становится *«советский дух»*, категорией, которая выстроила все основные понятия в единую систему и задала им центростремительную направленность. «Советский дух» возник из общности трагической борьбы против мира отчуждения и радости совместных попыток его преодоления. Принципиальная особенность советской художественной культуры видится в том, что она *явила в идеальной форме вызов миру отчуждения*, была нацелена на *снятие* отчуждения. Советское искусство во всем его разнообразии отобразило генезис «советского духа», его расцвет и упадок [20].

Советское массовое искусство выполняло общие функции массовой культуры, было механизмом социализации и ценностной ориентации. Советское искусство было нацелено на формирование и социалистических, и общечеловеческих ценностей: «Искусство – мощный фактор формирования человеческой личности, мощное средство борьбы за коммунистического человека. Искусство должно воспитывать в советских людях черты человека будущего – любовь к труду, честность, принципиальность, скромность и высокое человеческое достоинство. Искусство должно учить человека жить по-коммунистически: уважать товарища, уметь отличить мещанина, замаскированного под коммуниста, ненавидеть угодничество и лесть. <...> Борьба за человека-творца, против живущего еще среди нас подхалима и тунеядца. Борьба за наши высокие идеалы, против живущего среди нас мещанина. Борьба за разносторонне-глубокого человека, в совершенстве овладевшего своей профессией, против полужайки и верхогляда. Борьба за Человека с большой буквы – самая высокая задача советского художника <...>»

[259, с. 1]. Роль искусства в формировании мировоззрения современников и особенно молодежи подчеркивали сами писатели [36, с. 37]. Читатели также высказывали убеждение, что литература и искусство играют не последнюю роль в формировании общественного мнения, в том числе, по вопросам совершенствования механизма планирования и управления [25, с. 12].

Советская специфика проявилась в жанрах. Жанрово-тематический репертуар массовой литературы, сформировавшийся в СССР, включал в себя явно не характерные для США и Западной Европы производственный и историко-революционный романы [154, с. 518]. Другой специфической особенностью стала канонизация: такой жанр советской беллетристики как историко-революционный роман («Как закалялась сталь», «Разгром» и «Молодая гвардия») возводился в ранг классики волевыми решениями власти, становился «канонизированной беллетристикой» [241, с. 170]. Канонизированные произведения были отмечены государственными премиями, входили в школьную программу и пропагандировались системой образования, просвещения. Это романы Н. Островского, А. Фадеева, М. Шолохова, А. Толстого. Место, близкое к канонизированным произведениям, занимали отмеченные государственными премиями романы С. Бабаевского, М. Алексева, Вс. Кочетова, Вс. Иванова, Г. Маркова, П. Проскурина. Они не входили в школьную программу, но были в списках литературы, рекомендованной для внеклассного чтения и лидерами читательского спроса в 1960-70-е гг. Ценностно-ориентирующие особенности советской массовой литературы отметил С. Шведов: «У нас и массовая литература особая. Она не учит даже поверхностному благородству. Она учит, что поверженный враг должен быть уничтожен, что высшая добродетель – лояльность по отношению к группе, что коллектив всегда прав» [263, с. 407].

В системе советской культуры массовая культура, в том числе, искусство, прошли общий процесс утверждения социокультурного монизма в конце 1920-х и перехода к полистильности в период «оттепели». Со второй половины

1950-х советское искусство перестает быть монолитным целым. Из ценностного восприятия жизни и искусства 1950-1960-х гг. медленно, но верно уходят черно-белые тона, однозначные оценки, жестко-нормативные интерпретации событий и характеров, поступков и переживаний. В 1950-е было реабилитировано само понятие «стиль» и возможность применять к нему множественное число. Именно в это время впервые заговорили не только о «жанровом», но и о «стилевом многообразии» советской литературы и искусства [110, с. 355, 395, 398]. Вопрос о «стилевом многообразии социалистического реализма», который допускает не только жизнеподобные, но и условные формы изображения жизни, впервые в теоретическом плане был поставлен на Втором Всесоюзном съезде советских писателей (1954).

Переход к полистильности культуры проявился и в том, что в советском искусстве 1960-1980-х выделилось несколько направлений по идеолого-политическому критерию: 1) консервативное, поддерживаемое властью; 2) либерально-демократическое, строящееся на официально провозглашаемых, но ранее не реализованных принципах гуманизма, братства, равенства, справедливости; 3) оппозиционное, от художественной до политической оппозиции. Причем, художественно значимые произведения создавались во всех трех направлениях.

Сформировались и несколько типов художников: 1) художник, искренне идентифицирующий себя с системой, принимающий идеологию; 2) художник, для которого верность идеалам и ценностям системы соединялась с критикой «искажений» этих идеалов на практике; 3) художник с раздвоенным сознанием, который выражал в творчестве идеологические принципы, а в приватной жизни либо в этих принципах сомневался, либо отвергал их; 4) художник, ортодоксальный в своих публичных выступлениях и заявлениях, в своем творчестве, насколько это было возможно в условиях цензуры, правдиво отражал реальные проблемы человека и общества; 5) художник-нонконформист и в жизни, и в творчестве [112, с. 34-35].

В искусстве стали менее публичными запреты и цензура, постановления, разбирательства, указания. Практика госзаказов на произведения искусства временно ушла в тень. Цензура также ушла в тень. С цензорами общались только ответственные секретари и главные редакторы [113, с. 73, 180, 232].

В годы «оттепели» шел процесс, который одними исследователями называется эволюцией метода социалистического реализма, другими – «выламыванием» из соцреалистической парадигмы. По характеристике Л. Аннинского, в годы «оттепели» литература от эпопей отпрянула к «фактам», к логике «конкретной проблемы». К повести, рассказу, этюду. К «фрагментарии». К эссеистике интеллектуальной, к эссеистике лирической, к эссеистике как принципу» [8, с. 409, 410]. По мнению В. Конева, соцреалистический реализм с начала 1930-х гг. до конца 1970-х гг. прошел путь от догматической интерпретации до понимания его как «открытой системы», а «первоначальный акцент на слове «социалистический» постепенно сменялся акцентом на слове «реализм» [112, с. 34]. В литературе появилась возможность отойти от технологии многослойного подтекста, которая использовалась великими мастерами в условиях тоталитаризма [110, с. 386]. Заметные сдвиги происходили в системе литературных жанров соцреализма. Если в 1940-1950-е гг. советская литература была занята созданием такой реальности, где «прекрасное слито с повседневным», «жизнь романтична», «будни героичны, а героизм повседневен», и наиболее отчетливо этот процесс наблюдается в производственном или производственно-семейно-бытовом романе, таком как «Журбины» Вс. Кочетова [56, с. 341-343], то в годы оттепели советское искусство сделало акцент на «правде жизни». В критических статьях того времени отмечалось: если в годы культа личности приукрашивание реальной жизни в искусстве было нормой, то теперь советские художники изживают то, что внесено в искусство культом личности, то есть делают правду жизни нравственным своим ориентиром [27]. В производственных романах первых лет «оттепели» (Д. Гранин «Искатели», В. Дудинцев «Не хлебом единым»,

Г. Николаева «Битва в пути», В. Каверин «Поиски и надежды», Д. Гранин «Иду на грозу») авторы пытались сохранить соцреалистические художественные шаблоны, догмы о классе-гегемоне, о труде как «деле чести, славы, доблести и геройства», о производстве как центре всей духовной жизни общества, и нравственный идеал оставался вполне соцреалистическим – эпосная гармония между человеком и обществом. Но в этих романах начинаются сдвиги, «выламывание из соцреалистической парадигмы»: конфликт, ранее связанный с преодолением сопротивления внешних сил, «вредителей», сдвигается внутрь производственного коллектива, между творцами и формалистами, производственным коллизиям отводится роль первотолчка для конфликтов нравственных и психологических, а социальная реальность в основе своей противоречит нравственному идеалу [127, Гл. 2].

Под влиянием культуры «оттепели» интенсивно развивалась советская фантастика. В. Е. Хализев относит ее к беллетристике: с установкой на развлекательность, тяготеющую к формульности, авантюристности, но с неизменной авторской индивидуальностью. В первую очередь, это романы и повести А. и Б. Стругацких, И. Ефремова [241, с. 170]. В духе «оттепели» А. и Б. Стругацкие в своих ранних книгах «Извне» (1958), «Страна багровых туч» (1959), «Путь на Алматею» (1960), «Стажеры» (1962), «Далекая радуга» (1963) нарисовали картину «коммунизма с человеческим лицом», свободного общества свободных и гуманных людей, нашли художественные идеи и формы, наиболее адекватные миропониманию научно-технической интеллигенции оттепельного поколения. Стругацкие, как молодая советская научная элита, верили, что именно они станут архитекторами обновленной социалистической утопии [127]. Одна из лучших русских утопий «Туманность Андромеды» И. Ефремова создавалась под влиянием писательского кредо – «либо будет всепланетное коммунистическое общество, либо не будет никакого, а будет песок и пыль на мертвой планете» [286].

В годы «оттепели» появилась молодежная «исповедальная проза» – произведения А. Гладилина, А. Кузнецова, В. Аксенова, М. Анчарова и др. Молодые авторы журнала «Юность» в конце 1950-х – начале 1960-х «привели в литературу молодого рефлектирующего героя». Их молодой современник предстал человеком, потерявшим цель в жизни, усомнившимся в затверженных с детства истинах, находящимся в остром конфликте с окружающей действительностью. По мнению Лейдермана, «исповедальная проза» была концептуально ограничена, поскольку сами творцы этой прозы «несли на себе печать менталитета того общества, в котором родились и воспитаны. Их сознание еще крепко спеленуто старыми свивальниками советской идеологии (хоть и с некоторыми послаблениями в сторону социалистического гуманизма) и соцреалистических шаблонов (хоть и с «человеческим лицом»). Если в «Коллегах» Аксенова авторская позиция более устойчива и категорична, то в «Звездном билете» она неопределенна и осторожна. В исторической перспективе движение от определенности авторской позиции к «неопределенности» было закономерным и по-своему плодотворным. Но оно же свидетельствовало о том, что открывающиеся противоречия в отношениях между входящим в жизнь поколением и реальной действительностью не поддаются разрешению в пределах соцреалистических схем, на которые продолжала ориентироваться «исповедальная проза» [127, Т. 1, с. 160, 161].

В 1960-е в советской литературе развивалась реалистическая (натуралистическая) проза, которая все шире захватывала мир повседневной жизни человека. В этом направлении высоких творческих успехов достигли И. Грекова, В. Семин, И. Велембовская и др. Авторы натуралистического письма исследовали повседневные обстоятельства формирования личности. Содержанием обстоятельств стали не только жизнь трудового коллектива, политические перемены и новые государственные акции, но также быт, повседневная жизнь (как домашнее хозяйство и межличностные отношения, не связанные с общественным производством). В развитии натуралистической

прозы усматривается процесс перехода критического пафоса «оттепели» из плоскости крупных социальных событий в план всеобщего существования, открытие абсурда в типических обстоятельствах повседневности [127, Т. 1, с. 334-336]. Существует точка зрения, убедительно аргументированная И. В. Кондаковым и Л. Брусиловской, что культура повседневности (послевоенная) была истинным и единственным источником демократических перемен в СССР, называемых «оттепелью». Именно культура повседневности, важнейший компонент реальности, активно и органично противостояла сталинскому культурному проекту и положила конец монолитному Большому стилю сталинской эпохи. Мир повседневности принципиально противился строгой кодификации и нормированию. В свою очередь, порожденная повседневностью «оттепель» и «шестидесятничество» наполнили гуманистическим смыслом частную жизнь, вернули советского человека из политико-идеологических сфер официальной культуры на «землю» естественных интересов и потребностей, на простые общечеловеческие ценности, будничные и вместе с тем естественные [111].

В годы «оттепели» начал активно развиваться советский детектив. Впрочем, существует точка зрения, согласно которой советского детектива, строго говоря, не было вовсе. Эта точка зрения аргументируется тем, что в советской действительности не существовало института частного сыска и не было идеи поиска истины как частной инициативы, а без этого нет подлинного детектива [204, с. 223]. Большинство современных авторов, изучающих советскую массовую литературу, придерживаются другой точки зрения: советский детектив как жанр существовал и развивался с 1930-х гг. В то время его создавали П. Нилин, Л. Овалов, А. Безуглов, Л. Шейнин. Писатель А. Адамов, один из самых читаемых авторов второй половины 1950-х – начала 1980-х гг. выделил особенности советского детектива, отличающие его от классического и прогрессивного западного детектива, отчасти и от детектива других социалистических стран. Главное – особый утверждающий

оптимистичный пафос, точнее, органическое единство пафоса утверждающего с пафосом обличения. Другой важной особенностью является выбор конфликта: главным в детективе оказывается не центральная интрига, а стоящие за ней конфликты социального и нравственного характера. Кроме того, советский детектив отличается пристальным вниманием авторов к отрицательному герою, точнее, к его судьбе, к причинам, приведшим человека к преступлению. Наконец, советский детектив от зарубежного детектива отличается коллективным расследованием: следствие ведет не одиночка, а коллектив профессионалов [3, с. 187-189]. Иными словами, советский детектив обладал уникальными особенностями, культурной спецификой.

Что касается художественных достоинств, то, по мнению М. Черняк, советский детектив 1930-х гг. был абсолютно лишен их. Но для массового читателя художественные достоинства детектива не имели большого значения: «Записки следователя» Л. Шейнина (1938) пользовались исключительным читательским спросом, с 1962 по 1988 г. они издавались четырнадцать раз, общий тираж составил более 3 млн. экземпляров.

Новая волна в развитии жанра детектива поднялась во второй половине 1950-х, с публикации повести А. Адамова «Дело пестрых». Со второй половины 1950-х до начала 1980-х самые пишущие и самые читаемые авторы: А. Адамов, Ю. Семенов, Н. Леонов, братья Вайнеры, О. и А. Лавровы, Ст. Родионов, В. Смирнов, П. Шестаков и др. На рубеже 1970-80-х гг. в СССР выходило 20-25 детективов в год – отдельных книг и журнальных публикаций. По мнению А. Адамова, к началу 1980-х уже не было потока халтуры, то есть вызывающе бездарных книг, о которых в первой половине 1960-х писала советская критика. Хотя попадались книги просто слабые, как в любом другом жанре. А. Адамов выделил четыре тематических направления советского детектива: 1) исторический детектив (А. Безуглов, Ю. Кларов, Е. Рысс, Ю. Авдеенко и др.); 2) политический детектив (Р. Ким, Г. Глазов, А. Азаров и В. Кудрявцев, Ю. Семенов); 3) военный детектив (Н. Томан, В. Богомоллов и

др.); 4) уголовный детектив с темой преступления и наказания, включающий в себя важнейшие социальные, моральные и психологические проблемы [3, с. 218, 219]. Это детективы Н. Леонова, Вайнеров, Ольги и Александра Лавровых, Ст. Родионова, П. Шестакова, отдельные повести Ю. Семенова.

Авторы, признающие советский детектив как жанр, высказывают две точки зрения: одни утверждают, что детектив был художественно правдив, другие настаивают на особой идеологизированности детектива, что должно исключать правдивость. М. Шагинян: «Если детектив не реален, не соответствует действительности, он проваливается, его читать неинтересно» [260, с. 407]. Е.Г. Соколов и М.А. Черняк считают, что советский детектив на протяжении десятилетий оставался наиболее идеологизированным жанром, в нем особенно отчетливо запечатлелись идиомы тоталитарной эпохи [246, с. 157]. Во-первых, утверждение о детективе как «самом» идеологизированном жанре представляется спорным. Во-вторых, в детективах 1960-1980-х большая или меньшая идеологизированность не была препятствием для художественной правдивости относительно деталей повседневной жизни.

В советском детективе, также как в «исповедальной прозе» особенно заметна динамика положительного героя: он все меньше соответствует той язвительной характеристике положительного героя соцреализма, которую дал в 1957 году Абрам Терц: прямолинейны до глупости, не смеют казаться отрицательными даже для пользы общего дела, постоянно беседуют на возвышенные темы и «твердят о коммунизме на работе и дома, в гостях и на прогулке, на смертном одре и на ложе любви» [2, с. 441]. Со времени «оттепели» положительные герои уже не прямолинейны до глупости, для пользы общего дела могут казаться отрицательными, на возвышенные темы не беседуют и не «твердят о коммунизме на работе и дома, в гостях и на прогулке, на смертном одре и на ложе любви». Со второй половины 1960-х, они вообще не говорят о коммунизме.

А. В. Костина советское массовое искусство 1960-1980-х рассматривает в аспекте развития в нем универсальных признаков массовой культуры. В 1960-е, когда происходил поворот от советского тоталитарного общества к потребительскому, одновременно происходил поворот от идеологической советской массовой культуры к потребительской западного образца. В это время в массовом искусстве становятся популярны жанры мелодрамы, детектива, исторического фильма. Многосерийные эпопеи о революции, Гражданской и Великой Отечественной войне включают элементы мелодрамы, триллера и бытовой комедии; книги и фильмы для детей – элементы детектива и боевика. Эти книги и фильмы пронизаны революционно-романтическим пафосом и выстроены по законам массового искусства. В 1970-80-е гг. происходит настоящий бум советского массового искусства. Важным фактором этого процесса оказывается все большее проникновение западного массового искусства в ранее закрытое советское пространство и активное его влияние на советскую идеологию и эстетику. В советском кинематографе делается ставка на жанровое кино – боевики и мелодраму, в музыке все больше легализуется рок и официально разрешен мюзикл. В фильмах типа «Пираты XX века» и «Экипаж» традиционные образы Воина и Рабочего заменяются Суперменом. Миф об обществе равных возможностей, где распределение благ осуществляется в соответствии с личными затратами труда, находит отражение в фильмах «Москва слезам не верит» и «Карнавал» [114, с. 188].

При этом в советской художественной культуре, в массовом искусстве, в массовой литературе, также как в политической и хозяйственной сферах культуры, проявился «застой». «Застою» предшествовали неприятные симптомы в развитии «оттепели», которые появились в последние годы руководства Н.С. Хрущева: скандальная реакция Хрущева на выставку художников-нонконформистов в Манеже (декабрь 1962 г.) и всесоюзная кампания борьбы с абстракционизмом в изобразительном искусстве. Официальное осуждение творчества молодых поэтов (А. Вознесенского,

Е. Евтушенко и др.) и художников (Э. Неизвестный и др.) как идейно незрелого, формалистического. Июньский Пленум ЦК КПСС (1963), посвященный вопросам идеологии, выдержанный в стилистике жесткой конфронтации с Западом и охранения ключевых ценностей и принципов советской социалистической культуры. Обвинение поэта И. Бродского в тунеядстве (1963), показательный суд над ним (1964) и ссылка на исправление в глухую северную деревню. Неприсуждение в 1964 г. Ленинской премии А. Солженицыну за повесть «Один день Ивана Денисовича» (1962), ранее единодушно выдвинутую на награждение.

Неприятные симптомы переросли в «застой». Суд (1966) над А. Синявским и Ю. Даниэлем, опубликовавшими свои гротескно-сатирические повести на Западе, осуждение литераторов и лишение их свободы на длительные сроки с отбыванием наказания в лагерях строгого режима. Лишение А. Солженицына возможности публиковаться в Советском Союзе, а после присуждения ему Нобелевской премии по литературе за произведения, опубликованные за рубежом, исключение из Союза писателей. Начавшиеся при Хрущеве, а после его свержения усилившиеся гонения на любимый журнал либеральной советской интеллигенции «Новый мир», разгон редакции журнала во главе с А. Твардовским и резкое изменение творческого лица и авторского портфеля журнала. Запрещение выставки 12 «альтернативных» художников в клубе «Дружба» под руководством А. Глезера и О. Рабина (1967), затем открытая конфронтация независимых художников с властями. Громкий политический процесс над писателями А. Гинзбургом и Галансковым (1968), завершившийся жестоким приговором и окончательно подтвердивший всему миру, что в Советском Союзе есть политзаключенные деятели культуры. Громкие репрессивные процессы вокруг «Самиздата». Официальная поддержка деятелей культуры охранительной и консервативной ориентации, тяготевшие к неосталинизму и ортодоксальному коммунизму, взявшие реванш за поражение во время «оттепели» [111, с. 56, 57]. В 1970-е вновь начала активно внедряться

практика госзаказов на произведения искусства. В кино – заказы на постановку фильмов, написание сценариев, романов и пьес. В партийных инстанциях заранее определялось не только количество заказов, но и исполнители. В 1970-е годы цензура становится анонимной. Цензоры не имели права входить в прямой контакт с авторами. В некоторых случаях цензором произведений выступал КГБ [113, с. 180, 238]. С высоких трибун утверждалось, что соцреализм, основанный на марксистско-ленинской философии и эстетике, остается единым методом советской литературы. На Пятом съезде советским литераторам напоминали об ответственности и верности принципам партийности. В характеристике Л. Аннинского 1970-е годы «это эпоха привычной двойной морали, когда вслух достаточно произносить официально утвержденное, а про себя можно думать что угодно и во что угодно верить <...>, реальность спокойно существует в тени официоза» [8, с. 421].

М. Чудакова пишет о технологиях выживания профессионального литератора в семидесятые годы. Гуманитарии, которые нуждались в подработке (зарплаты никому не хватало), делились на два разряда: первые спокойно и охотно подхалтуривали, работая на советские радио-пропагандистские передачи и делая переводы. «Страшным сном для этих людей с характерной репутацией была угроза того, что писанное за деньги потребуют напечатать под их собственными именами». Вторые считали такую деятельность невозможной, любые тексты подписывали своим именем и готовы были за них отвечать. Зарабатывали рефератами для ИНИОНа, частными уроками, рецензированием журнального самотека. Придерживались правила: если нельзя написать всего, что думаешь, то ни при каких обстоятельствах не писать ничего, чего ты не думаешь. Широко использовали прием «забор»: в начале статьи ставили забор из необходимых цитат и демагогических пассажей, а потом уже писали свое [255, с. 7, 8]. Таким образом, в литературе проявлялась общая технология двоемыслия. Эти технологии применялись и тогда, когда система утратила прежнюю жестокость, и художник мог не бояться репрессий,

физического уничтожения. Раздвоение личности художника самым негативным образом сказывалось на его творчестве. Формы подавления в себе раздвоения – пьянство, алкоголизм, самоубийство. Для многих двойничество стало нормой. Что бы ни думал, что бы ни чувствовал художник, он должен был соблюдать «правила игры». Где-то он должен был выступить с одобрением, где-то – с критикой [113, с. 146-148]. Вновь стала востребованной технология многослойного подтекста и даже иносказания в художественном литературном произведении. Это можно рассматривать как литературную форму повседневного пассивного сопротивления творческого субъекта власти.

Неприятные симптомы в развитии «оттепели» сразу же сказались на развитии массовой литературы, отразились на ее тематическом и ценностном содержании. Произошел радикальный поворот в творчестве А. и Б. Стругацких. Уже в 1964 году в повести «Трудно быть богом» Стругацкие рисовали общество, уверенно движущееся в сторону тоталитарного режима. Прощание с утопией произошло в изданной в 1965 году повести «Понедельник начинается в субботу» [127, Т. 1, Гл. 2]. Подобная динамика происходила и в творчестве И. Ефремова: если в годы «оттепели» в свет вышел роман-утопия «Туманность Андромеды» (1957) о всепланетном коммунистическом обществе, то в 1968 г. вышла с купюрами антиутопия-предупреждение «Час Быка», где автор показал, как зло, запрограммированное в прошлом, во многом деформирует будущее [287]. Роман «Час быка» в отзыве КГБ в 1970 г. был расценен как завуалированная клевета на советскую действительность. С этой запиской КГБ были ознакомлены все секретари ЦК КПСС. Главного редактора журнала «Молодая гвардия», где был опубликован роман, освободили от должности, а Ефремову в отделе культуры ЦК дали необходимые разъяснения. Издание 6-томника Ефремова отложили. В 1975-76 гг. в 3-томное издание собрание сочинений И. Ефремова «Час быка» не включили [113, с. 242]. В 1970-е происходила трансформация «исповедальной прозы» в жанр «школьной повести» А. Алексина, В. Крапивина, А. Лиханова, В. Железнякова и др.

Как видно, период «застоя» вовсе не означает отсутствие творческих достижений в советском массовом искусстве. Используя возможности посттоталитарного этапа, советское искусство преодолевает ограниченность тематики и ее ортодоксальную интерпретацию. Обращается к новым темам: границы революционного насилия, сталинизм, репрессии и реабилитация, борьба за мир, антиномии между официальными мифами и реальностью, поиски смысла жизни в ситуации кризиса традиционных идеалов, трагедия коллективизации, соотношение классового и общечеловеческого, православие, НТР, урбанизация, соотношение индивидуального и коллективного и т.д. Главным в содержании искусства 1960-80-х становится поворот от преимущественного интереса к жизни коллектива к жизни отдельной личности [112]. Тема соотношения классового и общечеловеческого находит очень удачное воплощение в художественном кинематографе: «Сорок первый» Г. Чухрая по рассказу Б. Лавренева (1957), «Белое солнце пустыни» В. Мотыля (1969) и «Адъютант его превосходительства» Е. Ташкова (1970). Две последние постановки – наиболее талантливые реабилитации белого офицерства, «гимн португелям», отмеченные государственными премиями [173, серия 10].

Но при этом нельзя забывать, что верная своему призванию литература рано или поздно вступала в неразрешимый конфликт с властью. Власть расправлялась с неудобной ей художественной культурой, либо уничтожая неудобных художников, либо превращая сочиняемую ими литературу в придаток политики, то есть лишенную признаков искусства. Поэтому существовала культура официальная и оппозиционная. При всех неизбежных компромиссах между ними в принципе не могло быть единства, они взаимоисключали друг друга. Они говорили и писали на разных языках, мыслили в разных системах [110, с. 438, 439]. Это раскол советской художественной культуры.

В 1970-х продолжалось развитие реалистической прозы. Самое заметное явление – «городская» проза Ю. Трифонова. Его главная тема – быт, «человек в

потоке времени». Сам Ю. Трифонов объяснял: «Взаимоотношения людей – тоже быт. Мы находимся в запутанной и сложной структуре быта, на скрещении множества связей, взглядов, дружб, знакомств, неприязней, психологий, идеологий. Каждый человек, живущий в большом городе, испытывает на себе ежедневно, ежечасно неотступные магнитные токи этой структуры, иногда разрывающей его на части. Нужно постоянно делать выбор, на что-то решаться» [270, с. 5]. В 1989 году Ю. Трифонов, ретроспективно оценивая развитие советской реалистической прозы 1950-1960-х годов, ее доминирующей тенденцией назвал злободневную социальность [235]. Как заметил Л. Парфенов, Трифонов зафиксировал все оттенки серого: безликих персонажей из безликих НИИ и КБ. Трифоновская проза показала, что в начале 1970-х интеллигентность – ремесло, творчество – средство заработка, а повседневная жизнь города регулируется рынком, обменом [173, серия 10].

В 1960-1970-е годы в советской культуре была велика общественная роль театра. Театр как вид искусства и современная драматургия были востребованы массовым зрителем. Благодаря развитию СМИ, к театру могли приобщаться не только столичные жители и жители крупных городов, но и самых отдаленных уголков страны (трансляция по Центральному ТВ спектаклей ведущих столичных театров, телеспектакли, радиоспектакли). Наиболее заметные явления драматургии и театра становились объектами широкого обсуждения зрителей и читателей. В пьесах В. Розова, А. Арбузова, А. Володина, С. Алешина, Э. Радзинского, М. Рощина, Л. Зорина «на сцену выплеснулась повседневная жизнь людей, их житейские хлопоты. И в этой повседневной жизни обнаружилась своя тонкая, деликатная поэзия, а в житейских хлопотах – острый драматизм. Эта жизнь была легко узнаваема – воссоздавался быт обыкновенной советской семьи, коммуналки или фабричной «общаги», звучал живой человеческий говор. Словом, складывалась такая эмоциональная атмосфера, в которой царил дух фамильярности, если угодно – домашности» [127, Т. 1, с. 140].

Психологическая драма энергично отозвалась на общественную потребность времени в нравственном совершенствовании человека [41, с. 712, 713]. Советская драматургия (А. Арбузов, А. Володин, А. Вампилов, М. Рошин, А. Галин, Л. Петрушевская, В. Славкин и др.) в 1960-1980-е годы провела исследование российской ментальности, переживаемой и реализуемой в поступках, в контексте национальной истории и художественной традиции показала понимание места человека в современном мире. Так, в пьесах Вампилова, Галина, Петрушевской и др. авторов нередко одинаково трагикомично выглядят и герои, отказавшиеся от самоопределения, и герои, активно сопротивляющиеся пошлости повседневной жизни. Хотя автор не теряет надежды на выход из абсурдной ситуации, часто самое большее, что он может сделать, - вывести их на путь самопознания. Названная драматургия – в основном жанр комедии. Согласно литературной традиции, объектом комедии является повседневная жизнь простых людей. Ее герои – рядовые участники исторического процесса. Эстетической доминантой советской драматургии 1960-1980-х гг. стала комедия нравов, в преобразованном виде, но с традиционной укорененностью в быту и выявленной социальностью. Эта обновленная комедия нравов помогла выразить изменившийся взгляд на мир, сделала вновь главным объектом исследования повседневную жизнь и организовала диалог с потенциальным читателем/зрителем. «Открытие» повседневности в советской драматургии связано в первую очередь с творчеством А. Володина и А. Вампилова. Оба драматурга искали источник жизнотворчества в обыкновенных, внешне не примечательных людях. А. Володин рассматривал повседневность как альтернативное культурное состояние, не отменившее противоречий между человеком и обществом, как «столкновение двух типов поведения: индивидуального и корпоративного. По замечанию А. Володина, повседневность то и дело заслоняет трагизм и дерзкое величие жизни [89, с. 319, 320].

В драматургии 1970-х (Г. Бокарев, А. Гельман, И. Дворецкий, В. Черных) ярко проявилась производственная повседневность, или «деловая тема». Для такой драмы был предложен термин – социологическая, которая, по мнению советских критиков, была «сильна особой чуткостью к конкретным запросам времени, даже злободневностью, умением извлекать нравственный корень из экономических проблем в их конкретной временной оболочке, не отрываясь от этой конкретности» [41, с. 717]. Актуальные проблемы повседневности нашли отражение и в новых пьесах В. Розова, М. Рощина, С. Михалкова, А. Вампилова. В 1986 году, на VIII съезде советских писателей говорилось, что драматургия и театр «пробивались к тому уровню правды, который нужен народу, а значит – к полной правде» [45, с. 6].

Выводы: 1) в развитии советской массовой литературы 1960-1980-х гг. наблюдаются общие для всей советской культуры процессы.

2) В советской массовой литературе 1960-1980-х развивались универсальные жанры – детектив, научно-фантастический роман, реалистическая проза и др., обладавшие ярко выраженной советской культурной спецификой.

3) Продолжалось развитие уникальных или специфических советских массовых жанров – производственного и историко-революционного романа («народной эпопеи»).

4) Тема быта, повседневности становится одной из актуальных, освещаемых в советской массовой литературе. В этом феномене видится отражение общего для духовной и художественной культуры процесса смещения акцентов в понимании культуры, общего возрастания интереса к повседневности.

5) Советская массовая литература показывает, насколько тесно связаны между собой три подсистемы культуры – материальная, духовная и художественная. Массовая литература связана с идеалом и со всеми официальными ценностями советской культуры – с идеологией, образованием,

трудом, человеком труда, общественной собственностью на средства производства, коллективизмом, духовными ценностями, патриотизмом, дисциплиной и др. Идеалом и ценностями она формировалась, их в образно-художественной форме развивала и транслировала. На уровне ценностей советская массовая литература тесно связана и с хозяйственной культурой. Во-первых, в литературе проявляется советская специфика ценностей хозяйственной культуры: труд писателя должен быть общественно-полезным, материально стимулируется государственными премиями высококачественный (с точки зрения власти) труд, поощряется профессионализм (даже формальный, на основании диплома), поощряется коллективизм (членство в Союзе Писателей), развитие литературы и писательского труда направляет КПСС. Во-вторых, массовая литература развивает и транслирует ценности официальной хозяйственной культуры, формирует ценностные ориентации личности на собственность общественную, труд общественно-полезный, богатство народное и т.п. В-третьих, подобно тому, как параллельно официальной хозяйственной культуре сложился «теневой» сектор, в литературе параллельно официальной существовала литература оппозиционная. Власть очерчивала границы творческой свободы (также как границы предприимчивости в хозяйственной культуре), а в литературе практиковались по сути общие с хозяйственной культурой технологии повседневного пассивного сопротивления власти.

3.2. Критерии и практика отбора текстов для изучения повседневной хозяйственной культуры

Здесь рассматриваются советские массовые издания и их тиражи, формы приобщения читателей к массовой литературе; определяются критерии отбора текстов для изучения советской повседневной хозяйственной культуры; дается общий обзор публикаций массовой литературы в период 1960-1980-х; анализируются читательские интересы и отбираются конкретные тексты.

Произведения советской массовой литературы публиковались в литературно-художественных журналах, выходящих тиражами в сотни тысяч и миллионы экземпляров. Центральные: «Аврора», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник», «Нева», «Новый мир», «Октябрь», «Юность». Наиболее крупные региональные журналы: «Ангара», «Волга», «Дон», «Север», «Сибирские огни». Массовая литература публиковалась также в «Роман-газете» и общественно-политических журналах «Огонек» и «Смена», в журнальных приложениях «Подвиг», «Военные приключения», «Библиотека советской фантастики». После публикации в журналах часть произведений массовой литературы печаталась отдельным изданием в центральных и региональных издательствах. Значительная часть произведений массовой литературы экранизировалась, автор произведения нередко выступал как автор сценария. Тиражи центральных журналов, за редким исключением, из года в год росли :

- «Дружба народов» в 1974 году – 200 000, в 1982 – 240 000;
- «Звезда» в 1975 – 113 000, в 1981 – 116 000, в 1986 – 120 000;
- «Знамя» в 1967 – 143 150, в 1975 – 170 000, в 1985 – 175 000;
- «Молодая гвардия» в 1970 – 250 000, в 1975 – 590 000, в 1983 – 790 000;
- «Москва» в 1964 – 160 000, в 1975 – 275 000, в 1985 – 500 000;
- «Наш современник» в 1972 – 100 000, в 1982 – 335 000, в 1984 – 230 000;
- «Нева» в 1963 – 200 000, в 1980 – 317 000, в 1981 – 333 000;
- «Новый мир» в 1967 – 128 700, в 1975 – 172 000, в 1985 – 422 000;
- «Октябрь» в 1968 – 130 250, в 1979 – 219 000, в 1985 – 175 000;
- «Юность» в 1966 – 2 000 000, в 1982 – 3 150 000.

Советский читатель мог познакомиться с произведениями массовой литературы, используя разные формы: 1) пользование общедоступными фондами городских, сельских, районных и ведомственных (школьных, заводских, вузовских и др.) библиотек. 2) Подписка на литературно-художественные журналы через «Союзпечать». Но подписка на многие

«толстые» журналы дефицитом. 3) Приобретение книг в магазинах для своей домашней библиотеки. Как отмечают советские авторы, личные библиотеки получили в СССР со второй половины 1960-х гг. широкое распространение. Только в 1971 году населению было продано книг на 660 млн. рублей, а с 1969 по 1974 год советские люди приобрели в магазинах 6 млрд. книг и брошюр. Социологи чтения установили, что домашние библиотеки состояли главным образом из произведений художественной литературы [78, с. 86]. Как указывает А.И. Рейтблат, в 1970-х – начале 1980-х гг. приблизительно 80-90% жителей городов и 70% жителей сел имели книги в личном владении. В крупных городах у рабочих в среднем имелось до 120 книг [198, с. 6].

Исследования чтения как вида досуга и читательских интересов советских людей, с применением стратификационных критериев, показывали: в советском обществе имело место неравенство в потреблении продуктов духовной культуры. Неравномерное потребление духовной культуры фиксировалось ИОМ «КП» в 1963 году [47, с. 431, 433]:

	Рабочие	ИТР	Интеллигенция (не занятая на производстве)	Служащие
Чтение журналов	68,8 %	91,9 %	82,7 %	86,6 %
Чтение книг	76,7 %	88,0 %	75,0 %	78,1 %

Неравномерное потребление духовной культуры фиксировалось социологами УНЦ РАН СССР и в 1976 году, в ходе изучения читательских интересов семьи в небольших городах Урала. Выводы исследователей: количественная и качественная характеристики домашних библиотек связаны с социальной структурой семьи: в домашней библиотеке рабочей семьи насчитывалось в среднем 44 книги. В семьях смешанных (рабочие и служащие) количественный показатель был значительно выше. Еще выше он был в семьях

служащих. Соответствующие показатели были характерны и для подписки на литературно-художественные журналы [171, с. 73, 79].

Отбор текстов советской массовой литературы для изучения повседневности – задача сложная. С начала 1960-х в Советской России формировалось общество массового потребления и, соответственно, потребительская массовая культура. Публиковалось огромное количество литературы, из которой необходимо сделать отбор реального для изучения количества текстов. Опираясь на один из признаков массовой литературы, данный Ю.М. Лотманом – наиболее распространенная количественно часть литературы, в диссертации определены критерии массового распространения. Это – сочетание трех необходимых и достаточных признаков: 1) публикация текста в массовом журнале и отдельным изданием, 2) массовый спрос на данный текст в библиотеках, 3) экранизация этого текста. Изначально третий признак был выдвинут как гипотеза, а в ходе знакомства с советскими исследованиями читательских интересов он подтвердился: интерес к литературному произведению часто возникал после просмотра фильма – экранизации. Многие произведения массовой литературы экранизировались, многие – по сценарию самого автора.

Экранизация современной советской литературы была важной составляющей частью культурной политики. Проблема «писатель и кино» в начале 1960-х осознавалась как одна из самых актуальных, обсуждалась на заседаниях секретариата Союза писателей СССР, пленумах республиканских писательских организаций, собраниях литераторов и кинематографистов Москвы. В политике развития художественной культуры экран представлялся высокой, поистине всенародной трибуной, с которой писатель может одновременно говорить с миллионами: «В ярком, глубоком раскрытии на экране тем нашей действительности, в создании полнокровного, жизненно-правдивого образа современника первое слово принадлежит писателю. В наше кино должна прийти большая литература во всем многообразии тем, идей,

образов» [277, с. 1]. Писатель В. Панова, как автор сценариев своих успешно экранизированных произведений («Сережа», «Евдокия»), высказывала убеждение: «<...> писатель работать в кино не только должен, но и может, не пугаясь пресловутой «специфики». Мы, литераторы, должны отчетливо уяснить великую воздействующую силу и массовость, народность киноискусства» [172, с. 3].

В 1961 году, в ходе подготовки к XXII съезду КПСС, главными в работе киностудий стали темы современности. Непосредственно к съезду готовили выпуск картины «Битва в пути» (по сценарию Г. Николаевой и М. Сагаловича, режиссер В. Басов). В постановлении ЦК КПСС «О мерах по улучшению руководства развитием художественной кинематографии» (1962) кинодраматургия рассматривается как большая литература. Этим постановлением Правлению Союза писателей СССР было поручено всемерно содействовать вовлечению талантливых писателей в активную и постоянную работу для кино, считая создание высокохудожественных сценариев одной из важнейших задач советской литературы. Обсуждая проблему «Писатель, Кино, Время», известный советский автор детективов Л. Шейнин отмечал, что в начале 1960-х наблюдался возрастающий интерес писателей к работе в кино и на телевидении. На крупнейшую киностудию страны «Мосфильм» пришли в качестве авторов писатели и поэты: С. Антонов, В. Аксенов, В. Богомолов, Ю. Бондарев, Е. Евтушенко, А. Галич, В. Кочетов, Ю. Нагибин, В. Тендряков и другие. Анализ творческих заявок и сценариев писателей, пришедших в кино, показал, что эти работы в подавляющем большинстве были посвящены современной тематике [264, с. 2]. Кинорежиссер, народный артист СССР С. Герасимов в 1963 году отмечал: «Несколько лет назад было туго с повестями и новеллами. Сейчас необычайное оживление, в литературе появились новые имена, интересные работы. Кинематографистам уже трудно жаловаться на литературу» [39, с. 1]. Вопрос о связи художественной литературы и кино обсуждался и на отчетно-выборной конференции Ленинградского отделения

Союза работников кинематографии СССР. Было отмечено, что при создании картин высокого гражданского звучания на важнейшие темы современности неизменными соавторами кинематографистов являются писатели: «Только тесная дружба литераторов и творческих работников кино <...> позволит решить сценарную проблему. В советских фильмах последних лет, завоевавших экраны мира и первые призы фестивалей, на титрах значатся рядом с именами режиссеров «известные литературные имена» [226, с. 1-2]. Таким образом, налаживание взаимодействия литературы и кино рассматривалось как важная политико-воспитательная задача КПСС и советского искусства. Во многих случаях после просмотра фильма-экранизации возникал интерес массового читателя к литературному произведению.

Наконец, чтобы отобрать тексты для изучения советской повседневной хозяйственной культуры 1960-х – начала 1980-х гг., необходимо, чтобы конкретные тексты отражали эту сферу культуры.

Для удобства рассмотрения произведения советской массовой литературы разделены на две части: 1) опубликованные во второй половине 1950-х – середине 1960-х, во время «оттепели»; 2) опубликованные со второй половины 1960-х – до начала 1980-х, в тот период, который называют временем «застоя». Соответственно каждой части рассматриваются и литературные предпочтения массового читателя.

Во второй половине 1950-х – середине 1960-х в массовых изданиях и массовыми тиражами публиковались произведения Адамова А., Айтматова Ч., Аксенова В., Алексеева М., Алексина А., Амлинского В., А. Андреева, Антонова С., Астафьева В., Велембовской И., Владимова Г., Германа Ю., Гладилина А., Гранина Д., И. Грековой, Дороша Е., Ефремова И., Иванова Ан., Казакова Ю., Карелина Л., Кетлинской В., Кожевникова В., Конецкого В., Коптяевой А., Кочетова Вс., Краковского В., Крутилина С., Кузнецова А., Кунина В., Липатова В., Маканина В., Нагибина Ю., Николаевой Г., Пановой В., Рекемчука А., Рощина М., Рыбакова А., Семенова Ю., Семина В.,

Солоухина В., Стругацких А. и Б., Тендрякова В., Трифонова Ю., Шукшина В. и др. (Приложение 1).

Немалая часть этих произведений почти сразу была экранизирована, в том числе, романы, повести и рассказы Адамова А., Аксенова В., Антонова С., Велембовской И., Владимова Г., Германа Ю., Гранина Д., Кожевникова В., Конецкого В., Кочетова В., Нагибина Ю., Николаевой Г., Рекемчука А., Рыбакова А., Шукшина В. Позже, во второй половине 1960-х, 1970-х и начале 1980-х экранизировались произведения М. Алексева, И. Ефремова, Ч. Айтматова, В. Кунина, В. Маканина, А. и Б. Стругацких (Приложение 2).

Читательские интересы этих лет выясняются по материалам советских социологических исследований. В СССР научное изучение массового чтения началось в 1963 году. Первое широкое исследование было организовано ЦК ВЛКСМ, Министерством культуры СССР, Государственной библиотекой СССР им. В.И. Ленина и ЛГИК им. Крупской. Была избрана группа читателей – городские рабочие 16-28 лет. Основным методом изучения служил анкетный опрос, дополнительным – учет спроса на абонементе массовых библиотек. Опрос проводился в 52 городах 24-х областей, краев и автономных республик РСФСР (Владимирской, Ивановской, Иркутской, Кемеровской, Мурманской, Пермской, Псковской, Свердловской и др. областях, Татарской, Удмуртской и Карельской АССР, Алтайском и Красноярском краях). Изучение проходило в крупных областных и краевых центрах, столицах автономных республик (Горьком, Новосибирске, Кирове, Курске, Саратове, Казани, Петрозаводске, Ижевске, Барнауле, Краснодаре и др.), а также в городах областного подчинения.

Анкета показала, что в чтении художественной литературы наибольшей популярностью у молодежи пользовались советские писатели, особенно М. Шолохов. Учет спроса в библиотеках подтвердил огромный интерес к советской художественной литературе: на нее было предъявлено 73% требований. Часто спрашивали книгу Г. Николаевой «Битва в пути».

У молодых рабочих всех групп, независимо от их образования, профессиональных и возрастных особенностей, признанием пользовался роман: социально-бытовой, исторический, научно-фантастический (Л. Леонов, Г. Николаева, А. Толстой, А. Беляев и др.). Внимание многих читателей привлекала повесть. Среди любимых писателей часто называли В. Аксенова, Г. Бакланова, В. Кожевникова, П. Нилина, А. Рекемчука, В. Солоухина. Немалый интерес был проявлен к рассказам Ю. Нагибина.

Авторы исследования отметили «недостаточный» интерес молодежи к драматургии. Это отчасти объясняли спецификой данного жанра и отсутствием у многих читателей навыков чтения пьес [248, с. 3, 4, 45]. При этом, как указывает Н.Л. Лейдерман, на рубеже 1950-1960-х годов наибольшей популярностью у *зрителей* пользовались пьесы В. Розова и А. Володина.

Произведения приключенческого и научно-фантастического жанров пользовались большим спросом молодых читателей. В анкетах особенно часто упоминаются имена писателей фантастов А. Беляева, И. Ефремова, А. Казанцева, Г. Мартынова. Наибольшим вниманием молодежи пользовались произведения о судьбе и трудовых делах сверстников, произведения, в которых молодежь привлекало обаяние положительного героя, правдивость жизненных ситуаций, острота постановки актуальных проблем действительности. Среди них – «Коллеги» В. Аксенова, «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек» Ю. Германа, «Иду на грозу» Д. Гранина, «Продолжение легенды» А. Кузнецова, «Молодо-зелено», «Время летних отпусков» А. Рекемчука, «Повести гор и степей» Ч. Айтматова, «Девчата». Б. Бедного, «Знакомьтесь, Балуюев» В. Кожевникова [248, с. 45-50].

В 1966 году были опубликованы результаты исследования массового чтения, проведенного в 1963-64 гг. в массовых библиотеках Белоруссии Государственной библиотекой БССР им. В.И. Ленина. Анализ чтения показал: в формулярах читателей в основном повторялись фамилии писателей: В. Кочетов, В. Кожевников, Д. Гранин, Ю. Герман, В. Кетлинская, А. Беляев,

Г. Медынский, Г. Марков, К. Паустовский, К. Симонов, А. Гладилин, В. Аксенов, Ф. Панферов, А. Адамов, М. Бубеннов. Большой процент выдачи составляла литература из «библиотечки приключений» [251, с. 1, 2].

В 1963-1966 годах научно-исследовательским отделом библиотековедения Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина было проведено централизованное изучение читательских интересов ведущих социальных и профессиональных категорий населения. Среди читателей были выделены социальные группы: «рабочие и инженеры», «жители советского села», «сельские старшеклассники», «учителя естествознания, математики, словесности», «старшеклассники города», «студенческая молодежь». Сбор материала осуществлялся по единой методике в 33 областях РСФСР и 8 союзных республик. В 1967 году результаты исследований были проанализированы и обобщены, в 1968 году опубликованы отдельным изданием [220]. Особым предметом было изучение чтения художественной литературы.

Группа «рабочие и инженеры». По анкетам, советская литература занимала основное место в чтении художественной литературы: 77% рабочих, 72% ИТР; по картотекам библиотек – 89% те и другие. Советские авторы, которые пользовались наибольшим спросом (в %, первая цифра – рабочие, вторая – ИТР): М. Шолохов (26-30%), В. Лацис (15%), М. Горький (11-16%), К. Симонов (7-14%), А. Фадеев (5-4%), А. Толстой (4-12%), Н. Островский (4-2%), К. Паустовский (1-5%). В числе лучших произведений неоднократно названы «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Брестская крепость» С. Смирнова, «Дикий мед» Л. Первомайского, трилогия «Подполковник медицинской службы», «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек» Ю. Германа, «Они сражались за Родину» Шолохова, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Иначе жить не стоит» В. Кетлинской, «Повесть о жизни» К. Паустовского. Иногда упоминались произведения других современных писателей, в том числе «Лезвие бритвы» И. Ефремова,

«Рассудите нас, люди» А. Андреева. 65% рабочих и 69% ИТР указали, что регулярно читают литературно-художественные журналы. Самым читаемым оказался журнал «Юность» (22 и 28%), за ним следовали «Нева» (21 и 24 %), «Знамя» (16 и 18%), «Москва» (11 и 13%), «Октябрь» (11 и 15%), «Молодая гвардия» (9 и 7%), «Новый мир» (9 и 14%), «Звезда» (по 8%).

Жители советского села. Были собраны и проанализированы данные по десяти селам СССР в разных экономико-географических зонах, от Северо-Запада до Юга и Дальнего Востока. Всего было опрошено 2014 человек. Из опрошенных 41% женщин и 17% мужчин совсем не читали книг. Характерной особенностью чтения на селе было то, что свои интересы к теме современности и к прошлому большинство читателей удовлетворяло с помощью художественной литературы, видя в ней прежде всего источник познания мира. Самый большой интерес во всех группах сельчан вызывало чтение книг о Великой отечественной войне. Второе место в тематике чтения занимали проблемы морально-этического характера, особенно темы любви, брака, воспитания детей. На третьем месте – историко-революционная тема [220, с. 133]. Современную советскую литературу читали активнее, чем дореволюционную отечественную и зарубежную. Популярностью у сельских читателей пользовались такие советские писатели (по степени убывания): М. Шолохов, К. Симонов, Н. Островский, А. Фадеев, М. Горький. Наиболее понравившиеся и запомнившиеся произведения: «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова, «Щит и меч» В. Кожевникова, «Живые и мертвые» К. Симонова. Из детективной литературы лишь «Дело пестрых» А. Адамова было названо несколько раз. Что касается чтения литературно-художественных журналов, то лишь единичные сельские читатели (трое из 150) обращались к ним. Кстати, как отметили исследователи, этих журналов было крайне мало в фондах сельских библиотек.

Несколько отличались читательские интересы сельских старшеклассников (9-11 классы). Художественную литературу, как показал

анкетный опрос и анализ читательских формуляров, читали 00% учащихся. В первую пятерку любимых авторов входили: М. Шолохов, Н. Островский, Д. Гранин, А. Фадеев, К. Симонов. Любимые произведения сельских старшеклассников: «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Иду на грозу» Д. Гранина, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Сердце на ладони» И. Шамякина.

Были изучены читательские интересы учителей естествознания и математики (400 анкет), словесности (500 анкет). Из учителей естествознания и математики 96% читали художественную литературу, из них советскую прозу – 85%. Самой большой популярностью пользовалась трилогия Ю. Германа «Подполковник медицинской службы», «Дело, которому ты служишь», «Дорогой мой человек», а также «Щит и меч» В. Кожевникова. Что касается драматургии, то редко упоминались пьесы Корнейчука и М. Погодина, почти не упоминались В. Розов и А. Арбузов. Учителя естествознания и математики мало читали литературно-художественные журналы, даже «Юность» – всего 16% опрошенных, остальные «толстые» журналы – чуть более 1%. Учителя-словесники в анкетах указали самых значительных современных советских писателей: К. Симонов (86%), М. Шолохов (20%), Ю. Герман (17%). Самыми интересными из прочитанных ими в 1965-1966 гг. произведений были: трилогия Ю. Германа (24%), «Солдатами не рождаются» К. Симонова (20%), «Щит и меч» В. Кожевникова (14%). Авторов социологического исследования насторожил факт, что многие вызвавшие интерес общественности, а также полемику в печати произведения 1965 года не нашли отражения в картотеках чтения учителей словесности. Таких произведений как «Прямая линия» В. Маканина, «Я отвечаю за все» Ю. Германа, «Семеро в одном доме» В. Семина, «Поденка – век короткий» В. Тендрякова, «Липяги» С. Крутилина и др. в картотеках чтения оказались единицы. Учитывалась и выдача соответствующих номеров журналов, в которых некоторые эти произведения были напечатаны. Авторы исследования указали, что «главное содержание их

чтения составляли произведения, опубликованные и обсуждавшиеся несколько лет назад. Например, «До свидания, мальчики» Б. Балтера, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Рассудите нас, люди» А. Андреева, «Продолжение легенды» А. Кузнецова, «После свадьбы» Д. Гранина и др. Обращение к ним впервые в 1965-1966 гг. (что специально выяснялось библиотекарями) говорит об отставании в чтении от литературной жизни [220, с. 198, 199].

Читательские интересы старшеклассников города. Учащиеся 9-11 классов средних школ 20-ти городов СССР, в том числе, Москвы, Ленинграда, Гатчины, Кургана, Крымска, Липецка, Нальчика, Хабаровска, Львова, Полтавы, Фрунзе, Риги. Еревана и др. Всего опрошенных по анкетам 1601 человек, 615 юношей, 986 девушек; 590 девятиклассников, 865 – учащихся 10-11 классов, 146 учащихся ПТУ. Плюс 150 карточек чтения из библиотек 4-х городов. Анкеты показали, что почти все учащиеся систематически следят за журнальной периодикой (91%). Литературно-художественные журналы «Юность» читает 31% опрошенных, «Молодая гвардия» – 33%. Регулярно читали советскую литературу 88% опрошенных, 95% опрошенных назвали в анкетах своих любимых авторов: М. Шолохов 22%, К. Симонов 9%, М. Горький 7%, А. Фадеев 5%, Д. Гранин 3%, Н. Островский 8%, А. Толстой 8%, А. Беляев 7%, Ю. Герман 5%, К. Паустовский 5%. Не так уж много в процентах, какие авторы занимали немалое оставшееся место? Старшеклассники в анкетах указывали, что читали повести Б. Балтера, Ч. Айтматова, В. Аксенова, В. Пановой. Но только 15% опрошенных оказались знакомы с советской драматургией, среди любимых авторов – В. Розов. Большой интерес к фантастике: А. Беляев, А. Толстой, Стругацкие. Очень часто упоминаются авторы детективов: Л. Шейнин, Ю. Дальд-Михайлик, А. Адамов. Художественная литература привлекает молодежь своими героями: Владимир Устименко (трилогия Германа), Сергей Крылов («Иду на грозу»).

Читательские интересы студенческой молодежи. Сбор материала проводился в 14 городах СССР, среди которых Москва, Ленинград, Рязань,

Пенза, Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Хабаровск и др.; в 25 вузах всех профилей – технических, гуманитарных, естественнонаучных, сельскохозяйственных. Советскую художественную литературу читали 56% студентов, больше – естественники (60%), меньше – гуманитарии (52%). Судя по высказываниям студентов, их интересовала не столько тема произведения, сколько общий настрой книги, глубина, эмоциональная сторона. Среди лучших произведений называли трилогии Симонова и Германа, «Иду на грозу» и «Искатели» Гранина. По анкетам студентов наиболее популярными писателями были: Шолохов 25%, Лацис 17%, Горький 16%, Айтматов 10%, Паустовский 6%, Н. Островский 6%, Фадеев 6%, Гончар 6%. В Московской центральной городской библиотеке такие книги как «Коллеги» В. Аксенова, «До свидания, мальчики» Б. Балтера, «Мужество» В. Кетлинской не стояли на полках. Научная фантастика особой любовью пользовалась у студентов технических вузов. Наиболее читаемые авторы: А. Беляев 23%, И. Ефремов 14%, Стругацкие 10% и др. Студенты оказались самыми активными читателями литературно-художественных журналов. Самым читаемым оказался «Юность» (54%), за ним следовал «Нева» (26%), «Иностранная литература» (24%), «Молодая гвардия» (18%), «Новый мир» (15%), «Москва» (15%) [220, с. 258-261].

Итак, сопоставив список опубликованной литературы и читательские интересы, можно сделать следующие выводы: внимание абсолютного большинства читателей было привлечено к темам о недавнем советском прошлом. Роман Л. Леонова «Русский лес» (1953) и повести Г. Бакланова посвящены теме Великой Отечественной войны. События повестей П. Нилина разворачиваются после окончания Гражданской войны. Два романа из трилогии Ю. Германа связаны с событиями довоенными и Великой Отечественной войны, также как повесть Б. Балтера «До свидания, мальчики». События третьей части трилогии Германа разворачиваются в первые послевоенные годы, лишь эпилог касается событий 1965 года. Роман В. Кетлинской «Мужество», опубликованный в 1938 году, посвящен социалистическому освоению Дальнего

Востока в 1930-е годы. Книга Г. Николаевой «Битва в пути», новая волна интереса к которой была вызвана экранизацией 1961 года, рассказывает о событиях 1953-54 гг. В целом, к современной производственной теме, в которой находила отражение повседневная хозяйственная культура, интерес был весьма слабый. Повесть М. Алексева «Хлеб – имя существительное» посвящена, главным образом, жизни советского села в военные и послевоенные годы.

И.П. Уваров и К. Рогов разделили художественную литературу 1970-х гг. на три части. В первую включили те произведения, что стали культовым художественным событием, во вторую – «тривиальную литературу среднего интеллигентного читателя», в третью – образцы «союзписательского фундаментализма», особенно востребованные в массовой культуре [237]. Культовыми художественными событиями стали отдельные произведения В. Аксенова, М. Анчарова, Н. Баранской, А. Битова, Г. Владимова, С. Залыгина, Ю. Трифонова. К тривиальной литературе среднего «интеллигентного» читателя можно отнести произведения Ф. Абрамова, А. Адамова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, А. Алексина, В. Амлинского, С. Антонова, В. Белова, А. и Г. Вайнеров, Б. Васильева, И. Велембовской, Г. Горина, Д. Гранина, И. Грековой, И. Ефремова, В. Каверина, Л. Карелина, М. Колесникова, В. Конецкого, А. Кузнецова, Ю. Крелина, А. Крона, О. и А. Лавровых, Н. Леонова, В. Липатова, А. Лиханова, Л. Лиходеева, В. Лихоносова, В. Маканина, Б. Можяева, Ю. Нагибина, Ю. Полякова, В. Распутина, С. Родионова, Д. Рубинной, А. Рыбакова, Ю. Рытхэу, В. Санина, Ю. Семенова, В. Семина, В. Смирнова, В. Солоухина, А. и Б. Стругацких, В. Тендрякова, В. Токаревой, М. Халфиной, К. Шахназарова, В. Шукшина, Г. Щербаковой и др. Образцами «союзписательского фундаментализма» можно назвать произведения М. Алексева, А. Иванова, В. Кожевникова, В. Кочетова, Г. Маркова, П. Проскурина (Приложение 3).

Многие из опубликованных произведений во второй половине 1960-х и в 1970-е гг., в первой половине 1980-х были экранизированы (Приложение 4). Отдельные произведения массовой литературы – рассказы, повести, романы получали сценическое воплощение: на Центральном телевидении был поставлен телеспектакль по «Плотницким рассказам» В. Белова (1973), в театре на Таганке - «Деревянные кони» Ф. Абрамова (1974), в театре на Таганке – «Обмен» по одноименной повести Ю. Трифонова (1976), в ЛГИТМИКе (Ленинград) – пьеса «Братья и сестры» по трилогии Ф. Абрамова (1978).

В первой половине 1980-х в журналах и/или отдельными изданиями публиковались литературные произведения следующих авторов: Адамов А., Айтматов Ч., Алексин А., Ананьев А., Астафьев В., Воронин С., Гранин Д., Искандер Ф., Карелин Л., Кожевников В., Коняев Н., Крелин Ю., Леонов Н., Лиханов А., Лиходеев Л., Лихоносов В., Маканин В., Марков Г., Можяев Б., Поляков Ю., Распутин В., Родионов С., Рубина Д., Рытхэу Ю., Токарева В., Трифонов Ю., Чулаки М., Шахназаров К., Щербакова Г. и др. (Приложение 5). В первой половине 1980-х были экранизированы произведения Адамова А., Гельмана А., Карелина Л., Лиханова А., Маркова Г., Полякова Ю., Шахназарова К. (Приложение 6).

В своей хронике культурной жизни 1970-х И.П. Уварова и К. Рогов отметили значительную роль в духовной жизни семидесятых литературных журналов и журнальной критики. В 1970 году критикой наиболее активно обсуждались книги А. Гладилина «Евангелие от Робеспьера» и рассказы В. Шукшина «Земляки». В 1971 году излюбленные темы журнальной критики – малые жанры прозы и неомещанство. В 1972 году повесть А. Скалона «Живые деньги» стала популярной у критиков и получила высокую оценку в рецензии В. Шукшина. В 1973 году критика обсуждала московские повести Ю. Трифонова – в русле полемики о быте, деревенскую прозу и «Сталеваров» Г. Бокарева. Обсуждался роман С. Залыгина «Южно-американский вариант». В 1974 году в журнальной критике особенно активно обсуждается сборник

рассказов В. Шукшина «Характеры» и книга А. Битова «Образ жизни», продолжается полемика о повестях Ю. Трифонова и романе С. Залыгина. В 1976 году в критике активно обсуждаются повесть «Другая жизнь» Ю. Трифонова, «Комиссия» С. Залыгина, повести В. Распутина. В 1978 году в журнальной критике чаще всего обсуждается проза В. Распутина и А. Битова [237]. Эти события в литературной жизни и читательские интересы, скорее всего, имеют отношение к уровню профессиональному и элитарному.

Массовое чтение второй половины 1960-х и 1970-х. В 1970 году научно-методический отдел библиотековедения Государственной библиотеки БССР им. В.И. Ленина совместно с областными библиотеками проводил изучение чтения рабочей и сельской молодежи в возрасте от 16 до 24 лет. У сельской молодежи из советских писателей наиболее популярным оказался М. Шолохов. Кроме того, М. Горький, Н. Островский, К. Симонов, А. Толстой. В десятку наиболее любимых советских писателей входили А. Фадеев, Ю. Герман, А. Чаковский. Среди любимых писателей называли: М. Бубеннов, Л. Леонов, В. Аксенов, В. Кожевников, В. Кочетов, Ф. Панферов, В. Тендряков, Д. Гранин, В. Кетлинская, А. Коптяева, С. Сартаков, В. Каверин, Г. Серебрякова. Сельские читатели ни разу не назвали таких писателей как А. Рекемчук, Г. Бакланов, Г. Марков, М. Алексеев, С. Залыгин, Ю. Рытхэу. По мнению исследователей, основной причиной этого было отсутствие книг, слабая укомплектованность сельских библиотек новыми книгами современных советских писателей. Художественные произведения, издаваемые центральными издательствами, в сельские библиотеки даже во втором издании почти не попадали [212, с. 17-20].

Подобное исследование проводилось с января по июнь 1970 года в 22 городских библиотеках Белоруссии. Анализировались читательские формуляры рабочей молодежи и 260 заполненных читателями анкет. Исследователи обнаружили тематическую специфику читательского интереса молодежи: героическая тематика и романтика. Советская художественная литература занимала основное место в чтении молодежи. Среди наиболее популярных

советских писателей – А. Толстой, А. Фадеев, С. Смирнов, К. Симонов, П. Проскурин, Ф. Панферов, В. Панова, М. Горький, Ю. Герман, В. Маяковский, Б. Полевой, Л. Леонов, В. Липатов, А. Коптяева, В. Кочетов, Н. Островский. Особенной популярностью пользовался роман, повесть и научная фантастика. Из фантастов чаще всего упоминали И. Ефремова, А. Казанцева, А. Беляева. Упоминались произведения писателей: Ч. Айтматова, В. Лациса, О. Гончара, И. Рыбак [116, с. 28, 33, 35]

С октября 1970 по декабрь 1971 г. в Ленинграде проводилось монографическое исследование чтения 30-ти молодых рабочих в возрасте от 17 до 25-ти лет. Изучалась качественная сторона чтения художественной литературы. Собранные сведения свидетельствовали о том, что современные молодые рабочие больше всего ценили в художественной литературе занимательность сюжета, познавательные сведения, правдивое изображение жизни, доступный язык. Идеино-воспитательное значение книги они видели в необходимости изображения героев, положительный характер которых не вызывает сомнения, образцов для подражания, в наличии явно выраженной (типа лозунга) идеи. Автор статьи, где были изложены результаты исследования, отмечает: некоторые рабочие, не понимая специфики художественных произведений, требуют от литературы прямого и непосредственного воздействия, практической пользы, рецептов, руководства к действию. Причем, эти требования распространяются только на советскую современную литературу. Наиболее ценимые молодыми рабочими советские писатели: И. Ильф и Е. Петров (назвали 22 из 30-ти опрошенных), А. и Б. Стругацкие (14 из 30), В. Катаев (14 из 30), Ю. Герман (13 из 30), А. Грин (13 из 30), В. Кожевников (13 из 30), К. Симонов (13 из 30), А. Толстой (13 из 30), М. Шолохов (10 из 30), Г. Мартынов (10 из 30). Судя по ответам, книги Ю. Германа привлекали молодых рабочих интересным сюжетом, наличием ярких положительных героев, нравственных идеалов [42, с. 177, 178, 185].

В ходе исследования избранной группе были предложены для прочтения следующие произведения: Ф. Абрамов «Пелагея», Ч. Айтматов «Белый пароход» и «Прощай, Гюльсары», В. Белов «Привычное дело», В. Быков «Сотников» и «Круглянский мост», Г. Владимов «Три минуты молчания», Ф. Искандер «Дерево детства», В. Кочетов «Чего же ты хочешь?», В. Липатов «Серая мышь», Ю. Трифонов «Обмен», В. Шефнер «Сестра печали». Большинство читателей приняло и положительно оценило: В. Кочетов «Чего же ты хочешь?», В. Шефнер «Сестра печали», Ч. Айтматов «Прощай, Гюльсары». В романе Кочетова читатели оценили злободневность и важность темы, которую они поняли как необходимость ответственности каждого члена нашего общества, в особенности интеллигенции, перед советским строем в период обострения идеологической борьбы. Молодые рабочие считают, что Кочетов затрагивает много важных проблем, с разных сторон раскрывает противоречия современности, старается ответить на вопросы, возникающие в процессе развития нашего общества. «Прощай, Гюльсары» понравилась за реализм, гуманизм, талант автора. Вызвали противоречивые оценки читателей: Г. Владимов «Три минуты молчания», Ч. Айтматов «Белый пароход», В. Липатов «Серая мышь». Что касается «Серой мыши», по мнению читателей, повесть написана хорошо, реалистично, но тема не вызывает живого интереса (слишком обыденна), а герои – сочувствия. Те же претензии у читателей к «Пелагее» Ф. Абрамова. Читатели не поняли Ф. Искандера, он привлек их лишь своим юмором. Отрицательно были оценены: В. Белов «Привычное дело», В. Быков «Сотников» и «Круглянский мост», Ю. Трифонов «Обмен». Молодые рабочие восприняли равнодушно повесть Трифонова: тема показалась им не очень значительной, поскольку она далека от вопросов, которые интересуют их. Повесть Белова, почти безоговорочно принятая другими категориями читателей (студенты, служащие), получившая высокую положительную оценку критиков, тоже не понравилась молодым рабочим. Автор статьи обобщает: вообще деревенская проза мало интересует молодых рабочих. Им незнакома

жизнь крестьян, далеки проблемы жизни деревни, так же как проблемы и искания интеллигенции [42, с. 187, 189, 191].

В феврале-марте 1972 года в 24 массовых библиотеках всех районов Ленинграда студентами Ленинградского государственного института культуры им. Крупской проводился анкетный опрос рабочей молодежи. Читателей опрашивали на абонементе при оформлении выдачи уже отобранной литературы. Было опрошено 3014 читателей. Среди опрошенных преобладали рабочие в возрасте от 21 до 28 лет (68%), 65% опрошенных имели среднее образование, остальные – неполное среднее. Выбирая художественную литературу, все группы читателей предпочитали произведения советских русских авторов, они составили более половины выдачи книг. Больше всего читали (по уменьшению выдачи): А.Толстой, М. Шолохов, Ю. Герман, В. Кетлинская, В. Кожевников, К. Симонов, Ю. Слепухин, К. Паустовский, В. Ян, В. Пикуль, М. Горький, А. Грин, А. Коптяева, Г. Марков, С. Злобин, Л. Леонов, В. Шишков, В. Кочетов и др. Чаще других брали произведения: «Хождение по мукам», «Поднятая целина» и «Тихий Дон», трилогию Германа, «Мужество» и «Дни нашей жизни» В. Кетлинской, «Живые и мертвые» К. Симонова, «Перекресток» и «Тьма в полдень» Ю. Слепухина, «Русский лес» Л. Леонова, «Строговы» и «Соль земли» Г. Маркова и др. Особым спросом пользовались книги приключенческие, фантастика, детективы. Из фантастов – Беляев, Ефремов, Мартынов, Немцов. Нередко брали сборники «В мире фантастики и приключений». Выбор книг многих советских писателей также связан с экранизацией художественных произведений. Литература других народов СССР заняла незначительное место в чтении молодых читателей. Брали Лациса (32), Рыбак (10), Шамякина (6) и др. В целом осведомленность читателей о литературе других народов СССР самая низкая [181, с. 103, 110-112].

В 1972 году сотрудниками Научно-исследовательского отдела библиотековедения и теории библиографии ГБЛ было подготовлено и

проведено исследование чтения населения 24-х небольших (до 50 тыс. жителей) городов РСФСР. Главной базой исследования явился г. Острогожск Воронежской области. Объектом исследования служили читатели всех возрастов: дети, юношество, взрослые. В исследовании сочетались методы опроса, анализа документов и наблюдения. Как показало исследование, массовый читатель художественную литературу современных советских авторов читал преимущественно в «Роман-газете» и массовых изданиях общего типа («Огонек», «Работница», «Смена», «Советская женщина»). Толстые литературно-художественные журналы не влияли сколько-нибудь заметно на картину чтения. «Читательская судьба» многих романов, повестей, рассказов определялась не столько их новизной, сколько другими моментами. Первую группу лидеров составили экранизированные романы. Вторая группа наиболее читаемых книг – опубликованные в «Роман-газете», которая, выходя огромным тиражом до 3 млн. экземпляров, пользовалась в небольших городах необычайным спросом. Среди книг советских писателей, названных во время опроса, лидировали три группы: 1) исторический и историко-революционный роман, повесть, рассказ; 2) произведения о Великой Отечественной войне; 3) детективы. Такие книги составили половину всех упомянутых читателями произведений и находились «по существу, вне конкуренции» [101, с. 75-77, 82].

Всесоюзное комплексное исследование «Книга и чтение в жизни советского села» (1973-1975) проводилось государственной библиотекой СССР им В.И. Ленина совместно с научными библиотеками союзных и автономных республик, краев и областей, а также при непосредственной помощи государственных институтов культуры, библиотечных факультетов университетов и педагогических институтов страны. Опрос сельского населения проводился на первом этапе исследования, в феврале-марте 1973 года по всесоюзной репрезентативной выборке, за единицу которой была принята семья. Все было обследовано 5386 семей, в их составе было 16706 человек, начиная с детей 7 лет. На втором этапе (с конца 1973 до середины

1975 г.) велось изучение социальной роли сельской библиотеки. Исследование показало: в художественной литературе наибольшее число читателей в селах всех союзных республик привлекали произведения о Великой Отечественной войне, о морально-бытовых проблемах, преимущественно связанных с сельской жизнью, приключения и детективы, исторические романы, повести и рассказы. В составе чтения преобладали произведения советских авторов, а среди них – произведения родной литературы. Среди всех аудиовизуальных каналов, воздействующих на чтение, выявилась наиболее заметная роль экранизаций художественных произведений: в структуре всех стимуляторов читательского выбора кинофильмы составили 24% [57, с. 9, 11, 19, 22].

Как показало исследование чтения подростков, проведенное в Эстонии в 1976-78 гг. Государственной детской и юношеской библиотекой ЭССР, по степени интереса читателей детектив стоял на втором месте после приключенческой литературы – 73% [252].

С 1968 по 1978 г. Государственной республиканской юношеской библиотекой РСФСР (ГРЮБ) проводились масштабные исследования читательских интересов молодежи. Объектом исследования были молодые рабочие, строители Всесоюзных комсомольских строек, молодежь села, учащиеся ПТУ, общеобразовательных школ. Результаты исследования были представлены в ряде публикаций Е. Васильевой – заведующей сектором социологии ГРЮБ. Исследование читательских интересов молодых рабочих (1500 человек) крупнейшего производственного предприятия страны – ЗИЛ показало: художественную литературу читали 96% опрошенных. В кругу чтения доминировала современная советская литература. Наибольшим спросом пользовались: трилогия Ю. Германа, Д. Гранин «Иду на грозу», Ч. Айтматов «Джамиля» и «Прощай, Гюльсары», Ф. Абрамов «Братья и сестры», М. Алексеев «Вишневый омут», А. Иванов «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов», П. Проскурин «Судьба», В. Распутин «Деньги для Марии», а также романы В. Каверина и М. Шолохова [28, с. 94, 95].

К 1978 году продолжающееся исследование позволило специалистам Государственной республиканской юношеской библиотекой сделать ряд заключений: 1) у юношества самыми читаемыми литературными журналами были «Юность» и «Молодая гвардия». 2) По читательскому спросу из художественной литературы на первом месте – фантастика, приключения и детектив, на втором – литература о сверстниках. 3) Среди городской молодежи наиболее популярными были книги Б. Васильева, В. Каверина, Ю. Германа, Д. Гранина, А. Лиханова, В. Амлинского, А. Алексина, В. Шукшина. Среди сельской молодежи – произведения Ю. Германа, Б. Васильева, Г. Маркова, А. Иванова, П. Проскурина, В. Шукшина [29, с. 66, 67].

По результатам социологического исследования читательских интересов, проведенного ГРЮБ в 1974 и 1980 гг. в селах РСФСР (Московской, Рязанской, Волгоградской, Кировской, Кемеровской, Курганской областей и Алтайского края) среди молодежи от 15 до 25-ти лет (учащихся общеобразовательных школ, ПТУ, техникумов, сельскохозяйственных рабочих) читательские интересы были направлены в основном на современную советскую литературу. Самыми читаемыми авторами были Ф. Абрамов, В. Астафьев, Д. Гранин, А. Иванов, В. Каверин, П. Проскурин, В. Распутин, В. Шукшин. Особой популярностью у молодежи пользовались А. Алексин и А. Лиханов [30, с. 77]. Эти результаты заметно расходятся с результатами всех других проведенных и использованных здесь исследований, и поэтому вызывают сомнение. В частности, сомнение вызывает массовая увлеченность молодежи произведениями Ф. Абрамова, В. Астафьева и В. Распутина.

Исследование читательского спроса в массовых библиотеках, проведенным в 1977 году в 30-ти библиотеках – городских, районных, сельских в основных регионах РСФСР, показало: большую часть читательской аудитории (42%) составляла молодежь от 15 до 25-ти лет (в структуре населения СССР, по переписи 1970 года они составляли 22%). Авторы исследования обнаружили прямую зависимость между уровнем образования

читателей и читательской активностью. Наиболее активными читателями были люди со средним, средне-специальным, незаконченным высшим (студенты) и высшим образованием. Почти половину всех читателей составляли специалисты (24%) и учащиеся (23%). Рабочие и колхозники составляли лишь одну треть читателей. Остальные читатели – служащие, труд которых не требует высшего и средне-специального образования (10%) и пенсионеры (10%). Активность читателей на селе была ниже, чем в городе [250, с. 7, 8].

Читательские интересы интеллигенции, наряду с другими социальными группами, изучались в ходе крупномасштабных комплексных исследований. При знакомстве с исследованиями советского времени обращает на себя внимание одна особенность: абсолютное большинство социологических исследований, посвященных интеллигенции, обходит вопрос ее читательских интересов в сфере художественной литературы. Исследования, где этот вопрос хотя бы затрагивается, являются исключениями. Так, в 1978 году было проведено эмпирическое исследование духовного потенциала художественно-творческой интеллигенции – балетной труппы Московского музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Объектом стали 86 актеров от 20 до 43 лет, с равным представительством мужчин и женщин. Выяснилось, что отечественную художественную литературу систематически и не систематически читают значительно меньше, чем зарубежную. «Иностранная литература» была самым читаемым литературно-художественным журналом. Даже уважаемый среди интеллигенции «Новый мир» читали в 3,5 раза меньше. Среди читаемых отечественных писателей у интеллигенции абсолютно преобладали классики русской прозы. Из советских писателей были названы лишь А. Толстой, М. Шолохов, К. Паустовский, М. Булгаков [62, с. 137-147].

В конце 1980-81 учебного года в общеобразовательной школе № 112 г. Москвы было проведено пилотажное исследование уровня освоения культурных ценностей выпускниками средней школы (на примере литературы).

Методом анонимного анкетирования было опрошено 23 десятиклассника. Исследование показало: из предложенных имен советских писателей наиболее известными оказались имена В. Шукшина и Ю. Бондарева, затем Б. Васильева («А зори здесь тихие»), менее – Ч. Айтматова, еще менее – К. Паустовского и В. Тендрякова. Наименее всего – Ф. Абрамова (1 ответ). Ни один из опрошенных десятиклассников не знал произведений В. Распутина и Ю. Трифонова. В число любимых десятиклассниками советских писателей, названных в анкете и наиболее часто встречающихся в читательских формулярах, вошло всего десять имен прозаиков: А. Толстой, М. Шолохов, А. Фадеев, М. Булгаков, К. Паустовский, В. Липатов, Ю. Бондарев, В. Быков, Д. Гранин, Ильф и Петров. Авторы исследования делают вывод, что дело со знанием современной советской литературы обстоит очень неблагоприятно [215, с. 67, 68].

В 1980-1983 гг. ГБЛ совместно с Культурно-массовым отделом ВЦСПС было проведено комплексное исследование «Советский рабочий – читатель», завершавшее комплексную исследовательскую программу «Книга и чтение в жизни советского общества», задуманную выдающимся советским библиотековедом О. С. Чубарьяном. Основной единицей выборки стали первичные трудовые коллективы на промышленных предприятиях в тяжелой промышленности – заводы энергетического машиностроения, металлургии, автомобилестроения, станкостроения, в легкой – тонкосуконная, крутильно-ниточная ткацкая фабрика. Исследованные трудовые коллективы представляли как традиционные формы организации труда (цехи, участки, смены), так и новые формы – комплексные бригады. Исследование методом опроса шло в основном в крупных городах РСФСР – Москве, Горьком, Волгограде, Липецке, Омске, Хабаровске, Орехово-Зуеве. Характер читательских запросов изучался в 25 государственных массовых профсоюзных и научно-технических библиотеках.

Авторы отмечают стабильность структуры жанрово-тематических предпочтений этой социальной группы, замеченных еще в 1960-е гг. Кроме популярных произведений о Великой Отечественной войне, особенно романов-эпопей, среди читательских предпочтений лидировали приключения, литература о морально-этических проблемах, книги «про жизнь». Исследователями отмечен низкий авторитет книг о рабочем классе. «Производственную» тему указали всего 3% опрошенных рабочих. Анализ низкой популярности этой литературы выявил две причины: 1) недостатки распространения лучшей художественной литературы о рабочем классе. Только 5 из 12 книг, получивших в последние годы премии как лучшие произведения о рабочем классе, попали более чем в половину обследованных 25 массовых библиотек. 2) Стереотипы отношения к книгам о рабочих. Опрос показал, что около половины рабочих-читателей низко оценивают правдивость тех произведений о рабочих, которые они когда-либо читали [11, с. 6, 7, 20]. В рамках этого комплексного исследования изучались читательские формуляры в библиотеке Владивостокского судоремонтного завода. Всего было просмотрено 500 формуляров, из которых 70% – рабочих, около 30% – ИТР. Результаты просмотра показали: наиболее читаемые советские авторы – М. Шолохов, К. Симонов, Ч. Айтматов, Ю. Бондарев, Б. Васильев [67, с. 20].

В 1982-1983 гг. кафедра библиотековедения ЛГИК им. Н. К. Крупской изучала читательские интересы учащихся ПТУ г. Ленинграда. Как отмечает автор статьи, у этой категории читателей советская литература пользовалась значительно большей популярностью, чем русская классика, литература народов СССР и зарубежная классика. Самый популярный автор 1982-1983 гг. – Ан. Иванов (привлек внимание телевизионной экранизацией «Вечного зова»). Также П. Проскурин («Судьба»), К. Симонов «20 дней без войны», В. Тендряков «Весенние перевертыши». Преобладающие жанры в чтении – детективы, фантастика, приключения, что, по мнению автора статьи,

свидетельствует «о затянувшемся детстве, о развлекательной направленности чтения» [43, с. 121].

Взросший с 1979 по 1984 г. интерес студентов Калининского университета не только к популярным произведениям Ф. Абрамова, Ю. Бондарева, А. Иванова, П. Проскурина и В. Шукшина, но также к прозе В. Астафьева и В. Распутина, к пьесам А. Арбузова, Г. Бокарева, А. Вампилова, И. Дворецкого и В. Розова объяснялся учебной программой: «Кафедра советской литературы включила произведения перечисленных писателей в список литературы по программе, поэтому студенты хотят прочитать эти книги» [176, с. 48].

В 1985 году группой социологов НИИ Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ было проведено исследование читательских предпочтений с использованием стратификационных критериев (социально-профессиональных). В выборную совокупность были включены жители Москвы, Костромы и сел Костромской области – 3068 молодых людей в возрасте до 30 лет (школьники 5-10 классов, учащиеся ПТУ, студенты техникумов и вузов, рабочие 1-6 разрядов, занятые в сфере обслуживания и торговли, водители такси, ИТР, учителя средних школ, преподаватели вузов, врачи, представители научной и творческой интеллигенции, полеводы, животноводы, механизаторы); 1179 респондентов тех же профессиональных категорий (кроме учащихся) в возрасте 31-60 лет. В качестве экспертов выступили 229 продавцов и товароведов книжных магазинов. Исследование показало: у респондентов до 30 лет читательские предпочтения видов литературы мало зависят от принадлежности к определенной социально-профессиональной группе. Так, первое место в читательских интересах молодых рабочих, работников сельского хозяйства занимали романы, затем – детективы и повести, рассказы, фантастика, историческая литература. У молодых работников сферы услуг структура читательских интересов оказалась такой же. У молодой интеллигенции (независимо от профессии)

также первые три места занимали романы, повести, рассказы, детективы, затем фантастика. Выше, чем у рабочих и представителей сферы услуг у них оказался интерес к исторической прозе, поэзии, мемуарам. Особенно у преподавателей вузов [265, с. 116, 123, 124].

Исследование «Чтение в вашей жизни» проводилось Государственной библиотекой имени В.И. Ленина в конце 1986 года в 24 городах разных регионов РСФСР. Был проведен анкетный опрос населения по месту жительства на основе репрезентативной выборки. Всего было опрошено 6368 человек: рабочие (31,8%), специалисты (21,1%), учащиеся (15,3%), служащие (7,8%), руководители (4,3%), пенсионеры (11,6%), домохозяйки (1,7%). Респонденты представляли шесть возрастных групп. Подавляющее большинство опрошенных (80,5%) более десяти лет жили в своем городе, но лишь менее 50 % являлись коренными жителями. Почти треть горожан (30,3%) провели свои детские и юношеские годы в сельской местности. Опрос показал, что подавляющее большинство респондентов читало беллетристику. Преимущественным вниманием пользовались книги русских советских авторов. Среди наиболее читаемых: А. Толстой, В. Пикуль, Ю. Семенов, А. Беляев, М. Шолохов, Ан. Иванов, И. Ефремов, А. Черкасов, Ю. Бондарев, М. Булгаков, В. Шукшин. В то время «перестроечные» произведения А. Рыбакова, Д. Гранина, А. Приставкина, В. Гроссмана и др. не вошли еще в круг чтения. Из-за массового тиража (макулатурная серия, «Классики и современники», «Роман-газета» и т.п.) то или иное произведение одновременно входило в круг чтения многих людей, и в дальнейшем этот процесс усиливался в результате влияния моды. Таковы случаи с книгами Ю. Семенова, И. Ефремова, Ю. Бондарева, Ч. Айтматова и др. авторов. Отвечая на вопрос «Если бы вы могли получить в библиотеке любую книгу, что бы Вы выбрали для прочтения?», читатели назвали авторов, которые перечисляются здесь в порядке снижения популярности: 1) В. Пикуль, 2) А. Дюма, 3) Ю. Семенов, 4) М. Булгаков, 5) А. Черкасов, 6) И. Ефремов, 7) Ш. Бронте, 8) А. Иванов,

9) П. Проскурин, 10-12) Ч. Айтматов, 10-12) А. и Б. Стругацкие, 10-12) А. Конан-Дойль, 13) М. Шолохов, 14-15) Ж. Верн, 14-16) Ю. Бондарев, 16) А. Беляев, 17) А. Кристи, 18) Т. Драйзер, 19) Д. Лондон, 20) А. и С. Голон, 21) Г. Мопассан, 22) А. Толстой, 23-25) Э. Ремарк, 23-25) Л. Толстой, 23-25) Г.К. Жуков, 26) В. Шукшин [198, с. 12, 13, 20, 21]. Подобные опросы не оценивали художественное качество произведений, а только читательские интересы.

Всеобщим, от самого юного до самого квалифицированного и подготовленного читателя, был интерес к детективу. Участник одной из дискуссий на страницах «Литературной газеты» в 1968 году даже подсчитал, что детективом увлекается более 75% научных работников и 65% специалистов с высшим образованием. В интервью газете «Московский комсомолец» академик И. Артоболевский сообщил, что любит детектив, и детектив является его помощником в научном поиске, дает сильный эмоциональный и плодотворный заряд. Свидетельством огромной популярности детектива в СССР были и гигантские заказы книготорга издательствам, которые, впрочем, удовлетворялись на 10-15%, и читательские формуляры в библиотеках, и прямая зависимость тиража журнала от наличия или отсутствия детективного романа на его страницах в период подписной компании [3, с. 9, 10].

Как видно, авторы исследований не отмечали различий в читательских интересах по регионам. Некоторые различия наблюдались лишь в возрастных и социально-профессиональных группах.

С 1966 года в СССР с целью информации о новых книгах и пропаганды лучших произведений советской и зарубежной литературы, воспитания культуры чтения выходила еженедельная газета «Книжное обозрение», массовое общественно-политическое издание. В обзорах газеты отображалась то, что официально считалось лучшей частью книжного потока. Но для выяснения читательского спроса эта газета ничего не дает.

Обобщая приведенные исследования в аспекте отбора текстов массовой литературы для изучения советской повседневности 1960-х – начала 1980-х, можно сказать: как и прежде, интересы массового читателя преимущественно были направлены на литературу о советском прошлом. Популярные произведения А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева, И. Ильфа и Е. Петрова, Ю. Бондарева, В. Быкова не отражают повседневность изучаемого периода (1960-е – начало 1980-х). Из тетралогии Ф. Абрамова лишь последняя книга «Дом» рассказывает о жизни русской советской деревни в 1970-е годы. Популярный роман М. Алексеева «Вишневый омут» (1961) построен на материале дореволюционной деревни, действие заканчивается в первые послевоенные годы. Роман Ф. Панферова «Бруски» (1928-33), многократно переиздававшийся, посвящен коллективизации. Эпические полотна Г. Маркова и А. Иванова охватывают период от первой мировой войны до 1960-х, произведения П. Проскурина – о довоенном и военном прошлом. Романы Ю. Слепухина посвящены теме Великой Отечественной войны. То же самое можно сказать о романах В. Каверина. Критик М. Амусин взлет популярности литературы на деловую тему в начале 1970-х связывал со все более широким народным участием в управлении хозяйственным механизмом [5, с. 192]. Но деловая или «производственная» тема интересовала не самый широкий круг читателей. Действительно массовыми стали поставленные на сценах театров и экранизированные пьесы: И. Дворецкий «Человек со стороны», А. Гельман «Протокол одного заседания» и «Мы, нижеподписавшиеся». Другие названные М. Амусиным произведения на деловую тему (О. Куваев «Территория», Д. Гранин «Однофамилец» и «Картина», А. Плетнев «Шахта», С. Рыбас «Варианты Морозова», И. Штемлер «Таксопарк», В. Добровольский «Текущие дела», В. Никольский «Белые шары, черные шары», И. Герасимов «Эффект положения», Д. Константиновский «Яконур») были интересны немногочисленному «среднему интеллигентному читателю».

В самом начале 1990-х гг. С. Шведов, обобщив результаты масштабных социологических исследований читательских интересов, сделал вывод: наибольшим спросом у широкого читателя с 1960-х до начала 1980-х годов пользовались толстые романы: М. Алексеев «Вишневым омут» и «Драчуны»; А. Иванов «Вечный зов», «Повитель», «Тени исчезают в полдень», «Повесть о несбывшейся любви», «Жизнь на грешной земле»; Г. Марков «Соль земли», «Сибирь»; П. Проскурин «Имя твое», «Судьба», «Черные птицы»; А. Черкасов «Хмель», «Конь рыжий», «Черный тополь»; Ф. Абрамов «Две зимы и три лета», «Братья и сестры»; Е. Евтушенко «Ягодные места»; С. Бабаевский «Кавалер золотой звезды» (в то время книги Бабаевского уже не относились к разряду самых читаемых, но пропагандировались критикой и обсуждались на читательских конференциях). В эти же годы писатели писали, а читатели читали другие книги. В эти же годы признание у читателей завоевали Ю. Трифонов и Ф. Искандер, Бакланов и Белов. Однако никто из них не входил по популярности в «первую десятку», кумирами массового спроса оставались романы Иванова и Проскурина. Более того, по результатам конкурса, проведенного газетой «Книжное обозрение» в 1988 году, произведения этих авторов вошли в перечень «100 лучших книг года» [263, с. 390-392]. Кстати, роман А. Черкасова «Хмель», многократно упоминаемый исследователями читательских интересов, советским критиком Н. Ильиной назван «эрзацем социальных эпопей», отнесен к подделкам, высоко оцененным и востребованным невзыскательным и простодушным читателем [77].

Обобщение исследований читательских интересов в аспекте отбора текстов массовой литературы для изучения советской повседневности 1960-х – начала 1980-х показывает: во-первых, массовый читатель игнорировал не только те произведения, которые Уварова и Рогов называют «культовыми», но и большую часть того, что они относят к «тривиальной» литературе среднего «интеллигентного» читателя. Во-вторых, читали современную литературу, но не о современности, предпочитая произведения, посвященные российскому и

советскому прошлому. Не так много самых читаемых произведений отражали современную повседневность и повседневную хозяйственную культуру, за исключением детективов.

Можно найти несколько объяснений причин того, почему одних авторов читали, а других не читали. Одну из причин, лежащую на поверхности, уже назвали авторы советских социологических исследований – слабая укомплектованность сельских библиотек новыми книгами современных советских авторов, недостаточность литературных журналов в городских библиотеках, малое количество или полное отсутствие подписки на литературные журналы в сельских библиотеках. Мнению советских социологов отчасти созвучна точка зрения одного из современных российских авторов, Б. Дубина. По мнению Б. Дубина, советская массовая библиотека, как это ни парадоксально, никогда не была рассчитана на *массовый* спрос, на обслуживание *массовой* литературой: ассортимент книг был строжайшим образом цензурирован, а книги, пользовавшиеся наибольшим спросом (о войне, любовный роман, детектив, фантастика, исторические) были наименее доступны. Вследствие этого, а также вследствие повышения образовательного уровня среднего читателя, с конца 1960-х советская массовая библиотека стала переживать серьезные организационные трудности [59, с. 177]. Однако советские социологи и Б. Дубин говорят о все-таки о разных вещах: первые – об отсутствии в библиотеках книг, которые не востребованы читателем, но которые, по мнению исследователей, надо читать; второй – о дефиците востребованных книг.

Один из советских авторов, В. Н. Аскарлова, предлагала для объяснения интереса массового читателя к одним произведениям и полного пренебрежения другими произведениями понятие «читательская мода». В своем исследовании автор определила понятие «читательская мода» как динамичную стандартизированную форму регуляции поведения читателей, проявляющуюся в демонстративно-избирательном отношении к произведениям печати в

соответствии с культурными нормами референтных групп [9, с. 11]. В свою очередь, фактором формирования читательской моды является историческая эпоха с ее социально-политическими и эстетическими особенностями [10, с. 10-13]. В какой-то мере на читательские интересы молодежи школьного возраста влияли списки литературы, рекомендованной для внеклассного чтения.

Все же представляется, что социологический подход не вскрывает главные, глубинные причины специфики интересов советского читателя. Объяснить выявленную направленность интересов массового читателя можно с помощью рассмотренной выше концепции формульной литературы Дж. Кавелти: стандартизация и эскапизм – удовлетворение потребности читателей отдохнуть и уйти от действительности. Указанные выше самые читаемые произведения, несомненно, подходят по всем признакам под это определение. Кроме того, на читательских интересах сказывалась общая типологическая особенность российской культуры: разрыв между внешними условиями существования, грубостью быта и утонченной жизнью духа [109, с. 47-48]. Эскапизм проявлялся в том, что советский читатель время от времени уходил от действительности, погружаясь в историческое прошлое – героическое, трагическое и драматическое. «Грубость быта» – реальная жизнь, повседневность, а «дух» время от времени вел «утонченную жизнь», погружаясь в переживания за судьбу мифологического культурного героя.

Другое объяснение связано с тем, что массовому читателю нужна ценностная прагматика активного действия, а не рефлексия. Для массового читателя конечные ценности безусловны, поэтому он не читал Ю. Трифонова, для которого конечные ценности условны, и который задавался вопросом, что такое добро, свобода и т.д. Массовый читатель предпочитал те произведения, в которых находил прагматику активного действия. Чаще всего таким произведением оказывался советский детектив. Кроме того, советские детективы были «исполнены романтики розыска и подвига» [162]. Писатель

Ст. Родионов, автор широко известного детектива «Криминальный талант» (1974) главной причиной привлекательности детективного жанра для читателя считал потребность в романтическом герое: «Иногда мне кажется, что настоящий мужчина сегодня <...> нет, не вымер, но как-то притих. Мне хочется чаще встречать мужчин, горящих на работе, делающих свое дело поглощено и сильно, как и положено мужчине. И я давно не встречал в наших романах литературного героя – нет, не главного действующего лица! – а героя, отвечающего смыслу этого слова, то есть бойца. Впрочем, нет, встречал. В детективной литературе. Герой там обязательно боец и борец. Потому что он вступает в бой с преступником, вступает в другие конфликты, связанные с пресечением преступности. Получается так, что детективный жанр едва ли не монополюс владеет романтическим героем» [197, с. 136]. Массовому читателю был нужен формульный герой, действующий и побеждающий. Менее интересен очень похожий на самого читателя шукшинский «чудик», вообще чужд – рефлексирующий интеллигент Ю. Трифонова и А. Вампилова.

Представляется, что причина своеобразных интересов массового советского читателя также кроется в языке. А именно в том, насколько произведение массовой литературы, обращенное к огромной аудитории, построено на средней языковой семиотической норме [204, с. 222]. К такому пониманию причины приводят убедительные характеристики массовой культуры В. Руднева, но, главным образом, рассуждения Н. М. Козловой на тему «Соцреализм как феномен массовой культуры». Козлова развивает точку зрения английской исследовательницы В. Данэм: читателями соцреалистических романов были представители выделяющегося из массы советского среднего класса. Это не только человек-винтик, но и маленький человек «себе на уме», преследующий собственные интересы с разной степенью успеха. Соцреалистические, несовершенные в художественном отношении романы читали, потому что они, с одной стороны, воплощали комплекс ценностей «системы», а с другой, – ценности потребителя этих

романов. Потребителем был только выделявшийся из массы советский средний класс – те, кому в годы сталинской модернизации удалось не только уйти из деревни, но и найти место в новом обществе [105, с. 215]. Дальнейший ход рассуждений Н. М. Козловой таков: и авторы самых читаемых соцреалистических романов (во всяком случае многие из них), и читатели были представителями нового советского среднего класса, они только что вошли в мир письма и печати. Писатель выступал в роли своеобразного эксперта модернизации, как образец успешной и в принципе доступной карьеры. Отсюда – особенность языка соцреалистической прозы. И авторы, и читатели владели нормативным языком, языковой нормой, но он для них нов. Овладевшие нормативной речью имели шанс попасть в новый средний класс. Еще не обретенная субъективность пишущего обусловила отсутствие стиля в произведениях соцреализма, читатель также был бессубъективен. Жизненный и идеальный планы реальности оказывались взаимозаменяемыми, естественная установка распространялась на вещественно-телесный «соблазняющий» план содержания произведений и на «идеологическую программу», которая тем самым встраивалась в жизнь [105, с. 215, 216]. Впрочем, аргумент Козловой о бессубъективности советского писателя и массового читателя представляется, по меньшей мере, спорным. Более весомой и более корректной причиной особенностей языка массовой соцреалистической прозы представляется культурная маргинальность как писателя, так и читателя. Н. М. Козлова рассматривала соцреализм как феномен массовой культуры на примере произведений начала 1950-х. Есть основания считать, что названные особенности авторов и читателей сохранялись и в 1960-70-е годы, поскольку формирование советского среднего класса продолжалось, и появлялись сотни тысяч «свежих» его представителей – маргиналов. Возможно массовый советский читатель не читал Амлинского, Астафьева, Баранскую, Велембовскую, Владимова, Грекову, Залыгина, Искандера, Карелина, Конецкого, Крелина, Крутилина, Кунина, Распутина, Рыбакова, Семина,

Трифонова, Чулаки, и многих др. именно по причине не соответствия языка их произведений той самой «средней языковой семиотической норме», не только понятной читателю, но и соответствующей идеологеме «культурности» [105, с. 211, 212]. В качестве подтверждения высказанного предположения можно привести мнение М.В. Коробова – современника и знатока пьес А. Вампилова о причинах равнодушного отношения широкого читателя к чтению пьес этого автора: «Боюсь, со своей театральностью и изобретательной речью Вампилов казался инфантильным [214, с. 126]. Писательница М. Ганина однажды дала почитать повесть В. Распутина «Пожар» своим соседям – деревенским мужчинам. По ее словам, никто повесть не понял. Помешала аллегория [164, с. 219].

Те произведения, которые были лидерами читательского спроса, согласно исследованиям 1963-1986 гг., читали, очевидно, два типа людей советского массового общества, о которых шла речь в Главе 2: 1) активные приверженцы, истые адепты системы и власти, 2) умеренные, законопослушные сторонники системы и власти (конформисты).

Сопоставление опубликованной литературы в массовых изданиях, списка экранизаций этой литературы и массового читательского спроса позволяет сделать отбор произведений, в которых нашла отражение повседневная советская хозяйственная культура, в качестве источников. Список текстов массовой литературы в хронологическом порядке получился следующим: Николаева Г. «Битва в пути» (1957); Герман Ю. Трилогия «Дорогой мой человек» (1957-1962); Ефремов И. «Туманность Андромеды» (1957), Нагибин Ю. «Ночной гость» (1958), Кожевников В. «Знакомьтесь, Балуюев» (1960); Аксенов В. «Коллеги» (1960); Рекемчук А. «Молодо-зелено» (1961); Аксенов В. «Звездный билет» (1961); Бедный Б. «Девчата» (1961); Кочетов В. «Секретарь обкома» (1961); Айтматов Ч. «Тополек мой в красной косынке» (1961); Гранин Д. «Иду на грозу» (1962); Семенов Ю. «Петровка, 38» (1963), Иванов А. «Тени исчезают в полдень» (1963); Алексеев М. «Хлеб – имя существительное»

(1964); Стругацкие А. и Б. «Понедельник начинается в субботу» (1965), В. Липатов «Деревенский детектив» (1968); Шестаков П. «Страх высоты» (1969); А. Адамов «Круги по воде» (1970), Лавровы О. и А. из цикла «Следствие ведут ЗНАТОКи» - «Черный маклер» (1971), «Шантаж» (1972); Семенов Ю. «Огарева, 6» (1972); Иванов А. «Вечный зов» (1971-76); Липатов В. «И это все о нем» (1974); Родионов С. «Криминальный талант» (1974), Вайнеры А. и Г. «Лекарство против страха», «Гонки по вертикали» (1974); Шукшин В. «Там, вдали...» (1968), «Земляки» (1970), «Характеры» (1973), «Калина красная» (1973), «Беседы при ясной луне» (1974); Алексеев М. «Ивушка неплакучая» (1974); Нагибин Ю. «Терпение» (1974); Алексин А. «Позавчера и послезавтра» (1974), «Третий в пятом ряду» (1975), Адамов А. «Час ночи» (1976), Распутин В. «Прощание с Матерой» (1976), Абрамов Ф. «Дом» (1978), Леонов Н. «Выстрел в спину» (1979), Лавровы О. и А. «Подпасок с огурцом» (1979); Лавровы О. и А. «Из жизни фруктов» (1981); Адамов А. «Вечерний круг» (1982); Карелин Л. «Змеелов» (1982); Марков Г. «Грядущему веку» (1982), Лиханов А. «Благие намерения» (1982); Лавровы О. и А. «Полуденный вор» (1985).

Все это – литература официальная, авторы которой либо искренне идентифицировали себя с системой, либо в большей или меньшей мере шли на компромисс с властью. Особое место в списке занимает советский детектив, что вполне объяснимо: детектив обеспечивает особый взгляд на актуальные проблемы своего времени [275, с. 124]. В детективе, как отмечает Б. Дубин, заложен набор образцов и значений, маркирующий статус, образ жизни, планы и ориентиры социальных фигур, групп и сред («Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры»). Вошедшие в список тексты по классификации А. Адамова относятся к типу «уголовный детектив» с темой преступления и наказания, затрагивающие важнейшие социальные, моральные и психологические проблемы [3, с. 218, 219]. Необходимо для сопоставления рассмотреть ряд текстов «культовых» авторов (М. Анчарова, Н. Баранской,

А. Битова) и авторов, чьи произведения не пользовались спросом у «широкого» читателя (например, Ю. Трифонова, Ю. Крелина, Л. Карелина, Д. Гранина).

Кроме этого, в корпус текстов включены пьесы: Розов В. «В поисках радости» (1956), Арбузов А. «Иркутская история» (1959); Алешин С. «Все остается людям» (1959); Володин А. «Пять вечеров» (1959); Штейн А. «Океан» (1960); Радзинский Э. «104 страницы про любовь» (1963); Брагинский Э. и Рязанов Э. «С легким паром!» (1968), «Сослуживцы» (1970); Вампилов А. «Старший сын» (1970), Рошин М. «Валентин и Валентина», (1971); Дворецкий И. «Человек со стороны» (1972); В. Шукшин «Энергичные люди» (1974); Гельман А. «Протокол одного заседания» (1975); Михалков С. «Пена» (1975); Соколова А. «Фантазии Фарятьева» (1976); Розов В. «Гнездо глухаря» (1979); Гельман А. «Мы, нижеподписавшиеся» (1979); В. Гуркин «Любовь и голуби» (1979). Пьесы в качестве источников отобраны, опираясь на данные ВУОАП о самых репертуарных пьесах в театрах страны в 1959-1974 гг. (Приложение 7), а также летопись Ульяновского областного театра драмы им. И. А. Гончарова с 1965 по 1980 гг. (Приложение 8).

Большей частью пьесы публиковались в журнале «Театр», и массовый читатель, несомненно, их не читал (здесь приходится отступить от одного из критериев). Но действие названных пьес разворачивается в сфере производственной повседневности и домашнего хозяйства. Эти пьесы, посвященные проблемам социальным, экономическим и нравственным, успешно шли в столичных и почти во всех театрах страны, годами оставаясь в числе самых репертуарных. Все указанные пьесы были экранизированы и вышли на широкий экран (Приложение 9). На Центральном телевидении были записаны и показаны телеспектакли в постановке ведущих столичных театров: «Иркутская история», «Сослуживцы», «Человек со стороны» (1973), «Энергичные люди» (1974 и 1988), «Пена» (1977), «Заседание парткома» (1978), «Старый Новый год» (1980). Спектакли ведущих столичных театров нередко транслировались по центральному ТВ. У массовой публики, не

читавшей пьес, этот пробел в какой-то мере восполнялся радиоспектаклями, в исполнении известных актеров страны для популярного цикла Всесоюзного радио «Театр у микрофона» (Приложение 10).

В интерпретации художественного текста большое значение имеет контекст. Любой художественный текст в большинстве случаев создается на основе контекста – социокультурной обстановки. Художественный текст, отражая определенный контекст, а также культуру, биографию и жизненный опыт художника, обладает собственным смыслом, который в иной социокультурной ситуации (контексте) у любого реципиента вызовет иной спектр смыслов. То есть любое изменение контекста приводит к изменению смысла произведения. Чтобы понять художественное произведение, необходимо обратиться к контексту – истории создания, экономической и культурной ситуации, а также к биографии автора [230, с. 172]. Социокультурная и экономическая ситуация рассмотрена в Главе 2.

Контекстом является биография авторов (Приложение 11). На основании биографических сведений, авторов отобранных произведений можно попытаться отнести к типам советских художников, разработанных В. П. Коневым, но уверенно отнести каждого автора к тому или иному типу – задача крайне сложная. М. А. Черняк к авторам, чья литература «не потакала режиму, не заигрывала с ним, не угождала, не славословила», относит В. Катаева, В. Каверина, В. Панову, Ф. Искандера, И. Грекову, В. Астафьева, Ю. Трифонова и некоторых других [246, с. 17]. По классификации В. Конева эти авторы относятся к типам 2, 3, 4, а произведения их – к направлению либерально-демократическому.

Применяя компаративный метод, можно сопоставить избранных авторов по ряду критериев: присвоение государственных почетных званий (Герой Социалистического Труда), награждение государственными премиями, членство в Союзе писателей СССР и РСФСР и выполнение общественных обязанностей в этих организациях, работа в должности редактора центрального

журнала, членство в КПСС, другие общественные должности, участие в официальных письмах в газету «Правду» с осуждением диссидентов А. Сахарова и А. Солженицына, эмиграция из СССР.

На основании биографического контекста к типу «художник, абсолютно искренне идентифицирующий себя с системой, безоговорочно принимающий идеологию социалистического и коммунистического строительства», возможно, относятся Вс. Кочетов, В. Кожевников и Г. Марков. К типу «художник, для которого верность идеалам и ценностям системы соединялась с критикой «искажений» этих идеалов в практике строительства нового общества» возможно отнести Ч. Айтматова, А. Алексина, М. Алексеева, С. Алешина, А. Арбузова, А. Иванова, С. Михалкова, Ю. Нагибина, Г. Николаеву, Ю. Семенова, А. Штейна. К типу «художник с раздвоенным сознанием и раздвоенной личностью, которая, выражая в своем творчестве выверенные идеологические принципы, в своей приватной, непубличной жизни либо в этих принципах сомневалась, либо отвергала их вовсе», можно, пожалуй, отнести А. Володина, В. Липатова, А. Лиханова.

К типу «художник, ортодоксальный в своих публичных выступлениях и заявлениях, он в своем творчестве, насколько это было возможно в условиях цензуры, правдиво отражал реальные проблемы человека и общества», скорее всего, можно отнести А. Адамова, Э. Брагинского и Э. Рязанова, братьев Вайнеров, А. Вампилова, А. Гельмана, Ю. Германа, Д. Гранина, и. Дворецкого, И. Ефремова, О. и А. Лавровых, Н. Леонова, Э. Радзинского, В. Распутина, А. Рекемчука, Ст. Родионова, В. Розова, М. Рощина, братьев Стругацких, П. Шестакова. К типу «художник-нонконформист и в жизни, и в творчестве» можно отнести В. Аксенова и В. Шукшина.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последовательное изложение подходов к изучению повседневной советской хозяйственной культуры 1960-1980-х гг. по текстам массовой литературы приводит к выводам:

1) Культурологическое определение хозяйственной культуры выстраивается на основании широкого культурологического понимания культуры как многосторонне-целостного способа бытия людей, как специфического адаптирующего механизма общественной жизни и как саморазвивающейся системы, состоящей из подсистем. Определение повседневной хозяйственной культуры строится на понимании повседневности, которая «охватывает все» и на выделении в культуре специализированного и обыденного (повседневного) уровней.

2) В системе культуры массовая литература рассматривается как знаково-коммуникативный и адаптивный механизм общественной жизни. Изучение повседневной хозяйственной культуры по текстам массовой литературы теоретически опирается на философские положения о художественных методах познания культуры (В. Соловьев, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, О. Шпенглер и М. Хайдеггер). Теоретической основой исследования является системная модель культуры М.С. Кагана с теорией о взаимосвязи трех подсистем культуры – материальной, духовной, художественной. Изучение повседневной уровня культуры может быть продуктивным только при условии соблюдения системного подхода к исследованию культуры. Художественная литература в целом является признанным источником исторической и культурологической информации. Исследователями доказан большой информационный ресурс массовой литературы для изучения повседневной культуры. Массовая литература в художественно-образной форме фиксирует то, что Ф. Бродель обозначал в качестве задачи изучения повседневности: процесс восприятия официальной культуры низами, формы, в которые

отливаются идеологические конструкты, попадая в профанный мир. Массовая литература и повседневная культура взаимосвязаны, хотя массовая литература является частью специализированной художественной культуры. Связь видится в использовании архетипических форм, предельно простой техники письма, средней семиотической нормы языка, трансляции простых жизненных истин. Изначальные стремления, цели массовых произведений понятны и привлекательны для огромного большинства населения.

3) С начала 1960-х в Советской России формировалось общество массового потребления и, соответственно, потребительская массовая культура. Наблюдается динамика массового сознания. В период «оттепели» основным стержнем духовной и материальной, публичной и частной жизни людей была коммунистическая идея. Общегражданская позиция и государственный интерес преобладали над частным и личным. Эмоционально-психологический тонус общества в целом был высоким. В период «застоя» произошел фронтальный отход масс от всего «коммунистического», «социалистического» в интересах, нормах морали, стилях жизни. Эмоционально психологический тонус снизился: нарастало беспокойство по поводу завтрашнего дня, чувство неуверенности и безысходности. Советское общество еще было не готово к общественно-политическим и социально-экономическим преобразованиям, но движение к переменам уже началось и набирало силу.

До конца 1980-х официальная структура советского общества рисовалась сталинской формулой «2+1» как дружественные классы с прослойкой-интеллигенцией, без классовых антагонизмов. Но уже советские стратификационные исследования показали, что структура общества была гораздо более сложной. В текстах массовой литературы находила отражение формула «2+1», а также многие стратификационные критерии и представления о социальном неравенстве.

4) Рассмотрение советской хозяйственной культуры 1960-1980-х гг. специализированного уровня позволяет говорить о системной

противоречивости, рассогласованности этого феномена. Теоретически все элементы структуры согласованы между собой: стержнем системы выступает идеал – коммунизм и задает ценностные ориентации; знания обосновывают сам идеал, ценности и конструируют технологии; технологии, опираясь на идеал, знания и институты, создают материально-техническую базу коммунизма. На практике – рассогласование, противоречивость: знания противоречили ценностям, технологии – ценностям и знаниям, реальные результаты противоречили всем элементам системы. Попытка выстроить развитие хозяйства в соответствии с заданным духовной культурой идеалом не удалась.

Внутри повседневной хозяйственной культуры противоречий не наблюдается: ценности не противоречат знаниям, знания и технологии не противоречат ценностям, результаты соответствуют ценностям, знаниям и идеалам. На повседневном уровне шел процесс адаптирования официального идеала, ценностей и технологий. И в этом процессе повседневная хозяйственная культура вступала в противоречие со специализированной хозяйственной культурой во всех элементах структуры. В ценностях специализированная (официальная) и повседневная культура частично или формально совпадали, но пути достижения цели были разные. Если специализированная культура предлагала путь роста благосостояния от общего к частному, то на повседневном уровне более понятен и надежен путь от частного благосостояния к общему. Технологии повседневной хозяйственной культуры, нацеленные, прежде всего, на личное жизнеобеспечение, дополняли специализированную хозяйственную культуру и восполняли ее издержки. Взаимосвязанное рассмотрение специализированного и повседневного уровней советской хозяйственной культуры показывает, что эта сфера культуры находилась в состоянии раскола.

5) В советской массовой литературе обнаруживается общая для всей советской культуры, в том числе, советского искусства, специфика. Эта специфика проявляется в жанрово-тематическом репертуаре. В развитии

советской массовой литературы 1960-1980-х гг. наблюдаются общие для всей советской культуры процессы. Массовая культура, в том числе, искусство, прошли общий процесс утверждения социокультурного монизма в конце 1920-х и перехода к полистильности в период «оттепели». В годы «оттепели» в советском искусстве выделилось несколько направлений по идеолого-политическому критерию, сформировалось несколько типов художников, стали менее публичными запреты и цензура. Шел процесс отхода от догматической интерпретации соцреализма. Советское искусство сделало акцент на «правде жизни». Стремительно развивалась советская фантастика, советский детектив, молодежная «исповедальная проза», реалистическая проза, которая все шире захватывала мир повседневной жизни. Тема повседневности в литературе становится одной из актуальных. Во второй половине 1960-х в советской художественной культуре, в массовом искусстве, в массовой литературе, также как в политической и хозяйственной сферах культуры, проявился «застой» (похолодание духовной атмосферы, консерватизм, усиление цензуры и т.п.). Несомненны и очевидны высокие творческие достижения, но в литературе, также как во всем искусстве и в жизни, вновь – «привычная двойная мораль», технология многослойного подтекста и даже иносказания. Значит, художественная сфера культуры, или подсистема культуры, также как хозяйственная сфера, находилась в состоянии раскола.

Советская массовая литература показывает, насколько тесно связаны между собой три подсистемы культуры – материальная, духовная и художественная. Литература взаимосвязана с идеалом и всеми официальными ценностями советской культуры. Литература тесно взаимосвязана и с хозяйственной культурой: она не просто транслирует ценности хозяйственной культуры, но отчасти регулируется ими, также как регулируется знаниями и технологиями хозяйственной культуры.

б) Массовыми тиражами в СССР издавалось огромное количество литературы. Критериями массового распространения являются: публикация

текста в массовом журнале и отдельным изданием, массовый спрос на данный текст в библиотеках, экранизация этого текста, поскольку интерес к литературному произведению часто возникал после просмотра фильма. Но духовная культура (в том числе, массовая художественная литература) потреблялась неравномерно. Это убедительно доказано изучением читательских интересов. Следуя критериям отбора текстов, из всего обилия изданных в 1960-1980-х произведений советской массовой литературы для рассмотрения в качестве источников, где нашла отражение современная повседневность, в том числе, повседневная хозяйственная культура, остается не так много текстов. Это произведения, наиболее популярные у массового читателя самых разных социально-профессиональных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин, Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества и актуальные вопросы его совершенствования (препринт доклада) / Л. И. Абалкин. – М.: АН СССР, 1980. – 19 с.
2. Абрам, Терц. Что такое социалистический реализм / Терц, Абрам // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. – М., 1989.
3. Адамов, А. Мой любимый жанр – детектив / А. Адамов. – М., 1980.
4. Аксютин, Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-64 гг. / Ю. В. Аксютин. – М.: РОССПЭН, 2004.
5. Амусин, М. В глубину или по поверхности. О конфликте в литературе на деловую тему // Звезда. – 1981. – № 6.
6. Андреев, С. Структура власти и задачи общества // Нева. – 1989. – № 1.
7. Андреев, А. Средний класс в России // Москва. – 1999. – № 12.
8. Аннинский, Л. Провал середины // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Составитель Т.А. Ноткина. – М.: Прогресс, 1991.
9. Аскарова, В.Я. Изучение читательской моды как средство совершенствования руководства чтением художественной литературы: Автореф. дисс. – Л., 1984.
10. Аскарова, В. Я. Влияние читательской моды на чтение художественной литературы. Лекция по спецкурсу / В. Я. Аскарова. – Челябинск: ЧГИК, 1991.
11. Афанасьев, М. Д. За книгой. Место чтения в жизни советского рабочего / М. Д. Афанасьев. – М., 1987.
12. Афанасьева, И. Г. Социалистические ценности и ценностные ориентации личности / И. Г. Афанасьева. – М.: Издательство МГУ, 1986.
13. Ахиезер, А. С. Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. – 1995. – № 1 (5). – Том IV.

14. Безнин, М. А. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 1999. – № 3.
15. Белицайте, И.-Р. В. Экономические аспекты социалистического образа жизни: Дисс. ... канд. экон. наук. – Вильнюс, 1983.
16. Белоусов, Р. А. Экономическая история России: XX век: в 5 книгах / Р. А. Белоусов. – М., 2006. – Книга 5.
17. Борисов, М. Н. О динамике классовой структуры России // Россия накануне XXI века: Материалы научно-практической конференции. – М., 1995.
18. Бродель, Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. – М., 1986. – 592 с. – Т. 1.
19. Булавка, Л. А. Ренессанс и Советская культура // Вопросы философии. – 2006. – № 12.
20. Булавка, Л. А. «Русская душа» и «Советский дух» как два феномена отечественной культуры // Вести Московского университета. Серия 7. Философия. – 2008. – № 3.
21. Булавка, Л. А. Феномен советской культуры / Л. А. Булавка. – М.: Культурная революция, 2008. – 288 с.
22. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
23. Бурдьё, П. Художественный вкус и культурный капитал / П. Бурдьё // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.
24. Бутенко, А. П. Социализм и социальная справедливость / А. П. Бутенко. – М.: АН СССР, Институт экономики мировой социалистической системы, 1983. – 114 с.
25. В главной роли – человек // Театр. – 1980. – № 12.

26. Вайль, П. 60-е: Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. – Изд. 2-е, испр. – М.: Новое литературное обозрение, 1998.
27. Варшавский, Я. Как рождается радость // Советский экран. – 1962. – № 16, август.
28. Васильева, Е. ЗИЛ: молодой читатель // Литературное обозрение. – 1976. – № 12.
29. Васильева, Е. Молодой читатель: тенденции и проблемы // Библиотекарь. – 1978. – № 10.
30. Васильева, Е. П. Читает сельская молодежь // Рабочий – читатель. – М., 1983.
31. Вебер, М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / Под ред. Проф. И.М. Гревса. – Петроград: «Наука и школа», 1923.
32. Веллер, М. Дети победителей. Конец шестидесятых: реквием ровесникам / Михаил Веллер // Правила всемогущества. – СПб., 1997.
33. Веллер, М. Литература Советской Империи / Михаил Веллер // Перпендикуляр. – М., 2008.
34. Веллер, М. Пятикнижие / Михаил Веллер // Легенды Арбата. – М.: «Издательство АСТ», 2010.
35. Волков, Ю. Е. Организация управления обществом // Вопросы философии. – 1965. – № 8.
36. Время. Человек. Искусство // Театр. – 1977. – № 12.
37. Гайдар, Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. – М.: РОССПЭН, 2007. – 448 с.
38. Ганцкая, О. А. Семья: структура, функции, типы // Советская этнография. – 1984. – № 6.
39. Герасимов, С. Молодость духа – молодость творчества // Советский экран. – 1963. – № 2 (146) январь.

40. Герасимова, К. Советская коммунальная квартира как социальный институт: историко-социологический анализ. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. социологических наук. – СПб., 2000.
41. Гладковская, Л. Драматургия и современность // Советская драматургия. – Лениздат, 1978.
42. Горева, Г. Н. Художественная литература в чтении молодых рабочих // История русского читателя. – Л., 1973. – Вып. 1.
43. Горева, Г. Н. Учащийся ПТУ – читатель художественной литературы // Советский читатель (1920-1980). – СПб.: СПбГУКИ, 1992.
44. Григорьева, А. Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953-1964 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2003.
45. Громова, М. И. Русская современная драматургия: Учебное пособие / М. И. Громова. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 160 с.
46. Грушин, Б. А. Массовое сознание / Б. Грушин. – М., 1987.
47. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времени Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина. В 4 книгах. – Институт философии и др. – М., 2001-2006. – Книга 1.
48. Грушин, Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: Очерки массового сознания россиян времени Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина. В 4 книгах. – Институт философии и др. – М., 2001-2006. – Книга 2.
49. Гудков, Л. Массовая литература как проблема. Для кого? // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22.
50. Гурова, О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью / О. Гурова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008.
51. Денисова, Л. Н. Судьба русской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт / Л. Н. Денисова. – М.: РОССПЭН, 2007.

52. Димони, Т. М. От частника к колхознику: трансформация представлений о собственности крестьянского двора в 1930-1950 гг. // *Собственность в представлении сельского населения России (сер. 19–20 вв.): регионально-исторический аспект* / Под ред. Д.С. Точеного. – Ульяновск: УлГУ, 2001.
53. Димони, Т. М. История колхозной деревни в романном творчестве Федора Абрамова // *Отечественная история*. – 2002. – № 1.
54. Димони, Т. М. Модернизация аграрной экономики // *Российская история*. – 2009. – № 3.
55. Добренко, Е. А. Формовка советского читателя: социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. А. Добренко. – СПб., 1997.
56. Добренко, Е. Политэкономия соцреализма / Е. Добренко. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.
57. Добрынина, Н. Е. Проблемы библиотечного обслуживания сельского населения / Н. Е. Добрынина, С. М. Смирнова // *Социология и психология чтения*. – М.: Книга, 1979.
58. Доценко, А. М. Повседневная жизнь советского города начала 1950-х – первой половины 1980-х годов (на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области): Автореферат диссертации. – Самара: Экономический университет, 2007.
59. Дубин, Б. Читатель в обществе зрителей // *Знамя*. – 2004. – № 5.
60. Дубин, Б. Качество или диплом? // *Pro et Contra*. – 2010, май-июнь.
61. Духовный облик поколений, воспитанных на идеях и свершениях Октября // *Советская педагогика*. – 1977. – № 10. – С. 3-8.
62. Егоров, О. М. Штрихи к социально-психологическому портрету актера // *Социологическое исследование интеллигенции*. – М., 1982.
63. Русские писатели, XX век. – М.: Просвещение, 1998. – Т. 1.
64. Ежегодник БСЭ. – М., 1966-1975.

65. Жизненные планы и ценностные ориентации колхозников // Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. – М.: «Мысль», 1970. – Глава IV.
66. Завершинский, К.Ф. Культура и хозяйство / К. Ф. Завершинский // Культура и культурология в жизни общества. – Великий Новгород. – 2000. Глава I.
67. Зайцев, В. Г. Читательский формуляр рабочего // Рабочий – читатель. – М., 1983.
68. Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. – М.: РОССПЭН, 2004.
69. Зарубина, Н. Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. – М.: Магистр, 1998.
70. Зарубина, Н. Н. Хозяйственная культура как фактор модернизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. – М., 2000.
71. Заславская, Т. И. О социальных функциях миграции сельского населения в городе // Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. – М., 1970.
72. Заславская Т. И. Социология экономической жизни. / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина. – Новосибирск: Наука, 1991.
73. Захаров, А. В. Массовое общество в России // Массовая культура и массовое искусство. «За» и против». – М.: Гуманитарий, 2003.
74. Зверев, В. В. Новые подходы к художественной литературе как историческому источнику // Вопросы истории. – 2003. – № 4.
75. Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема: Сборник. – М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1995.

76. Ильин, В. И. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ 1917-1996. Опыт конструктивистско-структуралистского анализа / В. И. Ильин. – Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1996. – 349 с.
77. Ильина, Н. Литература и «массовый тираж» (О некоторых выпусках «Роман-газеты») // Новый мир. – 1969. – № 1.
78. Инькова, Л. М. Советская массовая библиотека и пропаганда книги // Чтение в изменяющемся мире: Сборник научных работ. – Москва, 1974.
79. Ионин, Л. Г. Логика и история повседневности // Л. Г. Ионин. Социология культуры. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – Глава 3.
80. Ионин, Л. Г. Советский политический канон / Л. Г. Ионин // Социология культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – Глава 5.
81. Ионин, Л. Г. Культура и социальная структура / Л. Г. Ионин // Социология культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004.
82. Ионин, Л. Г. Советский политический канон / Л. Г. Ионин // Социология культуры. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – Глава 5.
83. Ильенков, Э. В. Об идолах и идеалах / Э.В. Ильенков. – М., 1968.
84. Кавелти, Дж. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. – 1996. – № 22.
85. Каган, М. С. Искусство как феномен культуры // Искусство в системе культуры / Сост. и отв. ред. М.С. Каган. – Ленинград: «Наука», 1987.
86. Каган, М. С. Философия культуры. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
87. Каган, М. С. Философская теория ценности. – СПб.: «Петрополис», 1997.
88. Каган, М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974.
89. Кагарлицкая, С. Я. Авторское искусство в системе массовой культуры / С. Я. Кагарлицкая // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.

90. Казак, В. Лексикон русской литературы XX века / В. Казак. – М.: РИК «Культура», 1996.
91. Калтахчян, С. Т. Советский народ // Философский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1989.
92. Канн, Г. Семья писателя Вадима Кожевникова на Томской земле // Информационно-методический бюллетень Томского областного архивного управления. – 2008. – № 576, 5 октября. <http://www.lebed.com/2008/art5394.htm>
93. Кара-Мурза, С. Г. Советская цивилизация. – Киев, 2004.
94. Кара-Мурза, С. Г. Советская экономическая система / С. Г. Кара-Мурза // Советская цивилизация. http://www/kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a83.htm
95. Караханова, Т. М. Жизненные ценности городских жителей // Ценности повседневной деятельности горожан. – М., 2004.
96. Касавин, И. Т. Анализ повседневности / И. Т. Касавин, С. П. Щавель. – М.: Ин-т философии РАН, 2004.
97. Каточигова, Е. Р. Вещи в художественном изображении // Русская словесность. – 1998. – № 4.
98. Кнабе, Г. С. Диалектика повседневности / Г. С. Кнабе // Древо познания – древо жизни. – М.: РГГУ, 2006.
99. Кнабе, Г. С. Перевернутая страница. – М.: РГГУ, 2002. – 60 с.
100. Кнабе, Г. С. Эти пятьдесят лет // Вопросы литературы. – 2007. – Март, апрель.
101. Книга и чтение в жизни небольших городов. По материалам исследования чтения и читательских интересов. – М., 1973.
102. Книга, чтение, библиотека. Советские исследования по социологии чтения, литературы, библиотечного дела 1965-1985 гг. / Сост. А. И. Рейтблат, Т. М. Фролова. – М., 1987.

103. Коган, Л. Н. Трудовой коллектив и проблемы всестороннего развития личности // Социалистическая личность и культура. Сборник научных трудов. – Свердловск, 1984.
104. Коган, Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. – М.: Мысль, 1984. – 252 с.
105. Козлова, Н. М. Соцреализм как феномен массовой культуры // Знакомый незнакомец: Социалистический реализм как историко-культурная проблема: Сборник. – М., 1995.
106. Козлова, Н. Н. Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. – М., 2005. – 544 с.
107. Колотаев, В. А. Бытование реальности в зеркале искусства / В. А. Колотаев // Третий Российский культурологический конгресс. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 183.
108. Кометчиков, И. В. Крестьянство и власть в 1945-1953 гг.: общественно-политическая жизнь и повседневность (по мат-м обл. Центр. Нечерноземья РСФСР): Автореф. дисс. – Брянск: Пед. ун-т, 2005.
109. Кондаков, И. В. Культура России. Часть 1. Русская культура: краткий очерк истории и теории / И. В. Кондаков. – М.: Книжный дом «Университет», 2000. – 360 с.
110. Кондаков, И. В. Культурология: история культуры России: Курс лекций / И. В. Кондаков. – М.: ИКФ Омега-Л, Высш. шк., 2003. – 616 с.
111. Кондаков, И. В. «Таяние льдов»: миссия «оттепели» / И. В. Кондаков, Л. Б. Брусиловская Л. Б. // Вестник Удмуртского университета. – 2006. – № 12.
112. Конев, В. П. Советская художественная культура периода 30-х – 80-х годов XX века: теоретико-методологический анализ. Автореферат диссертации. – Кемерово, 2004.

113. Конев, В. П. Советская художественная культура периода 30-х – 80-х годов XX века: теоретико-методологический анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии. – Новосибирск, 2004.
114. Костина, А. В. Советская массовая культура / А. В. Костина // Массовая культура как феномен постиндустриального общества. Изд. 4-е. – М., 2008.
115. Котов, Э. П. Домашнее хозяйство и бытовое обслуживание. – Рига: «Авотс», 1982. – 167 с.
116. Кравцевич, Э. Читатель – рабочая молодежь / Книга в жизни молодежи. – Минск, 1971.
117. Кривошеев, В. В. Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социологические исследования. – 2009. – № 3.
118. Кузнецов, В.А. Экономическая культура: проблема онтологического статуса: автореферат дисс. – Чебоксары, 2006.
119. Кузнецова, Л. Н. Экономическая природа и роль премии в повышении эффективности производства: Автореферат диссертации. – Л., 1978.
120. Кузнецова, Т. Ф. Жанр массовой беллетристики / К. З. Акопян, А. В. Захаров и др. // Массовая культура. – М.: Альфа-М, 2004. – С. 256-280.
121. Кузнецова, Т. Ф. Массовая культура и массовая беллетристика / Т. Ф. Кузнецова, Вл. А. Луков, М. В. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2008. [http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/kuznetsova and lukovs](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/kuznetsova%20and%20lukovs)
122. Кулаков, С. Н. Диалектические противоречия в экономической системе коммунизма: Дисс. – Л., 1984.
123. Кулакова, Т. А. Домашнее хозяйство в экономической системе социализма. Автореферат диссертации. – Ленинград, 1985.

124. Куцев, Г. Ф. Новые города (Социологический очерк на материалах Сибири) / Г. Ф. Куцев. – М. : «Мысль», 1982.
125. Лебина, Н. Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки / Н.Б. Лебина – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006.
126. Левада, Ю. От мнений – к пониманию: Статьи 1993-2000 гг. / Ю. Левада. – М., 2000.
127. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950-1990-е годы. В 2 т.: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. Т. 1. 1953-1968. Т. 2 1968-1990. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2006.
128. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: Дис. ... д-ра культурол. наук. СПб., 2002.
129. Лелеко, В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. – СПб., 2002.
130. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв. – М.: «Гнозис» и Изд. группа «Прогресс», 1992.
131. Лотман, Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. – Т.3. – Таллин, 1993. – С. 380-388.
132. Лотман, Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство СПб», 2002.
133. Лотман, Ю. М. К современному понятию текста / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб.: «Искусство СПб», 2002.
134. Лукаш, Н. П. Повседневная культура советских шестидесятых / Н. П. Лукаш // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 48. – С. 120-126.

135. Лукаш, Н. П. Культура и человек в советской повседневности 60-70-х годов. Автореферат диссертации. – Нижневартовск, 2008.
136. Любарт, М. К. Возможности французской художественной литературы как источника по этнографии семьи / М. К. Любарт //V Конгресс этнографов и антропологов России. М., 2003.
137. Мазная, Е. К. Домашнее хозяйство в системе экономических отношений общества. Автореферат диссертации. – Самара, 2006.
138. Малиа, М. Советская трагедия: История социализма в России. 1917-1991 / М. Малиа; пер. с англ. – М., 2002.
139. Мальковская, Т. Н. Теоретические основы исследования ценностных ориентаций и интересов школьников / Т. Н. Мальковская // Ценностные ориентации и интересы школьников. Сборник научных трудов. – М., 1983.
140. Маневич, Е. Л. Труд // БСЭ / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: «Советская энциклопедия», 1977. – Т. 26.
141. Манкевич, И. А. Литературно-художественное наследие как источник культурологической информации / И. А. Манкевич // Обсерватория культуры. – 2007. – № 5.
142. Манкевич, И. Филология и культурология: «философия» межнаучных коммуникаций в пространстве гуманитарной культуры / И. Манкевич // Вопросы культурологи. – 2008. – № 2.
143. Маркарян, Э. С. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1983. – 319 с.
144. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука (Логико-методологический анализ). – М.: Мысль, 1983.
145. Маневич, Е. Л. Труд // Философский энциклопедический словарь. – М., 1989.

146. Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.
147. Материалы Пленума ЦК КПСС. 14-15 июня 1983 г. – М.: Политиздат, 1983.
148. Материалы XXII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1961.
149. Материалы XXIV съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1971.
150. Материалы XXV съезда КПСС – М.: Политиздат, 1976.
151. Материалы XXVI съезда КПСС. – М., 1981.
152. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937 годы) / М.Г. Меерович. – М.: РОССПЭН, 2008. – 303 с.
153. Мельников, Н. Г. Понятие «массовая литература» в современном литературоведении // Литературоведение на пороге XXI века: Материалы международной научной конференции. – М.: Рандеву-АМ. – 1998.
154. Мельников, Н. Г. Массовая литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М., 2001.
155. Мироедов, Д. А. Домашнее хозяйство в системе общественного воспроизводства. Автореферат диссертации. – Кострома, 2000.
156. Могильнер, М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа / М. Могильнер // Новое литературное обозрение. – М., 1999. – Вып. XVI.
157. Моральный кодекс строителя коммунизма
«<http://ru.wikipedia.org/wiki>
158. Мосолова, Л. М. Методологические проблемы освоения мирового культурного наследия в контексте глобализации / Л. М. Мосолова // Методология культурологического исследования: Сборник научных трудов. – СПб.: Астерион, 2006.
159. «Мосфильм» в предсъездовские дни // Советский экран. – 1961. – № 18 (сентябрь).

160. На пятом съезде писателей СССР // Театр. – 1971. – № 10.
161. Найшуль, В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. Т.А. Ноткина. – М.: Прогресс, 1991.
162. Наркевич, А. Ю. Детективная литература // Краткая литературная энциклопедия / Главный редактор А.А. Сурков. Т. 2. – М.: «Советская энциклопедия», 1964.
163. Народная общедоступная фонотека «Золотой век радиотеатра». <http://sheba.spb.ru/radio.htm>
164. Огрызко, В. В. Из поколения шестидесятников: Материалы к словарю русских писателей двадцатого века. – М.: Литературная Россия, 2003.
165. Огрызко, В. Русские писатели. Современная эпоха. Лексикон. – М.: Литературная Россия, 2004.
166. Орлова, Э. А. Динамика культуры и целеполагающая активность человека // Морфология культуры. Структура и динамика. – М., 1994.
167. Орлова, Э. А. Образ жизни как культурологическая категория // Морфология культуры. Структура и динамика. – М.: Наука, 1994.
168. Орлова, Э. А. Отношения между обыденным и специализированным уровнями культуры // Морфология культуры. Структура и динамика. – М.: Наука, 1994.
169. Орлова, Э. А. Морфология культуры // Культурология. XX век: словарь. СПб., 1997.
170. Осипова, И. П. Распространенность чтения и изучение читателя в СССР // Чтение в изменяющемся мире: Сборник научных работ. – Москва, 1974.
171. Павлова, Е. И. Читательские интересы городской семьи и их реализация // Культура семьи как объект социологического исследования. Сборник статей. – Свердловск : УНЦ РАН СССР, 1980.

172. Панова, В. «Специфика» - в содружестве // Советский экран. – 1961. – апрель, № 7 (103).
173. Парфенов, Л. Намедни. Наша эра. 1961-2003. Энциклопедия советской жизни. – Россия, 1997-2003.
174. Парыгин, Б. Д. Социально-психологический климат трудового коллектива. – Л.: Знание, 1981.
175. Пащенко, В. С. Домашнее хозяйство в развитом социалистическом обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Киев, 1982.
176. Петрова, Е. Н. Индивидуальная работа со студентами в вузовской библиотеке / Вузовские библиотеки Центральной зоны РСФСР: Опыт работы. – Калинин, 1984.
177. Платонов, О. А. Воспоминания о народном хозяйстве. – М.: «Советская Россия», 1990.
178. Платонов, О. А. Русский труд. – М.: Современник, 1991.
179. Политическая экономия: Учебник для экон. вузов и фак. / Румянцев А.М. и др. – 5-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1982. – 560 с. – Т. 2.
180. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС // XXVII съезд КПСС. Стенографический отчет. – М.: Изд. политической литературы, 1986. – Том 1.
181. Полковникова, Л. Я., Соловьева Л.А. Цели и средства выбора литературы в массовых библиотеках // Читательские интересы школьников и работающей молодежи. – Л., 1976.
182. Поляков, Ю. А. Союз муз // Отечественная история. – 2002. – № 1.
183. Попов, В. Великий плановый эксперимент / А. Попов, Н. Шмелев // Погружение в трясину: (Анатомия застоя) / Сост. Т.А. Ноткина. – М.: Прогресс, 1991.
184. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 мая 1982г. № 433 «Об улучшении управления сельским хозяйством и

- другими отраслями агропромышленного комплекса» // СП СССР, 1982. – № 17.
185. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы Майского Пленума ЦК КПСС 1982 года. – М., 1982.
186. Пушкарева, Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» //Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5.
187. Пушкарева, Н. История повседневности (<http://www.krugosvet.ru>)
188. Радаев, В. В. Хозяйственная мотивация в условиях монополизма советского типа //Вопросы экономики. – 1990. № 6. – С. 53-61.
189. Радаев, В. В. Исчез ли социализм? Опыт интеллектуальной самокритики // Родина.– 1993. – № 2.
190. Радаев, В. В. Два корня российского предпринимательства: фрагменты истории //Мир России. 1995. – Т.4. – № 1.
191. Радаев, В. В. Хозяйственный мир России: советское общество // Российский экономический журнал. – 1996. – № 4.
192. Радаев, В. В. Социальная стратификация в советском обществе / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан // Социальная стратификация. 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
193. Радаев, В. В. Человек в домашнем хозяйстве // Социологические исследования. – 1997. – № 4.
194. Радаев, В. В. Экономическая социология: Курс лекций. – М.: Аспект Пресс, 2000.
195. Радаев, В. В. Деформализация правил и уход от налогов в российской хозяйственной деятельности //Вопросы экономики. – 2001. – № 6.
196. Радаев, В. В. Неформальная экономика как форма хозяйства / В. В. Радаев // Экономическая социология. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – Глава 8.

197. Родионов Ст. Почему мне нравится детектив / Ст. Родионов // Аврора. – 1980. – № 9.
198. Райтблат, А. И. Исследование «Чтение в вашей жизни»: основные итоги и результаты / Чтение в вашей жизни (по итогам социологического исследования в городах РСФСР): Материалы к обсуждению. – М.: ГБЛ, 1988.
199. Райтблат, А. Уголовный роман: между преступлением и наказанием // Уголовный роман. – М., 1992.
200. Ракитский, Б. В. Образ жизни: рубежи 1985 года. – М.: Политиздат, 1981.
201. Резник, С. Д. Домашнее хозяйство как социально-экономическая система: механизмы управления. / С. Д. Резник, Н. Ю. Егорова. – Пенза: ПГУАС, 2007.
202. Реформы А.Н. Косыгина и причины их неудач // Вопросы истории. – 2009. – № 1,2.
203. Ройфе, А. Б. Анализ массовой культуры советскими учеными как выполнение госзаказа // Инновационные аспекты культурной политики в России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – СПб.: Астерион, 2008. – 206 с.
204. Руднев, В. П. Массовая культура / В.П. Руднев // Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: «Аграф», 2001.
205. Руткевич, М. Н. Социальные перемещения / М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов. – М., 1970.
206. Рыжов, Ю. А. Реструктуризация экономики. – СПб.: Издательство СПбГУП, 2008. – 24 с.
207. Рыночная психология в контексте русской ментальности (региональный аспект) / Ред. Д.С. Точеный. – Ульяновск: УлГУ, 2000.
208. Рысс, Е. Книги А. Адамова / А. Адамов // Круги по воде». – М., 1970.

209. Савка, А. В. Роль исторических традиций в формировании хозяйственной культуры. Автореферат диссертации. – М., 2002.
210. Саморуков, И. И. Массовая литература: проблемы художественной рефлексии. Автореферат диссертации. – Самара, 2006.
211. Самохвалова, В. И. Язык масскульта и современная мифология // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.
212. Санько, К. Сельская молодежь и библиотека / Книга в жизни молодежи. – Минск, 1971.
213. Селеменова, М. В. Поэтика повседневности в городской прозе Ю. Трифонова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2008. – № 59, вып. 16. – С. 195-208.
214. Семидесятые как предмет истории русской культуры / Сост. К. Ю. Рогов. – М.: О.Г.И., 1998. – 304 с.
215. Скворцова, И. А. Уровень освоения культурных ценностей выпускниками средней школы // Ценностные ориентации и интересы советских школьников. Сборник научных трудов. – М., 1983.
216. Славина, М. А. Профессия как ценность // Ценностные ориентации личности. Пути и способы их формирования. Тезисы докладов научной конференции. – Петрозаводск, 1984.
217. Собственность в представлении сельского населения России (середина 19 – 20 вв.): регионально-исторический аспект / Под ред. Д. С. Точеного. – Ульяновск: УлГУ, 2001.
218. Советская интеллигенция и ее роль в строительстве коммунизма. – М.: «Наука», 1983.
219. Советский простой человек / Отв. Ред. Левада Ю.А. – М.: Мировой океан, 1993.
220. Советский читатель. Опыт конкретно-социологического исследования. – М.: Издательство «Книга», 1968. – 343 с.

221. Советский читатель – рабочий: Методические рекомендации. – М.: Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, 1977.
222. Соколов, А. К. Социальная история, литература, искусство: взаимодействие в познании реалий XX века // История России XIX-XX веков: новые источники понимания / Под ред. С.С. Секеринского – М., 2001.
223. Соколов, Е. Г. Аналитика масскульты. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – 280 с.
224. Соколов, К. Б. Анекдот и официальная картина мира // Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века. – М.: «Индрик», 2002.
225. Соколов, Е. Г. Массовая культура советского периода / Е. Г. Соколов, С. Г. Твердохлебов // Ценности советской культуры в контексте глобальных тенденций XXI века. Материалы научной конференции. – СПб., 2003.
226. Сорокина, К. Современность – широким экраном / К. Сорокина, М. Александрова // Советский экран. – 1963. – № 6 (150) март.
227. Социалистическая личность и культура. Сборник научных трудов. – Свердловск, 1984.
228. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С. А.Ерофеева. – Казань: Издательство Казанского университета, 1997. – 420 с.
229. Стракович, Ю. В. Роль культурологи и социологии в изучении искусства XX-XXI веков / Ю. В. Стракович // Третий Российский культурологический конгресс. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 188.
230. Суминова, Т. Н. Текст, контекст, гипертекст (Размышления о художественном произведении) // Общественные науки и современность. – 2006. – № 3.

231. Суминова, Т. Н. Информационные ресурсы художественной культуры (артосферы). – М.: «Академический проект», 2006.
232. Сусоколов, А. А. Роль миграций в истории русского этноса / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов // Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М.:Аспект Пресс, 1998. – С. 86-103.
233. Сухоруков, Н. Д. Сочетание материальных и моральных стимулов к труду как фактор экономического развития в условиях социализма: Диссертация. – Л., 1972.
234. Табаков, О. П. Моя настоящая жизнь: Автобиографическая проза. – М., 2000.
235. Трифионов, Ю. Записки соседа // Дружба народов. – 1989. - № 10.
236. Тяжелникова, В. С. (Нидерланды) – Домохозяйство горожан в 1960-1980-е гг.: структура и стратегии экономического поведения //Отечественная история. – 2006. – № 4.
237. Уварова, И. П. Семидесятые: хроника культурной жизни / И. П. Уварова, К. Рогов // Семидесятые как предмет истории русской культуры / Сост. К. Ю. Рогов. – М.: О.Г.И., 1998.
238. Утехин, И. В. Быт больших коммунальных квартир г. Ленинграда (Петербурга) в 1970е–90е гг.: стереотипы повседневного поведения. Автореферат диссертации. – М., 2001.
239. Филиппова, Е. И. Художественная литература как источник для изучения города // Советская этнография. – 1986. – № 4.
240. Флиер, А. Ю. Культурология для культурологов: Учеб. пособ. для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей. – М.: Академический проект, 2002.
241. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 2002.

242. Хализев, В. Е. Культурология в ее значимости для современного литературоведения // Литературоведение на пороге XXI века: Материалы международной научной конференции. – М.: Рандеву-АМ. – 1998.
243. Ханин, М. Г. Социальные функции печати и личностные функции чтения / М. Г. Ханин // Социология и психология чтения. – М.: Книга, 1979.
244. Харчева, В. Г. Ценностные ориентации в процессе становления и жизнедеятельности личности. Автореферат диссертации. – М., 1983.
245. Частный сектор в условиях социалистического строительства / Отв. ред. А.П. Бутенко, Н.Л. Лушина. М.: Институт экономики мировой соц. системы АН СССР, 1981. – 200 с.
246. Черняк, М. А. Феномен массовой литературы XX века: проблемы генезиса и поэтики: Диссертация. – СПб., 2005.
247. Честертон, Г. К. В защиту «дешевого чтения» / Г. К. Честертон // Писатель в газете: Художественная публицистика / Пер. с англ.; Послеслов. С. С. Аверинцева. – М.: Прогресс, 1984.
248. Читательские интересы рабочей молодежи. – М.: «Книга», 1966.
249. Читательские интересы школьников и работающей молодежи. – Л., 1976.
250. Читательский спрос в массовых библиотеках в 1977 г. – М., 1978.
251. Читателям – лучшие книги (Из опыта работы библиотек республики с художественной литературой). – Минск, 1966.
252. Чтение подростка и библиотека / Под общ. ред. Х. Хансена. – Таллин, 1980.
253. Чубарьян, О. С. Человек и книга (социальные проблемы чтения) / О. С. Чубарьян. – М.: Наука, 1978.
254. Чудакова, М. Пора меж оттепелью и застоем (Ранние семидесятые) / М. Чудакова // Семидесятые как предмет истории русской культуры / Сост. К. Ю. Рогов. – М.: О.Г.И., 1998.

255. Чудакова, М. Литература советского прошлого / М. Чудакова. – М.: Языки русской культуры, 2001. – Т. 1.
256. Чупринин, С. И. Новая Россия: мир литературы: Энциклопедический словарь-справочник: в 2 т. / С. И. Чупринин. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002.
257. Чупринин, С. И. Русская литература сегодня. Путеводитель / С. И. Чупринин. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003.
258. Чупринин, С. И. Русская литература сегодня: Новый путеводитель / С. И. Чупринин. – М.: Время, 2009.
259. Чухрай, Г., делегат XXII съезда КПСС Великие цели // Советский экран. – 1961. – № 23, декабрь.
260. Шагинян, М. Человек и время / М. Шагинян. – М.: Советский писатель, 1980.
261. Шапинская, Е. Н. Массовая культура в теоретических исследованиях // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «против». – М.: Изд-во «Гуманитарий» АГИ, 2003.
262. Шапинская, Е. Н. Культура повседневности в академическом дискурсе // Обсерватория культуры. – 2006. – № 5.
263. Шведов, С. Книги, которые мы выбираем // Погружение в трясину: (Анатомия застоя). / Составитель Т.А. Ноткина. – М.: Прогресс, 1991.
264. Шейнин, Л. Писатель, кино, время // Советский экран. – 1962. – декабрь, № 23.
265. Шереги, Ф. Э. Структура читательских предпочтений // Социологические исследования. – 1986. – № 3.
266. Шестаков, В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов / В. А. Шестаков. – М.: Наука, 2006. – 296 с.

267. Шишкина, Л. И. Художественное произведение как «код культуры» / Л. И. Шишкина // Третий Российский культурологический конгресс. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 508.
268. Шкаратан, О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. – М., 1970.
269. Шкаратан, О. И. Теории стратификации общества реального социализма / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан // Социальная стратификация. 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 318 с.
270. Шкловский, Е. А. Вступительная статья к сборнику Ю. В. Трифонова «Дом на набережной: Повести и рассказы. – М., 2001.
271. Шор, Ю. М. Культура и образ / Ю. М. Шор // Третий Российский культурологический конгресс. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: ЭЙДОС, 2010. – С. 256.
272. Шубкин, В. Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований) / В. Н. Шубкин. – М., 1970.
273. Шюц, А. Структура повседневного мышления / Пер. с англ. //Социологические исследования. – 1988. – № 2.
274. Шюц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шюц. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.
275. Эйхенбаум, Б. Мой современник. Маршрут в бессмертие / Б. Эйхенбаум. – М.: Аграф, 2001.
276. Экономические законы социализма: система, особенности действия, формы и методы использования / Под ред. Л.И. Абалкина и Г. Шульца. – М.: «Мысль», 1981. – 318 с.
277. Экрану – большая литература // Советский экран. – 1961. – апрель, № 7 (103).
278. Элиаде, М. Аспекты мифа. – М., 1995.

279. Dunham V.S. In Stalin's Time. Middleclass Values in Soviet ... -
Cambridge, 1977.
280. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
281. <http://sheba.spb.ru/radio.htm> Народная общедоступная фонотека
«Золотой век радиотеатра»
282. <http://dic.academic.ru>
283. <http://www.ozon.ru/context/detail/id/127458/>
284. <http://www.krugosvet.ru>
285. <http://newdrama.spb.ru/modern/sokolova.htm>
286. <http://www.rusf.ru/litved/biogr/efremov.htm>
287. <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/roman/efremov/index1.html>

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 2

Приложение 1. Государственные премии

Ленинские премии (10 000 рублей каждая), согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 сентября 1966, присуждались один раз в два года (всего 30, 25 – по науке и технике, 5 – по литературе, искусству, архитектуре). Государственная премия СССР вручалась с 1966 года, составляла 5000 рублей. Государственная премия РСФСР вручалась с 1965 г., составляла 2500 рублей. Премия Ленинского комсомола была учреждена в 1966 г., составляла 5000 рублей. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 марта 1969 года была учреждена Государственная премия за произведения литературы и искусства для детей. Премия Совета Министров СССР была учреждена 28 мая 1969 года постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР и присуждалась за выдающиеся достижения в развитии народного хозяйства и науки, в частности, за разработку и внедрение новых технологических решений, имеющих важное значение для развития промышленности, энергетики и сельского хозяйства. Награждение включало вручение диплома, нагрудного знака «Лауреат премии Совета Министров СССР», а также денежных выплат коллективам [280].

Приложение 2. Ответы на вопрос о предметах (названных исследователями) длительного пользования и видах недвижимости, имеющихся в доме (хозяйстве). В % к числу опрошенных

Группа	Холодильник	Стир. маш.	ТВ	Магнитофон	Пианино	Мотоцикл	Автомобиль	Дом	Квартира	Дача	Участок
В целом	29	55	59	9	3	11	2	54	1	1	3
Рабочие	23	56	61	8	1	12	1	45	1	1	2
ИТР	71	71	71	20	7	10	2	7	2	2	15
Интеллигенция	61	78	74	22	20	13	4	26	2	2	7
Служащие	52	64	73	11	7	13	3	37	2	1	5
Колхозники	8	43	48	2	0	10	0	95	0	0	0

Ответы жителей городов. В % к числу опрошенных горожан

Группа	Холодильник	Стир. маш.	ТВ	Магнитофон	Пианино	Мотоцикл	Автомобиль	Дом	Квартира	Дача	Участок
В целом	48	61	74	16	6	8	4	29	2	2	7
Рабочие	34	60	71	12	2	10	2	33	2	1	4
ИТР	78	69	81	22	6	6	0	0	3	3	19
Интеллигенция	74	77	74	23	26	9	6	14	3	3	9
Служащие	66	60	81	17	8	4	6	26	4	2	9

Ответы жителей сел. В % к числу опрошенных сельчан

Группа	Холодильник	Стир. маш.	ТВ	Магнитофон	Пианино	Мотоцикл	Автомобиль	Дом	Квартира	Дача	Участок
В целом	8	50	45	2	0	13	0	77	0	0	0
Рабочие	7	51	46	2	0	16	0	61	0	0	0
ИТР	29	71	14	14	0	29	0	43	0	0	0
Интеллигенция	11	78	67	22	0	33	0	67	0	0	0
Служащие	17	66	62	0	3	21	0	66	0	0	0
Колхозники	8	48	49	2	0	11	0	95	0	0	0

Ответы на вопрос: что планируют приобрести в ближайшие 2-3 года.**В % к общему числу опрошенных**

Группа	Холо- дильник	Стир. маш.	ТВ	Магни- тофон	Пиа- нино	Мото- цикл	Авто- мобиль	Дом	Квар- тира	Дача	Учас- ток
В целом	21	10	13	6	1	10	3	0	1	1	0
Рабочие	25	12	16	7	1	13	2	0	2	1	0
ИТР	27	7	15	15	2	12	2	0	0	2	0
Интели- генция	17	9	13	9	4	11	9	0	2	2	0
Служащие	23	14	13	11	1	13	2	0	4	1	0
Колхоз- ники	19	11	12	3	0	13	3	0	2	1	0

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ 3

Приложение 1. Произведения массовой литературы, опубликованные со второй половины 1950-х до середины 1960-х

Произведения, посвященные современной повседневности, либо затрагивающие современность, опубликованные со второй половины 1950-х до середины 1960-х в журналах и отдельными изданиями: Адамов А. «Дело пестрых» (1956), «Личный досмотр» (1963) и др.; Айтматов Ч. «Тополек мой в красной косынке» (1961), Аксенов В. «Коллеги» (1960), «Звездный билет» (1961), «Апельсины из Марокко» (1962); Алексеев М. «Хлеб – имя существительное» (1963), Алексин А. «Оля пишет Коле, Коля пишет Оле», Амлинский В. «Станция первой любви» (1961), Андреев А. «Рассудите нас, люди» (1960), Антонов С. «Дело было в Пенькове» (1956), «Порожний рейс» (1960) и др.; Арбузов А. «Иркутская история» (1959), Астафьев В. «Тают снега» (1957), «Перевал» и др. (1959-61); Бедный Б. «Девчата» (1961); Велембовская И. «Женщины» (1964); Владимов Г. «Большая руда» (1961), Герман Ю. «Дело, которому ты служишь» (1957), «Дорогой мой человек» (1961), «Я отвечаю за все» (1962-1965); Гладилин А. «Бригантина поднимает паруса» (1959), «Вечная командировка» (1962) и др.; Гранин Д. «Иду на грозу» (1962); И. Грекова «Дамский мастер» (1963); Дорош Е. «Два дня в райгороде» (1958), «Райгород в феврале» (1962) и др.; Ефремов И. «Туманность Андромеды» (1957), «Лезвие бритвы» (1961) и др.; Иванов А. «Тени исчезают в полдень» (1963), Каверин В. «Открытая книга» (в 3 ч., 1956), «Косой дождь» (1962) и др.; Казаков Ю. «В город» (1961) и др.; Карелин Л. «Общежитие» (1957), «Микрорайон» (1962) и др.; Кетлинская В. «Иначе жить не стоит» (1960), Кожевников В. «Знакомьтесь, Балуюев» (1960); Конецкий В. «Завтрашние заботы» (1961) и др.; Коптяева А. «Дерзание» (1958), «Дар земли» (1963), Кочетов В. «Братья Ершовы» (1958), «Секретарь обкома» (1961); Краковский В. «Письма Саши Бунина» (1962),

Крутилин С. «Липяги» (1963-1965); Кузнецов А. «Продолжение легенды» (1957) и др.; Кунин В. «Я работаю в такси» (1962); Липатов В. «Своя ноша не тянет» (1959) и др.; Маканин В. «Прямая линия»; Нагибин Ю. «Ночной гость» и др.; Николаева Г. «Битва в пути» (1957), Панова В. киноповесть «Рабочий поселок» (1964); Рекемчук А. «Время летних отпусков» (1959), «Молодозелено» (1961) и др.; Рощин М. «Мой учитель Гриша Панин» (1965), Рыбаков А. «Екатерина Воронина» (1956), «Приключения Кроша» (1960); Семенов Ю. «При исполнении служебных обязанностей» (1962), «Петровка, 38» (1963); Семин В. «120 км до железной дороги» (1964), «Семеро в одном доме» (1965); Солоухин В. «Капля росы» (1959), «Свидание в Вязниках» (1964) и др.; Стругацкие А. и Б. «Страна багровых туч» (1959), «Трудно быть богом» (1964), «Понедельник начинается в субботу» (1965) и др.; Тендряков В. «Ухабы» (1956), «Суд» (1960), «Поденка – век короткий» (1965) и др.; Трифонов Ю. «Утоление жажды» (1962); Шукшин В. сборник «Сельские жители» (1963) и др.

Приложение 2. Произведения массовой литературы, экранизированные во второй половине 1950-х – начале 1980-х

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х были экранизированы произведения: Адамов А. «Дело «пестрых», 1958, лидер проката, 33,7 млн. зрителей; Аксенов В. «Коллеги», 1962, лидер проката 1963 г., 35 млн. зрителей; Аксенов В. «Звездный билет» («Мой младший брат»), 1963, 23 млн. зрителей; Алексин А. «Я вам пишу» (1959); Антонов С. «Дело было в Пенькове», 1957, лидер проката 1958, 30,5 млн. зрителей; Антонов С. «Порожний рейс», 1962, 23 млн. зрителей, Серебряная медаль МКФ в Москве 1963 года; Бедный Б. «Девчата», 1962; Велембовская И. «Женщины», 1965, лидер проката, 35,6 млн. зрителей; Владимов Г. «Большая руда», 1964, 19,9 млн. зрителей; Герман Ю. «Дорогой мой человек», 1958; Гранин Д. «Иду на грозу», 1965, прокат 19,9 млн. зрителей; Кожевников В. «Знакомьтесь, Балувев»,

1963, 20,6 млн. зрителей; Конечкий В. «Завтрашние заботы», 1963; Кочетов В. «Секретарь обкома», 1964; Нагибин Ю. «Ночной гость», 1958; Николаева Г. «Битва в пути», 1961, лидер проката 1961 года – 38,3 млн. зрителей; Рекемчук А. «Время летних отпусков», 1961; Рекемчук А. «Молодо-зелено», 1962, прокат 1963 года – 23,6 млн. зрителей; Рыбаков А. «Екатерина Воронина», 1957, прокат 27,8 млн. зрителей; Рыбаков А. «Приключения Кроша», 1962, прокат 19,2 млн. зрителей; Шукшин В. «Живет такой парень» («Сельские жители»), 1964, прокат 15 млн. зрителей; Шукшин В. «Ваш сын и брат» (по рассказам), 1965, 15 млн. зрителей).

Ряд литературных произведений, опубликованных во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х, были экранизированы позже: М. Алексеев «Хлеб – имя существительное» – в 1968 году («Журавушка», лидер проката 1969 года, 37,2 млн. зрителей). И. Ефремов «Туманность Андромеды» – в 1968 году. А. Андреев «Рассудите нас, люди» – в 1971 г. («Молодые», лидер проката 1973 года – 39,1 млн. зрителей). Ч. Айтматов «Тополек мой в красной косынке» – в 1972 году («Я – Тянь-Шань», прокат в 1973 году – 5,8 млн. зрителей). В. Кунин «Я работаю в такси» – в 1975 году («Горожане», прокат 19,2 млн. зрителей). В. Каверин «Открытая книга» – в 1977-1979 гг., многосерийный телевизионный фильм. В. Маканин «Прямая линия» – в 1968 г. А. и Б. Стругацкие «Понедельник начинается в субботу» – в 1982 году («Чародеи»).

Приложение 3. Произведения массовой литературы, опубликованные во второй половине 1960-х и в 1970-е гг.

Во второй половине 1960-х и 1970-е в журналах и отдельными изданиями были опубликованы литературные произведения, *посвященные повседневности и современности, либо затрагивающие современность*: Абрамов Ф. «Дом» («Новый мир», 1978); Адамов А. «Стая» («Юность», 1966),

«Со многими неизвестными» (1968), «Угол белый стены», «Круги по воде» (1970), «Злым ветром», «Квадрат сложности» («Юность», 1973), «Час ночи» (1976); Айтматов Ч. «Белый пароход», Аксенов В. «На площади и за рекой» («Юность», 1966), «Затоваренная бочкотара» («Юность», 1968), «Поиски жанра» (1978); Алексеев М. «Ивушка неплакучая» («Молодая гвардия», 1974), Алексин А. «Позавчера и послезавтра» (1974), «Третий в пятом ряду» (1975), «Поздний ребенок», «Сердечная недостаточность» и др.; Амлинский В. «Жизнь Эрнста Шаталова» (1968), «Возвращение брата» (1973), «Нескучный сад» (1979); Ананьев А. «Годы без войны» («Новый мир», кн. 1, 2, 1975, 1979) и др.; Антонов С. «Разорванный рубль» («Юность», 1966); Анчаров М. «Теория невероятности» (1966), «Этот синий апрель»; Астафьев В. «Кража» (1966), «Ода русскому огороду» («Наш современник», 1972), «Царь-рыба» (1976); Баранская Н. «Неделя как неделя» («Новый мир», 1969); Баруздин С. «Просто Саша» («Нева», 1970), Богуславская З. «Семьсот новыми» (1970) и др.; Белов В. «Привычное дело» (1966), Вайнеры А. и Г. «Часы для мистера Келли» (1967), «Ощупью в полдень» (1968), «Я, следователь...» (1971), «Визит к Минотавру» (1972), «Гонки по вертикали» (1974), «Лекарство против страха» (1974), «Город принял» (1979); Васильев Б. «Самый последний день» (1970), Велембовская И. «Сладкая женщина» («Знамя», 1973) и др.; Горин Г. «Хочу харчо!», «Скрытой камерой» (1969), «Остановите Потапова» (1972) и др.; Гранин Д. «Однофамилец» («Звезда», 1975), Грекова И. «Маленький Гарусов» («Звезда», 1970), «Хозяйка гостиницы» («Звезда», 1976) и др.; Ефремов И. «Час Быка» («Молодая гвардия», 1968-1970), Иванов А. «Вечный зов» (1971-76), Залыгин С. «Южно-американский вариант» («Наш современник», 1973), Искандер Ф. «Лошадь...», «Созвездие Козлотура» (1966) и др.; Каверин В. «Перед зеркалом» (1972), «Двухчасовая прогулка» (1979); Карелин Л. «Ступени» («Москва», 1970), «Стажер» и др.; Колесников М. «Изотопы для Алтунина» («Знамя», 1974), «Алтунин принимает решение» («Знамя», 1976); Конечкий В. «Соленый лед» (1969), «Среди мифов и рифов» (1972) и др.;

Куваев О. «Территория» (1978), Кузнецов А. «Артист миманса» (1968), Крелин Ю. «Хирург» («Новый мир», 1974), Крон А. «Бессонница» («Новый мир», 1977), Лавровы О. и А. «Следствие ведут знатоки» (изд. «Искусство», 1974, 100 000 экз.), Леонов Н. «Явка с повинной» («Юность», 1975), «Выстрел в спину» («Юность», 1979), «Ловушка», «Обречен на победу» (1978-1979); Липатов В. «Деревенский детектив» («Знамя», 1967), «Сказание о директоре Прончатове» («Знамя», 1969), «И это всё о нём» («Знамя», 1974), «Игорь Саввович» («Знамя», 1977); Лиханов А. Сто шестой элемент (1966), «Семейные обстоятельства» (1970-73) и др.; Лиходеев Л. «Звезда с неба» (1969), «Искусство это искусство» (1970), «Я и мой автомобиль» (1972) и др.; Лихоносов В. «На улице Широкой» («Новый мир», 1968), «Люблю тебя светло» (1969), «Когда же мы встретимся?» (1978) и др.; Марков Г. «Сибирь» («Знамя», 1969-1973), Можаяев Б. «Живой» («Из жизни Федора Кузькина», 1966), «История села Брехово» (1968), «Полтора квадратных метра» (1970), «Мужики и бабы» (книга 1 1972-1973); Нагибин Ю. «Срочно требуются седые человеческие волосы» (1968), «Терпение» (1974) и др.; Парнов Е. «Ларец Марии Медичи» (1972), Полонский Г. «Ключ без права передачи» (1975), Распутин В. «Деньги для Марии» (1968), «Последний срок», «Прощание с Матерой» («Наш современник», 1970, 1976), Родионов С. «Криминальный талант» («Аврора», 1974), Рыбаков А. «Каникулы Кроша» (1966); Рыхтэу Ю. Иней на пороге («Нева», 1970), Санин В. «Новичок в Антарктиде» («Октябрь», 1971), «72 градуса ниже нуля» («Знамя», 1974), Семенов Ю. «Огарева, б» («Октябрь», 1972), Смирнов В. «Ночной мотоциклист» (1968), Солоухин В. «Черные доски» (1969), «Мед на хлебе» (1973) и др.; Стругацкие «Сказка о Тройке» (1968), «Парень из преисподней» (1974); Тарасенко Д. «Человек в проходном дворе» («Юность», 1969), Тендряков В. «Кончина» («Москва», 1968), «Весенние перевертыши» (1973), «Ночь после выпуска» (1974), «Три мешка сорной пшеницы» (1973); Токарева В. «Шла собака по роялю» (1968), «Тайна земли» («Знамя», 1977), «Неромантический человек» («Знамя», 1978),

«Старая собака» («Знамя», 1979) и др.; Трифонов Ю. «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание» («Новый мир», 1969, 1970, 1971); Халфина М. «Мачеха» («Огонек», 1966); Шестаков П. «Страх высоты» (1969), Шукшин В. «Там, вдали...» (1968), «Земляки» (1970), «Характеры» (1973), «Калина красная» (1973), «Беседы при ясной луне» (1974); Щербакова Г. «Вам и не снилось...» («Юность», 1979), «Стена» («Знамя», 1979).

Приложение 4. Произведения массовой литературы, экранизированные во второй половине 1960-х и 1970-е гг.

Из опубликованных во второй половине 1960-х и в 1970-е гг. литературных произведений были экранизированы и вышли на экраны: Абрамов Ф. «Дом» (1982, телеспектакль ленинградского МДТ), Айтматов Ч. «Белый пароход» (1976, прокат 6, 4 млн. зрителей), Алексеев М. «Ивушка неплакучая» («Русское поле», 1971, лидер проката 1972 года – 56,2 млн. зрителей); Алексин А. «Третий в пятом ряду» (1984), «Позавчера и послезавтра» («Чехарда», 1988); Вайнеры А. и Г. «Лекарство против страха» (1978, прокат 22,2 млн. зрителей), «Город принял» (1979); «Гонки по вертикали» (1982), «Визит к Минотавру» (1987); Васильев Б. «Самый последний день» (1972); Велембовская И. «Сладкая женщина» (1976, прокат 1977 года – 31,3 млн. зрителей); Гранин Д. «Однофамилец» (1978); Иванов А. «Тени исчезают в полдень» (телесериал), 1971; «Вечный зов» (телесериал), 1976-78; Крелин Ю. «Хирург» (телефильм «Дни хирурга Мишкина», 1976); Куваев О. «Территория» (1978); Лавровы О. и А. «Следствие ведут знатоки» (телесериал) 1971-1980, «Из жизни начальника уголовного розыска» (1983); Леонов Н. «Выстрел в спину» (1980, прокат – 22,1 млн. зрителей), «Ипподром» (1980); Липатов В. «Деревенский детектив» (1968, прокат 1969 года – 25 млн. зрителей, приз за лучший комедийный фильм и почетный диплом жюри М. Жарову на ВКФ в Минске-1970); «И это все о нем» (телефильм), 1977;

Марков Г. «Соль земли» (телесериал, 1974); Можаяев Б. «Из жизни Федора Кузькина» (1989); Нагибин Ю. «Терпение» («Время отдыха с субботы до понедельника», 1984), Полонский Г. «Ключ без права передачи» (1976, прокат 16,3 млн. зрителей), Парнов Е. «Ларец Марии Медичи» (1980, прокат 23 млн. зрителей); Распутин В. «Прощание с Матерой» («Прощание», реж. Л. Шепитько, Э. Климов, 1982, прокат в 1983 году – 1,3 млн. зрителей); Родионов С. «Криминальный талант» (1988); Рыбаков А. «Каникулы Кроша» (телефильм, 1980); Санин В. «72 градуса ниже нуля» (1976), «Антарктическая повесть» (1979); Семенов Ю. «Петровка, 38» (1979, лидер проката 1980 года – 53,4 млн. зрителей), «Огарева, 6» (1980, лидер проката 1981 года – 33,4 млн. зрителей); Смирнов В. «Ночной мотоциклист» («Ночное происшествие», 1980, прокат 19,6 млн. зрителей), Тарасенко Д. «Человек в проходном дворе» (1971); Токарева В. «Шла собака по роялю» (1978, прокат 15,7 млн. зрителей), Халфина М. «Мачеха» (1973, 59,4 млн. зрителей, по опросу журнала «Советский экран» лучший фильм 1973 года); Черных В. «Человек на своем месте» (1972, прокат в 1973 году – 15,7 млн. зрителей); Шестаков П. «Страх высоты» (1976), Щербакова Г. «Вам и не снилось» (1980, лидер проката – 26,1 млн. зрителей, по опросу «Советский экран» лучший фильм 1981 года); Шукшин В. «Печки-лавочки» (1972, прокат 17,1 млн. зрителей), «Калина красная» (1973, прокат 1974 года – 62,5 млн. зрителей, по опросу журнала «Советский экран» – лучший фильм года), «Беседы при ясной луне» (телеспектакль Московского Малого театра, 1981).

Приложение 5. Произведения массовой литературы, опубликованные в первой половине 1980-х

В первой половине 1980-х в журналах и отдельными изданиями были опубликованы литературные произведения, *посвященные современной повседневности, либо затрагивающие современность*: Адамов А. Трилогия «Инспектор Лосев» («Злым ветром» и «Квадрат сложности», 1981), «Вечерний круг» («Юность», 1982), «Идет розыск» («Юность», 1985); Айтматов Ч. «И дольше века длится день» (1980), Алексин А. «Здоровые и больные» («Наш современник», 1982), «Запомни его лицо», «Дым без огня» («Юность», 1985); Ананьев А. «Годы без войны», книга 3 («Новый мир», 1981), Арро В. «Смотрите, кто пришел» (1981), Астафьев В. «Жизнь прожить» (1985), Воронин С. Рассказы о современной деревне («Нева», 1983, 1985); Гранин Д. «Картина» («Новый мир», 1980), Искандер Ф. «Игра в собаку» («Аврора», 1981), «Бригадир Казым» («Новый мир», 1981); Карелин Л. «Змеелов» («Москва», 1982), «Последний переулочок» («Москва», 1984); Кожевников В. «Корни и крона» («Знамя», 1981-1982), Коняев Н. «Поселковые жители» («Нева», 1985), Крелин Ю. «Свои и чужие» («Октябрь», 1981), Леонов Н. «Агония» (1981), Лиханов А. «Благие намерения», «Высшая мера» («Знамя», 1982), «Последние холода» («Юность», 1984); Лиходеев Л. «Боги, которые лепят горшки» (1983), Лихоносов В. «Родные» (1980), Маканин В. «Человек свиты» («Октябрь», 1982), Марков Г. «Грядущему веку» («Знамя», 1982), Можаяев Б. «Мужики и бабы» (книга 2, 1978-80), Поляков Ю. «ЧП районного масштаба» («Юность», 1985), Распутин В. «Пожар» («Наш современник», 1985), Родионов С. «Отпуск» («Аврора», 1981), Рубина Д. «Завтра, как обычно» («Юность», 1984), Рытхэу Ю. «Снегопад в июне» («Нева», 1981), Токарева В. «Талисман» (1982), «Лошади с крыльями» («Знамя», 1982); Трифонов Ю. «Время и место» («Дружба народов», 1981), Чулаки М. «Прекрасная земля», «Вечный хлеб» и др. («Звезда», 1981-1985); Шахназаров К. «Курьер» («Юность», 1982),

Щербакова Г. «Дверь в чужую жизнь», «Отчаянная осень» («Юность», 1981, 1984).

Приложение 6. Экранизация произведений массовой литературы, опубликованных в первой половине 1980-х

Из произведений, опубликованных в первой половине 1980-х, были экранизированы: Адамов А. «Инспектор Лосев» (1983), Карелин Л. «Змеелов» (1985, прокат 28,6 млн. зрителей); Лиханов А. «Благие намерения» (1984); Маканин В. «Человек свиты» (1987), Марков Г. «Грядущему веку» (1985), Поляков Ю. «ЧП районного масштаба» (1988), Шахназаров К. «Курьер» (1986, лидер проката в 1987 году – 34,4 млн. зрителей, лучший фильм года по опросу журнала «Советский экран»).

Приложение 7. Репертуар театров СССР в 1960-1975 гг.

Репертуар театров СССР, по данным ВУОАП, опубликованным в журнале «Театр» (1960-1975). Самые репертуарные пьесы (первая цифра – число постановок, вторая цифра – количество театров, поставивших пьесу).

В 1959 году: В. Розов «В поисках радости» (802/40), А. Софронов «Стряпуха» (660/40).

В 1960 году: А. Софронов «Стряпуха» (4637/175), А. Арбузов «Иркутская история» (4202/139), С. Михалков «Дикари» (485/41), В. Розов «В поисках радости» (356/61), С. Алешин «Все остается людям» (251/18).

В 1961 году: А. Арбузов «Иркутская история» (3162/158), А. Софронов «Стряпуха» (1172/111), А. Штейн «Океан» (575/25).

В 1962 году: А. Арбузов «Иркутская история» (1067/112), А. Штейн «Океан» (1043/39), «Коллеги» по В. Аксенову (792/35).

В 1963 году (первое полугодие): А. Арбузов «Иркутская история» (739/71), А. Штейн «Океан» (552/51), А. Володин «Пять вечеров» (407/18).

В 1964 году: «Рассудите нас, люди» по А. Андрееву (2966/89), В. Розов «В день свадьбы» (1841/73), «Петровка, 38» по Ю. Семенову (1395/41), Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (541/29).

В 1965 году: В. Розов «В день свадьбы» (3386/122), Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (3106/103), «Рассудите нас, люди» по А. Андрееву (1036/64), «Петровка, 38» по Ю. Семенову (722/31), «Тополек мой в красной косынке» по Ч. Айтматову (616/20).

В 1966 году: Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (1222/59), В. Розов «В день свадьбы» (888/61), «Тополек мой в красной косынке» по Ч. Айтматову (531/23), «Рассудите нас, люди» по А. Андрееву (302/17).

В 1967 году: А. Арканов, Г. Горин «Свадьба на всю Европу» (1413/42), Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (592/34).

В 1968 году: «Дело, которому ты служишь» по Ю. Герману (401/22), Э. Радзинский «104 страницы про любовь» (251/20).

В 1969 году: «Дело, которому ты служишь» по Ю. Герману (854/45), Э. Брагинский, Э. Рязанов «С легким паром!» (532/30).

В 1970 году: Э. Брагинский, Э. Рязанов «С легким паром!» (5398/98).

В 1971 году: Э. Брагинский, Э. Рязанов «С легким паром!» (2661/72), Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы» (1386/54), А. Вампилов «Старший сын» (1096/28), В. Розов «С вечера до полудня» (474/28).

В 1972 году: Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы» (7030/128), М. Роцин «Валентин и Валентина» (2060/60), А. Вампилов «Старший сын» (1613/44), Э. Брагинский, Э. Рязанов «С легким паром!» (1275/47), И. Дворецкий «Человек со стороны» (1209/67).

В 1973 году: Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы» (2936/102), М. Роцин «Валентин и Валентина» (2552/74), А. Вампилов «Старший сын»

(1418/39), И. Дворецкий «Человек со стороны» (923/67), М. Шатров «Лошадь Пржевальского» (638/25).

В 1974 году: А. Вампилов «Старший сын» (1660/52), Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы» (1364/70), М. Рошин «Валентин и Валентина» (1341/66), М. Шатров «Лошадь Пржевальского» (549/34).

Приложение 8. Из летописи Ульяновского областного театра драмы им. И. А. Гончарова

Сезон 1965-1966 гг. в репертуаре театра спектакль «104 страницы про любовь» Э. Радзинского. Режиссер – Э. Радзинский.

Сезон 1969-1970 гг. Премьера спектакля «Океан» А. Штейна. Премьера спектакля «Другая» С. Алешина.

Сезон 1970-71 гг. А. Штейн «Океан», В. Егоров, В. Тур «Погода в Тегеране», А. Насибов «Круги ада», Б. Рацер, В. Константинов «Неравный брак».

Сезон 1971-1972 гг. А. Штейн «Океан», М. Рошин «Валентин и Валентина», Н. Думбадзе «Не беспокойся, мама», В. Рацер, Б. Константинов «Неравный брак», А. Насибов «Круги ада», В. Рацер, Б. Константинов «Вечером, после работы», А. Алексин «Обратный адрес», А. Чуйков «Сказка об уличном фонаре», Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы».

Сезон 1973-74 гг. Премьера спектакля «И это все о нем» по роману В.Липатова. Премьера спектакля «Эй, ты, здравствуй!» Г. Мамлина. А. Штейн «Океан», М. Рошин «Валентин и Валентина», Н. Думбадзе «Не беспокойся, мама», В. Рацер, Б. Константинов «Неравный брак», А. Насибов «Круги ада», В. Рацер, Б. Константинов «Вечером, после работы», А. Алексин «Обратный адрес», Э. Брагинский, Э. Рязанов «Сослуживцы», М. Шатров «Лошадь Пржевальского», А. Чуйков «Сказка об уличном фонаре».

Сезон 1974-1975 гг. Премьера спектакля «Огарева – б» по повести Ю. Семенова. Премьера спектакля «Старший сын» А. Вампилова. Премьера

спектакля «Родственники» Э. Брагинского Э. Рязанова. Премьера спектакля «Погода на завтра» М. Шатрова.

Сезон 1975-1976 гг. Премьера спектакля «Прощание в июне» А. Вампилова. Премьера спектакля «Энергичные люди» В. Шукшина.

Сезон 1976-1977 гг. Премьера спектакля «Солнечный удар» А. Яковлева. Премьера спектакля «Притворщики» Э. Брагинского, Э. Рязанова. Премьера спектакля «Поговорим о странностях любви» Г. Мамлина.

Сезон 1977-1978 гг. А. Гельман «Протокол одного заседания», Э. Брагинский, Э. Рязанов «Притворщики», А. Вампилов «Прощание в июне», В. Константинов, Б. Рацер «Неравный брак», В. Розов «В поисках радости», А. Соколова «Фантазии Фарятьева», В. Шукшин «Энергичные люди», Г. Мамлин «Поговорим о странностях любви», А. Яковлев «Солнечный удар». Премьера спектакля «Земля весенняя» Л. Ясковича. Премьера спектакля «В день свадьбы» В. Розова.

Сезон 1978-1979 гг. Премьера спектакля «Аморальная история» Э. Брагинского, Э. Рязанова. Премьера спектакля «Родительская суббота» А. Яковлева. Премьера спектакля «Деньги для Марии» В. Распутина.

Сезон 1979-1980 гг. Премьера спектакля «Веранда в лесу» И. Дворецкого. Премьера спектакля «Материнское поле» по повести Ч. Айтматова.

Приложение 9. Экранизация пьес

Розов В. «В поисках радости» («Шумный день» 1960, прокат 13,2 млн. зрителей), Арбузов А. «Иркутская история» (1973); Алешин С. «Все остается людям» (реж. Г. Натансон, 1963, лидер проката – 23,7 млн. зрителей); Володин А. «Пять вечеров» (реж. Н. Михалков, 1978); Софронов А. «Стряпуха» (реж. Э. Кеосаян, 1965, лидер проката в 1966 – 30 млн. зрителей); Штейн А. «Океан» (реж. Ю. Вышинский, 1974, лидер проката 1974 – 27,6 млн. зрителей); Володин А. «Старшая сестра» (реж. Г. Натансон, 1966, прокат в 1966 – 22,5 млн.

зрителей); Михалков С. «Дикари» («Три плюс два», реж. Г. Оганесян, 1963, лидер проката 1963 – 35 млн. зрителей); Радзинский Э. «104 страницы про любовь» («Еще раз про любовь», реж. Г. Натансон, 1968, лидер проката – 36,7 млн. зрителей); Розов В. «В день свадьбы» (реж. В. Михайлов, 1968); Вампилов А. «Прощание в июне» (1966); Брагинский Э. и Рязанов Э. «С легким паром!» («Ирония судьбы или с легким паром!», реж. Э. Рязанов, 1974. Лучший фильм 1976 года по опросу журнала «Советский экран»); Вампилов А. «Старший сын» (реж. В. Мельников, 1975), Брагинский Э. и Рязанов Э. «Сослуживцы» («Служебный роман», 1978, лидер проката – 58,4 млн. зрителей); Михалков С. «Пена» (1979); Розов В. «С вечера до полудня» (1981); Роцин М. «Валентин и Валентина», (реж. Г. Натансон, 1985); Дворецкий И. «Человек со стороны» («Здесь наш дом», реж. В. Соколов, 1973); Шатров М. «Лошадь Пржевальского» («Моя любовь на третьем курсе», реж. Ю. Борецкий, 1976); Гельман А. «Протокол одного заседания» (1975); Гельман А. «Мы, нижеподписавшиеся» (1979); Соколова А. «Фантазии Фарятьева» (1979), Гуркин В. «Любовь и голуби» (реж. В. Меньшов, 1984).

Приложение 10. Радиотеатр

Володин А. Пять вечеров. Спектакль БДТ им. Горького, запись по трансляции 1959 г. Режиссер Г. Товстоногов.

Розов В. В день свадьбы. Спектакль Московского театра Ленком, 1965 г. Постановка: А. Эфрос.

Розов В. В поисках радости. Спектакль Центрального детского театра. Режиссер А. Эфрос.

Шукшин В. Позови меня в даль светлую. СССР, Всесоюзное радио, 1975 г. Постановка: Ст. Любшин.

Вампилов А. Дом окнами в поле. СССР, Всесоюзное радио, 1975 г. Режиссер С. Кулиш.

Вампилов А. Прошлым летом в Чулимске. Спектакль Театра имени Ермоловой 1978 г. Постановка В. Андреева.

Гуркин В. Любовь и голуби. Спектакль театра «Современник» 1986 г. Режиссер В. Фокин [291].

Приложение 11. Биография авторов

Адамов Аркадий Григорьевич. Родился в 1920 г. в Москве. Сын известного советского писателя Г. Адамова. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией». Окончил исторический факультет МГУ (1948). С первой детективной книгой «Дело пестрых» (1956) А. Адамов пришел в издательство в то время, когда тема борьбы с уголовной преступностью не считалась достойным объектом литературы. «Дело пестрых» было категорически отвергнуто редакцией одного из крупнейших советских издательств. В письме автору редактор указал: поскольку обокрали «обывателя», то работа следователя по расследованию дела неинтересна. Все-таки «Дело пестрых» было опубликовано в «Юности» (1956), а отдельным изданием вышло в Вильнюсе (1956). С годами отношение критики и издательств к детективу менялось, стали выпускать немало книг о борьбе с уголовной преступностью. Перед тем как написать свой первый детектив, А. Адамов явился в МУР. Работникам розыска он был совершенно неизвестен, и все-таки его встретили дружелюбно. Работники МУРа охотно стали вводить Адамова в курс своей работы. Писатель не ограничился беседами со следователями, оперативниками и специалистами научно-технического отдела. Писатель ходил на операции, участвовал в обысках и засадах, дежурил по ночам в МУРе и выезжал с оперативниками на место преступления. Сюжеты его книг придуманы, но в основе всегда лежат подлинные дела [208, с. 250-255]. Благодаря повести «Дело пестрых» в России произошло возрождение

детективного жанра. Одаренный писатель опубликовал около 30 книг. Кроме того, А. Адамов – автор публицистической книги «Мой любимый жанр – детектив» и ряда исследований по зарубежной детективной литературе. А. Адамов – член Союза Писателей (с 1957). За писательский труд награжден шестью премиями – орденом Дружбы народов, премиями Союза писателей и МВД СССР. Трилогия «Инспектор Лосев» (1981) была награждена Золотой медалью имени Героя Советского Союза Н. Кузнецова за лучшее героико-приключенческое произведение 1981 года, утвержденной Союзом Писателей РСФСР и ПО «Уралмашзавод».

Айтматов Чингиз. Родился в 1928 г. в кишлаке Шекер Киргизской ССР. Отец – слушатель Института красной профессуры был репрессирован в 1937 году. Ч. Айтматов был секретарем сельсовета (1942-1953). Окончил сельскохозяйственный институт в 1953 г., работал зоотехником, старшим зоотехником Киргизского НИИ животноводства (1953-1956). Первое выступление в печати – 1952 год. Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте в Москве (1958). Повесть «Джамиля» (1958) привлекла внимание не только советских, но и зарубежных читателей. Ее перевел на французский язык в 1959 году Луи Арагон; она переведена на ряд других иностранных языков. Был членом КПСС, избирался членом ЦК КП Киргизии. Член Союза писателей СССР. Работал главным редактором журнала «Литературный Киргизстан» и одновременно собкором газеты «Правда» по Киргизской ССР. Занимал общественный секретаря правления СП Киргизии (1986), избирался на другие общественные должности в Союзе писателей. Избирался депутатом ВС СССР (1966-1989). Академик АН Киргизии. Присвоено звание Герой Социалистического Труда (1978). Награжден орденами Ленина (1978), Трудового Красного Знамени (1984). Народный писатель Киргизской ССР. Ленинская премия (1963), Государственная премия СССР (1968, 1977, 1983). Государственная премия Киргизии (1976) и др. награды.

Аксенов Василий Павлович (1932-2009). Родился в г. Казани, в семье партийных работников П. Аксенова и Е. Гинсбург. Родители были репрессированы в 1937 году. Был усыновлен родственниками. По месту ссылки матери (в Магадане) провел часть детских лет. Окончил Ленинградский медицинский институт (1956) и четыре года работал по специальности: карантинным врачом в ленинградском порту, сельским участковым на Онежском озере, консультантом в Московском областном институте туберкулеза. Один из лидеров исповедальной прозы. Первые рассказы напечатаны в журнале «Юность» в 1959 г. В 1960 г. опубликовал повесть «Коллеги» о молодых врачах. Как сообщает Краткая литературная энциклопедия (1962), роман «Звездный билет» (1961) о современной молодежи и о нездоровых явлениях в этой среде вызвал споры и критику в печати. Был членом редколлегии журнала «Юность» (1962-1969), членом Союза писателей СССР. В КПСС не состоял. В 1962 г. скандал вызвала повесть «Апельсины из Марокко». По воспоминаниям Аксенова, рукопись пытался редактировать секретарь ЦК КПСС Ильичев. После публикации «Затоваренной бочкотары» автора обвинили в скрытом антисоветизме. Но сам Аксенов фронду с властями сочетал с восхвалением большевиков в серии «Пламенные революционеры». Как рассказывал писатель на страницах «Литературной России» (2002), в 1977 г. его посетили сотрудники КГБ и заявили, что органам госбезопасности стало известно содержание его нового романа «Ожог», предупредили о больших неприятностях в случае попытки публикации «Ожога» [171]. В 1979 г. Аксенов стал инициатором и редактором альманаха «Метрополь». В декабре 1979 года заявил о своем выходе из Союза писателей. 22 июля 1980 года эмигрировал из СССР сначала в Европу, затем в США. Вскоре после эмиграции Аксенов был лишен советского гражданства. В США Аксенов был писателем и профессором университета Дж. Вашингтона в Вашингтоне (1982-1983), университета Дж. Хопкинса в Балтиморе (1983-1987), университета Дж. Мейсона в Северной Вирджинии (с 1988). Печатался в эмигрантских изданиях. Советское

гражданство Аксенова было восстановлено в 1990 г., после чего он активно издавал свои книги в России, сотрудничал с еженедельником «Московские новости», журналами «Юность», «Огонек», «Знамя», «Октябрь», «Плейбой». Был членом ПЕН-клубов США, Франции, Дании, Швеции, России. Был членом редколлегии зарубежных русскоязычных журналов и альманахов. В 1990 г. было восстановлено советское гражданство В. Аксенова. Премии: «Золотой молодой еж» (Болгария, 1967), премия «ЛГ» (1977), им. А. Крученых (1990), «Великое Кольцо» (1990), в 1990 – журнала «Юность». С 2002 по 2009 г. жил в Москве и Франции (Биарриц). Умер в Москве.

Алексеев Михаил Николаевич (1918-2007). Родился в Саратовской области, в крестьянской семье. Участник Великой Отечественной войны. За боевые отличия М. Алексеев отмечен орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги». Член КПСС с 1942 года. В 1950-1955 гг. М. Алексеев – редактор Военного издательства. После окончания Высших литературных курсов СП СССР (1957) М. Алексеев два с половиной года работал в «Литературной газете», а с 1960 по 1965 год был заместителем главного редактора журнала «Огонек». В 1965 году М. Алексеев избран заместителем Председателя Союза писателей РСФСР, а в 1968 году назначен главным редактором журнала «Москва», где проработал 22 года. Был секретарем правления СП РСФСР. За литературный труд М. Алексеев получил два ордена Ленина, два ордена Трудового Красного Знамени, орден Октябрьской Революции, орден Дружбы народов, стал лауреатом Государственных премий СССР (1976) и РСФСР, общероссийской премии по литературе, посвященной Сталинградской битве, лауреатом литературной премии имени М. А. Шолохова. Герой Социалистического Труда» (1978).

Алексин (Гоберман) Анатолий Георгиевич родился в 1924 году в Москве. Отец его – журналист, активный участник Гражданской войны в Сибири, в 1937 году был репрессирован. В годы ВОВ А. Алексин работал ответственным

секретарем ежедневной газеты «Крепость обороны» на строительстве одного из крупнейших оборонных предприятий страны. Начал печататься в 1945 г. Окончил Московский институт востоковедения (1950). Член СП СССР. Был членом КПСС (с 1958). Постоянная тема повестей А. Алексина – критика мещанства и эгоизма. Прославляются душевная чуткость, отзывчивость молодежи. За сорок с лишним лет писательской деятельности произведения А. Алексина издавались десятки раз. Повести Алексина инсценировались и с успехом шли во всех театрах страны, экранизировались для телевидения и кино, были переведены на языки всех союзных республик и многие зарубежные языки. Писатель удостоен званий лауреата премии Ленинского комсомола (1970), Государственной премии РСФСР (1974), Государственной премии СССР (1978), а также Международной премии социалистических стран им. М. Горького и Международного диплома Х.-К. Андерсена. А. Алексин является членкором АПН СССР. Был секретарем СП РСФСР (1970-1989), членом редколлегии журнала «Юность». В 1993 году эмигрировал в Израиль.

Алешин (Котляр) Самуил Иосифович (1913-2008). Драматург. Родился в г. Замбров (ныне в Польше). Отец - врач, мать – учитель. В 1935 году окончил промышленный факультет Военной академии моторизации и механизации Красной Армии, работал в КБ. Во время Великой Отечественной войны был инженером танковых войск, воевал на Сталинградском фронте. В 1941-46 гг. выступал на страницах журналов «Крокодил» и «Огонек» с юмористическими рассказами. После демобилизации до 1952 г. работал руководителем лаборатории в автотракторном НИИ. В 1946 г. защитил диссертацию, стал кандидатом технических наук. Продолжал писать пьесы, не публикуя их. Его пьеса «Директор» впервые была поставлена в 1950 году в театре им. Вл. Маяковского. Награжден орденом Трудового Красного Знамени (дважды), Дружбы народов, медалями. Член Союза писателей СССР (1954). Избирался членом Ревизионной комиссии Союза писателей РСФСР (1985-1991). Последние 50 лет прожил в Москве.

Арбузов Алексей Николаевич (1908-1986). Драматург. Родился в Москве, в семье коммерсанта, выходца из дворян. Детские и юношеские годы прошли в Петрограде. С детских лет активно приобщался к театру – сначала как статист, затем, с 1923 года, как актер и режиссер (после окончания театральной студии). В начале 1930-х переехал в Москву, стал завлитом пролеткультовского Театра малых форм. В полную силу талант А. Арбузова проявился в драме «Таня» (1938). Государственная премия СССР (1980).

Бедный Борис Васильевич (1916-). Родился в станице Ярославской Краснодарского края, в семье учителя. По образованию инженер-лесотехник, работал в Коми АССР, на Дальнем Востоке. В 1952 г. окончил Литературный институт им. М. Горького. Печатался с 1951 г. Выступал главным образом как новеллист. Постоянная тема его рассказов – нравственный облик советских людей, их духовный рост. В 1961 г. опубликовал повесть «Девчата», по которой поставлен одноименный фильм (1962). Повесть была отмечена критикой «Литературной газеты» и журнала «Октябрь».

Брагинский Э. и Рязанов Э. Брагинский Эмиль Вениаминович (1921-1998). Родился в Москве. Учился в медицинском институте, окончил экстерном Московский юридический институт (1953). Печатался с 1945 г. Начиная как искусствовед. Наибольшую известность приобрел как соавтор Э. Рязанова. Член Союза писателей с 1961 г. Награжден медалями. Звание – Заслуженный деятель искусств РСФСР (1976). Государственная премия СССР (1977), Государственная премия РСФСР (1979). Рязанов Эльдар Александрович родился в 1927 году в Самаре. Окончил режиссерский факультет ВГИКа (1950). Печатался с 1964 г. Член Союза кинематографистов СССР, Союза писателей СССР (с 1976). Член редколлегии журнала «Советский экран». Звание – Народный артист СССР (1984). Награды: Орден Красного Знамени (дважды), Дружбы народов. Государственная премия СССР (1977), Государственная премия РСФСР (1978) и др.

Вайнеры Аркадий и Георгий. Аркадий Александрович Вайнер родился в 1931 году в Москве. Окончив школу с золотой медалью, поступил в Московский авиационный институт. После первого курса МАИ перешел на юридический факультет МГУ. Работал следователем в 21-м отделении милиции, дослужился до должности начальника следственного отдела МУРа. Член КПСС с 1957 г. Вместе с братом, Георгием Александровичем Вайнером, является автором многих детективных произведений, сюжеты которых зачастую взяты из собственной криминалистической практики. Член Союза писателей с 1971 г. Умер Аркадий Вайнер 24 апреля 2005 года. Георгий Александрович Вайнер родился в 1938 году в Москве. Окончил Московский заочный юридический институт (1960). Работал инженером, журналистом ТАСС. Член КПСС с 1962 года. Член Союза писателей СССР (1972). Член Союза кинематографистов СССР. Был членом редакционного совета издательской серии «Советский детектив». С 1990 года жил в США, работал журналистом, в 1992-2001 гг. работал главным редактором газеты «Новое русское слово». Был членом редколлегии русскоязычной газеты «Русский Базар». Умер в 2009 году в Нью-Йорке. Награды братьев Вайнеров: премии Союза писателей СССР и МВД СССР (1976, 1978, 1981, 1987), в 1983 году – премией Союза писателей РСФСР и Уралмашзавода им. Н. Г. Кузнецова. В конце 1980-х В. Топоров написал статью «Претензии к потерпевшим», в которой утверждал, что добротные в целом детективы Вайнеров по-советски ходульны, и поэтому вскоре отомрут вместе с другими ходульными псевдореалиями советского времени. В. Казак: «Им хорошо удается психологическое проникновение в характеры, а в плане передачи советской жизни и пропаганды милиции авторы шли на явные уступки советской цензуре» [90, с. 67].

Вампилов Александр Валентинович (1937-1972) Драматург. Родился и вырос в Иркутской области, в учительской семье. Отец – директор средней школы, преподаватель русского языка и литературы, был расстрелян в 1938

году. Мать – учитель, преподаватель математики. А. Вампилов окончил филологический факультет Иркутского университета (1960). Печатался с 1958: рассказы, очерки о тружениках сибирских строек. После окончания университета Вампилов – сотрудник иркутской газеты «Сибирская молодежь», затем – ее ответственный секретарь. Учился на Высших литературных курсах в Москве (1965-1967). Член Союза писателей с 1966 г. Трагически погиб.

Володин (Лившиц) Александр Моисеевич (1919-2001). Родился в г. Минске. Учился в Московском авиационном институте (1936), но ушел оттуда. Участник Великой Отечественной войны. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За отвагу» и др. Окончил сценарный факультет ВГИКа (1949). Был в КПСС (1949-1990). Работал редактором на Ленинградской студии научно-популярных фильмов. Печатался с 1954 г. Член Союза писателей СССР. Государственная премия РСФСР им. братьев Васильевых (1981). Умер в Санкт-Петербурге, похоронен в Комарово.

Гельман Александр Исаакович (1933). А. Гельман родился в пос. Дедюшаны Молдавской ССР. С 1941 по 1944 год он вместе с родителями находился в еврейском гетто в городе Бершадь Винницкой области. Из многочисленной семьи в живых остались только двое – Александр и его отец. А. Гельман рано начал трудовую деятельность и приобрел богатый производственный опыт. После войны, окончив профтехшколу трикотажников (1948–1951), работал помощником мастера на Львовской чулочной фабрике. Затем учился во Львовском военном училище имени Щорса (1952–1954). После учебы служил в армии, был командиром подразделения военной флотилии Тихоокеанского флота (1957–1960). В 1956 году вступил в КПСС. Демобилизовавшись, А. Гельман работал фрезеровщиком на кишиневском заводе «Электроточприбор» (1960–1963) и одновременно учился в Кишиневском государственном университете. Однако завершить учебу ему не довелось. В 1963 году он переехал в Ленинградскую область, где в течение трех лет работал диспетчером одного из СМУ на строительстве крупного

нефтеперерабатывающего завода в г. Кириши Ленинградской области. В 1966-1970 гг. А. Гельман работал корреспондентом ленинградских газет «Строительный рабочий» и «Смена», затем серьезно занялся драматургией. В 1970 году А. Гельман совместно с Т. Калецкой написал сценарий, по которому на киностудии «Ленфильм» был снят фильм «Ночная смена». Следующий его сценарий (тоже в соавторстве с Т. Калецкой) – «Ксения, любимая жена Федора» (1974) – отмечен премией на всесоюзном конкурсе. В 1975 году на экраны вышел фильм «Премия» по сценарию А. Гельмана, получивший широкий общественный резонанс. За эту работу А. И. Гельману была присуждена Государственная премия СССР (1976). В 1975 году на основе киносценария «Премия» драматург создал пьесу «Протокол одного заседания», которую в том же году поставил Г. Товстоногов на сцене ленинградского БДТ. Год спустя пьесу поставил и О. Ефремов на сцене МХАТа. С тех пор в течение 24 лет длилось творческое содружество А. Гельмана с этим театром. Многие годы А. Гельман являлся членом художественного совета МХАТа. Его пьесы шли в десятках театров страны. Некоторые из них были переведены, опубликованы и поставлены в более чем 30 странах. С 1985 г. пьесы Гельмана печатались в издательстве «Советский писатель», «Искусство», публиковались в журналах «Театр» и «Современная драматургия». Наиболее известные пьесы А. И. Гельмана с 1980 года были включены в школьные программы. Гельман – член Союза кинематографистов СССР (1963), профкома ленинградских драматургов (1970-76), Союза писателей СССР (1976), ВТО. Государственная премия СССР (1976), в 1984 году – орден «Знак Почета».

Герман Юрий Павлович (1910-1967). Родился в Риге, в семье служащего. Закончил школу в Курске, по месту службы отца-фининспектора. Начал работать с 14-ти лет – суфлером, актером, репортером. Печататься начал с 1928 года, в газете «Курская правда». В 1929 году приехал в Ленинград, поступил в техникум сценических искусств на клубно-инструкторское отделение. Подрабатывал чернорабочим. Профессиональным писателем Герман стал

считать себя с выходом романа «Вступление» (1931), положительно оцененного М. Горьким в газете «Правда». В 1934 г. был делегатом Первого съезда писателей СССР. Тогда же по направлению газеты «Известия» Герман пошел в уголовный розыск. Во время финской войны 1939-40 гг. был спецкором ТАСС на Карельском перешейке. В годы Великой Отечественной войны служил в Заполярье как военкор ТАСС и Совинформбюро. В 1945-1951 заведовал отделом прозы в журнале «Звезда». Его статья о рассказах М. Зощенко в партийных постановлениях (1946) была осуждена как хвалебная по отношению к безыдейному писателю. Тем не менее, в 1948 г. Герман стал лауреатом Сталинской премии за сценарий х/ф «Пирогов». В КПСС вступил в 1958 г. Награжден орденами и медалями. Умер Герман после тяжелой и продолжительной болезни в Ленинграде.

Гранин (Герман) Даниил Александрович. Родился в 1918 году в г. Волынь Курской области, в семье лесника. Печатался с 1937 г. В 1940 году окончил электромеханический факультет Ленинградского политехнического института. В 1941 году ушёл добровольцем на фронт в составе ополченской Кировской дивизии. Член КПСС с 1942 года. Был ранен. Награждён двумя боевыми орденами. Вначале воевал рядовым, а после окончания Ульяновского танкового училища стал командиром роты тяжёлых танков. С боями прошёл победный путь от Ленинграда до Восточной Пруссии. После окончания войны Гранин начал работать в Ленэнерго старшим инженером энерголаборатории, затем в КБ Кировского завода. Вскоре поступил в аспирантуру Политехнического института. Защитил кандидатскую диссертацию по истории электрической дуги Петрова. В 1949-50 гг. – старший инженер НИИ. Перед ним открывалась дорога учёного, но судьба сложилась иначе после того, как в 1949 году Д. Гранин принёс в «Звезду» рассказ «Вариант второй». Член Союза писателей СССР. Был членом правления СП СССР (1954-91), правления СП РСФСР (с 1965). Член редколлегии журналов «Нева» (с 1967), «Новый мир», «Октябрь» и др. Государственная премия СССР (1976). Награжден орденом Ленина (1984,

1989). Герой Социалистического Труда (1989). Также награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Книги Д. Гранина изданы в переводах на более чем 20 языков народов мира. Живет в Петербурге.

Гуркин Владимир Павлович родился в 1951 г. в Васильево Пермской области, в семье тракториста. В 1958 году семья переехала в город Черемхово Иркутской области. Окончил актерский факультет Иркутского театрального училища (1971). Работал актером в Иркутском ТЮЗе (1971-75), в Амурском драматическом театре (Благовещенск, 1975), в Омском драматическом театре (1976). В 1983 году Гуркин переехал в Москву, был актером и работником литчасти театра «Современник» (1984-1991), Театра на Покровке (1991-1993), МХАТа (с 1993). С 1988 года – член Союза писателей СССР. В 2005 году Омский театр драмы поставил пьесу Гуркина «Весёлая вода печали». В последнее время В. Гуркин жил в Черемхово, сотрудничая с Черемховским драматическим театром, где поставил несколько своих пьес. Скончался В. Гуркин в июне 2010 г. после тяжелой и продолжительной болезни.

Дворецкий Игнатий (Израиль) Моисеевич (1919-1987). Биография свидетельствует о богатом, разностороннем и трудном жизненном опыте. Отец – эсер, попавший за участие в теракте на поселение в Сибирь, погиб в 1938 г. на Херсоне. После окончания школы И. Дворецкий работал грузчиком и токарем по металлу. В 1939-1940 гг. учился в Московском институте государственного права и государственного управления. В 1940 году был арестован по уголовной статье. Поскольку дело Дворецкого как сына врага народа рассматривало Особое совещание, он был осужден на 8 лет лагерей. Несколько раз Дворецкий пытался бежать, за что в конце концов попал на Колыму. В лагере был трактористом, зав. клубом и ответственным агитбригады. В 1947 г. вернулся в Иркутск и в 1948-1949 учился заочно, работая токарем, рыбаком, трактористом, лесорубом, директором МТС. В 1952 г. выпустил в Иркутске первую книгу «Тайга весенняя». Член Союза Писателей СССР (1955). В 1958 году окончил

Высшие литературные курсы в Москве. Поскольку Иркутские театры его не жаловали, с 1964 года перебрался в Ленинград. В 1975 году организовал Драматургическую мастерскую при Ленинградском ВТО, которой руководил до своей смерти. У него были десятки учеников, среди них – Александр Галин. Дворецкий написал 19 пьес. Большое внимание привлекла пьеса «Человек со стороны» (1971), в 1973 году по ней был снят фильм. Темы своих пьес Дворецкий всегда брал из непосредственной повседневности.

Ефремов Иван Антонович (1907-1972). Родился в дер. Вырица Ленинградской области. Отец – солдат лейб-гвардеец из заволжских крестьян, ставший крупным лесоторговцем. Иван Ефремов рано научился читать, с 6 лет увлекся романами Ж. Верна, книгами о путешествиях (у отца была прекрасная библиотека). В годы революции и гражданской войны Ефремов был воспитанником красноармейской автороты, прошел с ней до Перекопа. Возвратился в Петроград, где работал чернорабочим, подручным шофера и учился в трудовой школе. Ефремов познакомился с рядом ученых, получил возможность пользоваться крупными научными библиотеками. Особую роль в его судьбе сыграл знаменитый зоолог и палеонтолог академик П. П. Сушкин. Сдав экзамены за Мореходные классы, Ефремов уехал служить на Тихий океан, затем перевелся на Каспий. Возвратился в Ленинград. Сушкину устроил его в геологический музей. Ефремов работал препаратором, посещал лекции в университете и с 1925 года участвовал в палеонтологических экспедициях по СССР. В 20 лет Ефремов опубликовал свою первую научную работу. В 1935 году экстерном закончил геологоразведочный факультет Ленинградского Горного института. В 1940 г. получил степень доктора биологических наук. Его имя приобрело большую известность после выхода в свет монографии «Тафономия и геологическая летопись» (1950). В 1952 году эта монография была отмечена Государственной премией. Ефремов заведовал лабораторией в Палеонтологическом институте (до 1959). Писательское творчество Ефремова связано с болезнью: в 1942 году он оказался надолго прикованным к постели.

В это время был создан цикл первых приключенческих и научно-фантастических новелл. С 1944 г. эти рассказы публиковались в «Новом мире», «Технике молодежи» и военных журналах. Стали выходить отдельные сборники. Во второй половине 1950-х появился научно-фантастический роман «Туманность Андромеды» (1957). Последний период жизни и творчества оказался очень нелегким для Ефремова: огромной работы потребовали три романа, катастрофически ухудшалось здоровье. Кроме того, чем больше росла популярность Ефремова-писателя, тем больше находилось оппонентов, в особенности по поводу уровня «художественности» его произведений. К произведениям начали предъявлять требования с позиций жизнеподобного реализма и его социально-психологических жанров, не учитывая различных модификаций романтических форм в современном искусстве, а также собственно ефремовских приемов условности. Антиутопия «Час Быка» была написана в годы политической и духовной стагнации, и ситуация оказалась узнаваемой. Роман успел прорваться в печать («Техника – молодежи», 1968 и «Молодая гвардия», 1969, отдельное издание, 1970), но исчез из библиотек, библиографических справочников и работ о фантастике, не вошел в первое собрание сочинений Ефремова. Научно-фантастический роман И. Ефремова «Час быка» в отзыве КГБ в 1970 г. был расценен как завуалированная клевета на советскую действительность. С этой запиской КГБ были ознакомлены все секретари ЦК КПСС. Главного редактора журнала «Молодая гвардия» освободили от должности, а Ефремову в отделе культуры ЦК КПСС дали необходимые разъяснения [113, с. 242]. Умер Иван Ефремов в 1972 году, не дождавшись выхода в свет своего первого собрания сочинений. Похоронен в Комарово.

Иванов Анатолий Степанович (1928-1999). Родился в семье крестьянина в селе Шемониха Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики Казахского университета (1950). Творческую деятельность начал в 1948 году как журналист в газете «Прииртышская правда»

(Семипалатинск), был военнотружашим, затем редактором районной газеты «Ленинское знамя» в Новосибирской области. В 1952 году вступил в КПСС. С 1954 начал публиковать прозу. Член Союза писателей СССР (1958). Член правления СП РСФСР (с 1965), СП СССР (с 1970). Секретарь правления СП СССР (1984-91). Заместитель главного редактора журнала «Сибирские огни» (1958-1964). В конце 1960-х перебрался в Москву. С 1972 года был назначен главным редактором журнала «Молодая гвардия», заменив редактора, смещенного после публикации в журнале романа И. Ефремова «Час Быка». Занимал этот пост до 1996 г. Был одним из идейных руководителей писателей патриотического направления. Награды: Ордена Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени. Государственная премия РСФСР за роман «Вечный зов» (1971). Государственная премия СССР за сценарий к телесериалу «Вечный зов» (1979). Премия Ленинского комсомола (1980), КГБ СССР (1983). Международная премия имени М. А. Шолохова. Герой Социалистического Труда (1984).

Кожевников Вадим Михайлович (1909-1984). Родился Кожевников в семье врача – политического ссыльного в г. Нарым Томской губернии. Документы Томского архива указывают, что отец советского писателя и, возможно, мать были меньшевиками. Репрессивные меры первой половины 1920-х годов в отношении партии меньшевиков их не затронули: им удалось срочно покинуть Томск (1926 г.). С раннего детства В. Кожевников слышал ожесточенные политические споры: о жизни и путях страны, народа, о войне и мире, о земле и воле. Свидетельство об образовании было выдано В. Кожевникову Московским губоно в 1927 году [92]. В 1933 году В. Кожевников окончил литературно-этнологический факультет МГУ. Первый рассказ его опубликован в 1930 г., в 1939 г. вышел первый сборник рассказов. В годы Великой Отечественной войны Кожевников – военный корреспондент газеты «Правда». В 1942-43 гг. публиковал сборники рассказов о войне. В 1943 году вступил в КПСС. С 1949 года Кожевников – главный редактор журнала

«Знамя» и секретарь правления Союза Писателей СССР. В 1959-65 гг. и с 1970 г. – секретарь правления Союза Писателей РСФСР. В 1960 году была опубликована его повесть «Знакомьтесь, Балугев». В 1962-1963 гг. В. Кожевников выступил как автор сценария фильма «Знакомьтесь, Балугев». Последний его роман на тему социалистического труда – «Корни и крона» (1982). Награды и звания: Государственная премия СССР (1971) за повести «Особое подразделение» и «Петр Рябинкин», Герой Социалистического Труда (1974). Награжден орденом Ленина, четырьмя другими орденами, а также медалями. Депутат Верховного Совета СССР 7 и 8 созывов. Книги Кожевникова переводились на языки народов СССР и иностранные языки.

Кочетов Всеволод Анисимович (1912-1973). Родился в Новгороде в многодетной крестьянской семье, из которой ушел отец. В 1925 г. Кочетов приехал в Ленинград. На бирже труда получил путевку на судостроительный завод. Работал также грузчиком в порту. Окончил школу-семилетку, затем сельскохозяйственный техникум. Работал агрономом в совхозе под Ленинградом (с 1931), в Подмоскowie, научным сотрудником сельскохозяйственной опытной станции под Ленинградом. С 1934 г. начал печататься в многотиражках. Работал в многотиражной газете г. Павловска Ленинградской области и «Ленинградской правде». По состоянию здоровья Кочетов был освобожден от службы в армии, но в годы Великой Отечественной войны на Кировском заводе он вступил в народное ополчение, работал на фронтах корреспондентом «Ленинградской правды». В послевоенные годы продолжал публиковаться, вступил в СП СССР. Роман «Журбины» (1952), в основу образов которого легли реальные характеры и судьбы ленинградских судостроителей, принес Кочетову огромный успех. Роман переиздавался более 20 раз, по нему был снят фильм «Большая семья», на Всесоюзном конкурсе ВЦСПС он был признан лучшим произведением о рабочем классе. По роману была написана пьеса, которую ставили все театры страны. В 1953-55 гг. Кочетов возглавлял ленинградское отделение СП СССР. Член КПСС. Член

редколлегий журналов «звезда» и «Нева». С 1955 г. Кочетов жил и работал в Москве. Был главным редактором «ЛГ», журнала «Октябрь» (1961-1973). Избирался членом правления СП СССР. Был членом Советского комитета защиты мира. Кочетов считал: никакая форма не спасет произведение от читательского безразличия, если в нем не будет народности – великих социальных преобразований и страстной партийности. Принцип партийности, которому строго следовал Кочетов, привел на страницы журнала «Октябрь» многих посредственных авторов. В СССР вышло 100 изданий книг Кочетова, собрания сочинений, миллионными тиражами. Произведения Кочетова включались в вузовские и школьные программы, по ним защищались диссертации. Судьба писателя трагична: в возрасте 61 года покончил жизнь самоубийством.

Лавровы Александр и Ольга. Александр Сергеевич Лавров родился в 1929 году. В 1955 году окончил Московский юридический институт. Несколько лет проработал в следственных органах МВД. Ольга Александровна Лаврова в 1956 году окончила полиграфический институт (редакторский факультет). Посвятила себя журналистике, занималась детективной литературой. Первым совместным проектом Александра и Ольги Лавровых стал документальный фильм «Петровка, 38», продемонстрировавший деятельность всех звеньев оперативных служб столичной милиции. Главным произведением Александра и Ольги Лавровых стал цикл «Следствие ведут знатоки», первые серии которого появились на ЦТ в 1971 году.

Леонов Николай Иванович (1933-1999). Писатель и кинодраматург, классик советского детектива. Родился в Москве. Окончил Всесоюзный заочный юридический институт (1964). Был членом КПСС (с 1963). Прежде чем стать профессиональным писателем, проработал 10 лет в МУРе. Начиная с самого низа: охранял чемоданы иностранцев на вокзалах, занимался задержанием карманных воров, стоял на скупках, вылавливая краденые вещи. Потом, уже став милицейским начальником, утверждал, что знание «улицы»

помогает в работе оперативника любого ранга. В 1963 году в звании капитана он ушел из органов МВД и занялся литературным творчеством. Премия Союза писателей СССР и МВД СССР (1981). Член Союза писателей СССР (1982). В 1990-е годы изредка печатался в литературных журналах. По сведениям прессы, Н. Леонов в 1990-е гг. был одним из самых высокооплачиваемых авторов в стране. Предложения от издательств колебались в районе 20-30 000 \$ за новый роман, но писатель остался верен издательству ЭКСМО, которое усиленно пропагандировало его творчество.

Липатов Виль Владимирович (1927-1979). Родился в Чите. Отец – из семьи ссыльнопоселенцев, журналист, сотрудник читинской областной газеты «Забайкальский рабочий», мать – преподаватель литературы средней школы. Детство Липатов провел в сибирской деревне. В 1942 году В. Липатов поступил в Новосибирский институт военных инженеров транспорта, затем перевелся на отделение истории Томского педагогического института (1948–1952, окончил экстерном). Еще студентом Липатов начал работать в томской областной и районной газетах (до 1958). Первые рассказы опубликовал в журнале «Юность» (1956). Затем работал в Чите. В 1957 году вступил в КПСС. В 1965 г. писатель перебрался в Брянск, работал специальным корреспондентом газеты «Советская Россия». С 1967 г. обосновался в Москве, был корреспондентом газет «Известия», «Правда», «Литературная газета». Член СП СССР. В последние годы жизни Липатов занимал пост секретаря правления Союза писателей СССР. Шумный успех и широкую известность принесла Липатову повесть «Деревенский детектив» (1967-1968). Лауреат премии Ленинского комсомола (1978) за сценарий телефильма «И это всё о нём». Липатов страдал от алкоголизма, в 1972 году прошел стационарное лечение, но формально. По воспоминаниям поэта Н. Старшинова, который в то же время проходил лечение в той же клинике, Липатов не принимал назначенных лекарств. Объяснял свое поведение так: «Да меня заставили пройти принудительное лечение. Если бы я отказался от него, меня сняли бы с работы и исключили из

партии. А так я как бы пройду курс лечения, получку об этом справку. А употреблять-то все буду по-прежнему. Без этого у нас не обойдешься». По одной из версий, на раннюю смерть писателя повлияло пристрастие к наркотикам [165].

Лиханов Альберт Николаевич родился в 1935г в г. Киров. Отец – слесарь, мать – лаборант в больнице. Окончил отделение журналистики Уральского университета (1958). Был членом КПСС (с 1962). Работал литературным сотрудником газеты «Кировская правда» (1958), редактором газеты «Комсомольское племя» в Кирове (1961-1964), собкором газеты «Комсомольская правда» в Новосибирске (1964-1966), инструктором отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ (1966-1967), ответственным секретарем, затем главным редактором журнала «Смена» (1967-1988), директором НИИ детства АПН РСФСР (1988-1991). Председатель правления Советского Детского фонда (с 1987). Печатался с 1958. Выпустил около 40 книг прозы, преимущественно для подростков и юношества. Более 100 книг выпущено в переводе на английский, греческий, испанский, польский, японский языки и на языки народов СССР. Член СП СССР (1970). Избирался членом правления СП РСФСР (с 1985) и СП СССР (до 1991). Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1984), «Знак Почета», медалями. Премия Ленинского комсомола (1976), Государственная премия РСФСР (1980), международная премия социалистически стран им. М. Горького (1983) и др. [268, 269]. В жизни писатель не всегда исповедует те ценности, которые декларирует в своей прозе. Не случайно его имя часто оказывается в центре различных финансовых скандалов [165].

Марков Георгий Мокеевич (1911-1991). Родился в селе Томской губернии, в семье сибирского охотника-промысловика. Вступив в комсомол (1924), начал активную общественную деятельность. Заведовал теоретическим отделом Новосибирского крайкома комсомола, выступал в местных молодежных периодических изданиях, был их редактором. Печататься начал в

1936. Первый роман-эпопея «Строговы» (1939-1946). В годы Великой Отечественной войны Марков – специальный корреспондент газеты «На боевом посту» Забайкальского фронта, вместе с войсками которого был участником разгрома японской Квантунской армии. В 1950-х годах Марков – ответственный секретарь иркутской писательской организации, редактор альманаха «Новая Сибирь». В 1956 г. переехал в Москву, где занял пост секретаря правления СП СССР, с 1971 года – первого секретаря, в 1977-1989 – председателя правления СП СССР. В эти же годы был избран депутатом ВС СССР, членом ЦРК КПСС (1966-1971), членом ЦК КПСС (с 1971). В 1979 г. назначен председателем Комитета по Ленинским премиям в области литературы, искусства и архитектуры. В романе «Соль земли» (1949-1959) Марков продолжил историю крестьянской семьи Строговых. Роман «Отец и сын» (1963-1964), посвященный сложным процессам социалистического переустройства в деревне, построен почти исключительно на биографическом материале. Масштабный роман «Сибирь» (1969-1973). Незавершенный роман «Грядущему веку» (1981-1982). Многие произведения Маркова стали основой сценариев кино- и телефильмов. Государственная премия СССР (1952), Ленинская премия (1976). Дважды Герой Социалистического Труда (1974, 1984). С началом перестройки Марков добровольно сложил с себя все административные и общественные обязанности, не смирившись с коренными переменами в стране.

Нагибин Юрий Маркович родился 3 апреля 1920 года в Москве. Его отец был расстрелян как участник белогвардейского восстания в Курской губернии. Усыновил Юрия друг отца Марк Левентал. Марк Левенталь тоже был репрессирован (сослан). В 1938 Нагибин окончил школу с отличием и поступил в Московский медицинский институт. Интересы к врачебному делу у него не возникло, и он перешел учиться на сценарный факультет ВГИКа. В 1941 году опубликовал первые рассказы. Окончить институт не удалось: началась война. Нагибин был призван в армию и осенью 1941 отправлен в политуправление

Волховского фронта. В 1942 Нагибин служил на Воронежском фронте: разбирал вражеские документы, выпускал пропагандистские листовки, вел радиопередачи. В том же году вступил в Союз писателей СССР. На фронте был дважды контужен, комиссован по состоянию здоровья. Работал военным корреспондентом газеты «Труд». Фронтной опыт воплотил в рассказах. После войны работал журналистом «Правды», «Труда», «Социалистического земледелия», «Смены». Авторская известность пришла к Нагибину в начале 1950-х. Рассказы «Ночной гость» и другие оказались «добро замеченными читателями». Рассказы «Хазарский орнамент» и «Свет в окне», опубликованные в «оттепельном» альманахе «Литературная Москва», вызвали гневный окрик в партийной печати. Однако буквально год спустя в «Библиотечке "Огонька"» появились рассказы, написанные по законам соцреализма, и Нагибина «реабилитировали». Как отмечает Юрий Кувалдин, «ему постоянно приходилось балансировать на грани диссидентства и правоверности». На основе материалов и наблюдений послевоенных журналистских лет родилась повесть «Страницы жизни Трубникова» (1962), ставшая исторически самым «звездным» часом Нагибина. Именно эта повесть послужила сценарной основой фильма А. Салтыкова «Председатель» (1964). Фильм стал событием тех лет. Творчество Нагибина органично вписывалось в тенденции «деревенской» прозы, но писатель Нагибин не ограничился «деревенской» и «производственной» темами. Появились вполне «городские» автобиографические циклы. Успех книг Нагибина в целом в эти годы объясняется волнующей лирической исповедальностью, искренностью интонаций, легкостью и ясностью слога, богатой метафоричностью, обязательным финальным аккордом, в котором давалась морально-этическая оценка рассказанной истории. Умер Ю. Нагибин в Москве в 1994.

Николаева (наст. фамилия Волянская) Галина Евгеньевна (1911-1963). Родилась в деревне Усманка, ныне Мариинского района Кемеровской области, в семье учителя. Окончила Горьковский медицинский институт (1935). После

окончания института осталась работать на кафедре фармакологии. С 1939 публиковалась в газете «Горьковская правда», выступала в разных жанрах (стихи, новелла, очерки). В годы Великой Отечественной войны работала врачом-ординатором на плавучем эвакогоспитале, продолжала писать и публиковать стихи. В 1945 г. переехала в Москву и стала литературным сотрудником журнала «Знамя». Произведения писательницы переведены на многие иностранные языки и языки народов СССР. Награждена двумя орденами, а также медалями. В 1951 году – Государственная премия СССР. М. Веллер упоминает о том, что Г. Николаева была жертвой политических репрессий, 10 лет отсидела в лагерях [33, с. 195].

Радзинский Эдвард Станиславович. Родился в 1936 г. в Москве, в семье переводчика, драматурга С. Радзинского. Окончил Московский историко-архивный институт (1959). Литературную деятельность начал в студенческие годы. Дебютировал как драматург. Член Союза писателей СССР (1963). Скандал вызвала пьеса «Спортивные игра 1981 года» (1986). Чиновники пришли в ужас от рассказа об интригах и коррупции в отечественном спорте [171]. Премия «ЛГ» (1988).

Распутин Валентин Григорьевич. Родился в 1957 г. в Иркутской области, в крестьянской семье. Работал журналистом (1958-66) в Иркутске и Красноярске. Печатался с 1961 г. в альманахе «Ангара». Член Союза писателей СССР (1967). Избирался членом правления и секретарем СП РСФСР (с 1975), членом правления и секретарем СП СССР (1981 – август 1991). Член редколлегии журнала «Наш современник» (с 1975). Герой Социалистического Труда (1987). Награжден орденами Ленина (1984, 1987). Государственная премия СССР (1977, 1987), премии еженедельника «Литературная Россия» (1986), журнала «Наш современник» (1976, 1988 и т.д.). Занимает последовательную антилиберальную позицию. Живет в Иркутске.

Рекемчук Александр Евсеевич (1927). Родился в Одессе. Отец – журналист и контрразведчик, был расстрелян в 1937 г. В 1937 году Рекемчук

дебютировал как поэт. Окончил артиллерийское училище (1946). В 1948 году вступил в КПСС. Заочно закончил Литинститут (1952). Работал журналистом в Коми АССР (1947-59), спецкором журнала «Огонек», ответственным секретарем газеты «За газификацию», собкором газеты «Красное знамя» в Коми АССР (1954-63), заместителем главного редактора журнала «Молодая гвардия» (с 1963), главным редактором студии «Мосфильм» (1964-67), членом редколлегии журналов «Знамя» (1966-70), «Новый мир» (1970-86). Член СП СССР (1957). Был секретарем правления Московской организации СП РСФСР (1970-77), членом правления СП СССР (1971-91). С 1975 года ведет семинар прозы в Литинституте (профессор с 1988). Награжден орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», Дружбы народов, медалями. Премия еженедельника «Литературная Россия» (1986).

Родионов Станислав Васильевич. Родился в 1931 г. в Туле. Почти сразу после школы работал в геологоразведочных партиях на Дальнем Востоке и в Казахстане. Окончил заочно юридический факультет ЛГУ (1960). В течение 13-ти лет работал старшим следователем прокуратуры Ленинграда; младший советник юстиции. Работал также корреспондентом газеты «Вечерний Ленинград», преподавателем ЛГУ, юрисконсультom. Автор книг криминальной прозы. Член Союза писателей СССР. Премии МВД СССР и СП СССР. Живет в Санкт-Петербурге [165, 268].

Розов Виктор Сергеевич. Родился в 1913 г. в Ярославле, в семье бухгалтера. В Костроме окончил школу, работал на местной текстильной фабрике. Учился в индустриальном техникуме, но после 1-го курса ушел. С 1931 года – актер Костромского ТЮЗа. В 1934 г. поступил в училище при московском Театре Революции (класс М. И. Бабановой), по окончании которого стал актером. Участник Великой Отечественной войны с 1941 года. Воевал в народном ополчении Красной Пресни, был тяжело ранен и отправлен на лечение в тыл. После выздоровления и получения инвалидности Розов поступил на заочное отделение Литературного института им. М. Горького в

Москве. По свежим впечатлениям фронта написал первую пьесу, которая была впервые опубликована в 1956 г. под названием «Вечно живые». В 1952 г. закончил Литературный институт. Рождение Розова как драматурга произошло после постановки пьесы «В добрый час!» в ЦДТ (1954). Пьеса была тепло встречена зрителями и критиками. Розов – член Союза писателей СССР (1952). Был членом правления СП РСФСР (с 1985), секретарем правления СП СССР (1986-91). Был членом редколлегии журнала «Юность» (1955-69), альманаха «Современная драматургия» (с 1982) и др. изданий. Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, «За оборону Москвы», «За победу над Германией», Трудового Красного Знамени (1969, 1988), «Знак Почета» (1973), Дружбы народов (1983). Государственная премия СССР (1967).

Рощин (Гибельман) Михаил Михайлович. Родился в 1933 г. в Казани. Отец был судостроителем. Детские годы М. Рощина прошли в Севастополе. В 1943 г. семья переехала в Москву. После школы М. Рощин работал на заводе фрезеровщиком и учился на вечернем отделении пединститута. Окончил заочно Литературный институт им. М. Горького (1958). Член КПСС (1958). Работал литературным сотрудником журнала «Знамя», затем «Новый мир». Печатался с 1952 г. Известность Рощину принесла пьеса «Валентин и Валентина». Член Союза писателей СССР (1966). Избирался членом Ревизионной комиссии СП РСФСР (1985-91) и Центральной Ревизионной комиссии СП СССР (1986-91). Награжден орденом «Знак Почета» (1984). Премия газеты «Московский комсомолец» (1952). Другие премии – в 1990-е годы и позже [165, 268].

Семенов (Ляндрес) Юлиан Семенович (1931-1993) родился в Москве. Отец – литератор, мать – учительница. После школы окончил Институт востоковедения в Москве (1953). Работал ассистентом в МГУ, преподавал афганский язык (пушту) и одновременно учился там же на историческом факультете. Работал в Кабуле (Афганистан) переводчиком с афгани и спецкором журнала «Огонек». С 1958 печатался в журналах «Огонек» и «Смена». В 1962-67 гг. был членом редколлегии журнала «Москва», затем

работал за рубежом корреспондентом «Литературной газеты». По неуточненным данным, активно сотрудничал с КГБ СССР, что позволило ему путешествовать по всему миру и пользоваться засекреченными архивными материалами. Остросюжетные, приключенческие произведения Ю. Семенова пользовались популярностью у читателей, почти все были экранизированы и пользовались большим успехом у зрителей. Член СП СССР (1960), секретарь правления СП РСФСР (1985-91), член правления СП СССР (1985-91). Награжден орденом Октябрьской Революции (1984), Дружбы народов, медалью. Государственная премия СССР (1977), премии журнала «Дружба народов» и строителей Нурекской ГЭС (1979), журнала «Знамя» (1984), МВД СССР (1986), КГБ СССР (1979, 1989). В 1986 г. Семенов стал Президентом Международной ассоциации детективного и политического романа (МАДПР) и главным редактором издания «Детектив и политика», много сделавшего для популяризации в СССР детективного жанра. Ю. Семенов принимал участие в поисках Янтарной комнаты, вывезенной фашистами из Ленинграда, опубликовав в газетах серию очерков на эту тему. Был организатором и первым главным редактором газеты «Совершенно секретно».

Соколова Алла. Талантливо начинала как актриса. Ученица известного киевского актера. Самостоятельно дебютировала в Душанбе, потом в Лиепаве, с 1967 по 1973 играла в знаменитом театре Рижской русской драмы под руководством А. Каца. Заочно училась в ГИТИСе, ее мастером была дочь великого Михоэлса. Среди лучших, ярких ее ролей – героини горьковских пьес: Наташа в «На дне», Анна в «Варварах». Из Риги в Ленинград она переехала, чтобы войти вместе с мужем в труппу Ленкома. Но студийное сотворчество она нашла не в театре, а в драматургической мастерской И. Дворецкого при ВТО. Взлет славы Аллы Соколовой пришелся на конец 1970-х. «Фантазии Фарятьева» были поставлены почти одновременно несколькими ведущими театрами страны: ленинградским БДТ (1976), московским «Современником», ЦТСА, Рижской драмой. Потом «Фантазии Фарятьева» пошли по всей стране, в

кино по этой пьесе снял фильм И. Авербах. Сама Соколова дебютировала в кино как сценарист фильма «Мой папа идеалист» (1981). Уже став известным драматургом, она в 1990-е годы с мужем и маленьким сыном объехала полстраны, разыгрывая пьесы собственного сочинения.

Стругацкие Аркадий Натанович и Борис Натанович. Видные русские советские прозаики, кинодраматурги, братья-соавторы, лидеры советской научной фантастики на протяжении трех последних десятилетий и самые известные советские писатели-фантасты за рубежом. Отец братьев Стругацких – искусствовед, мать – учитель. Аркадий Стругацкий (1925-1991) родился в Батуми, затем жил в Ленинграде. С началом Великой Отечественной Войны работал на строительстве укреплений, в гранатной мастерской. В конце января 1942 года вместе с отцом эвакуировался в Вологду. Там похоронил отца. В городе Ташле Оренбургской области работал на молокоприемном пункте, там же был призван в армию. Учился в Актюбинском артучилище. Весной 1943 года, перед самым выпуском, был откомандирован в Москву, в Военный институт иностранных языков. Окончил его в 1949 году по специальности «переводчик с английского и японского языков». Был на преподавательской работе в Канской школе военных переводчиков, служил переводчиком на Дальнем Востоке. Демобилизовался в 1955 году. Работал в «Реферативном журнале», затем редактором в Детгизе и Госполитиздате. Борис Стругацкий родился в 1933 г. в Ленинграде, туда же вернулся после эвакуации, окончил механико-математический факультет ЛГУ с дипломом астронома, работал в Пулковской обсерватории; с 1960 года – профессиональный писатель. Печатался, в основном, в соавторстве с братом. Широкая известность пришла к братьям Стругацким после публикации первых научно-фантастических рассказов, отличавшихся от других произведений тех лет большим вниманием к психологической разработке характеров. Стругацкие известны также переводами американской научной фантастики (под псевдонимами С. Победин и С. Витин). Борис Стругацкий – Член Союза Писателей, лауреат

Государственной премии РСФСР (1986). Руководитель семинара молодых фантастов при Санкт-Петербургской писательской организации. Живет в Санкт-Петербурге. М. Веллер: «Советской литературы не существует <...> без гигантских фигур великих русских писателей – братьев Стругацких. Все уже забыли, кто такой Юрий Трифонов – гигант советского реализма; уже забыли, кто такой Тендряков; уже плохо знают, кто такой Белов; удивляются, услышав, что Распутин еще жив. Это потому, что официальная табель о рангах с реальной не имеет ничего общего. Потому что Стругацкие, которые писали очень просто и очень смачно, были мудрыми писателями и блестящими стилистами» [33].

Шестаков Павел Александрович (1932-2000). Родился в г. Ростов-на-Дону. Окончил историко-филологический факультет Ростовского университета (1954). Был членом КПСС. Работал школьным учителем, научным сотрудником в краеведческом музее, редактором в Ростовском издательстве (1959-61), в редакции журнала «Дон» (1961-68), собкором «ЛГ» в Ростове-на-Дону (1970-82). Печатался с 1966 года – повесть «Страх высоты» в журнале «Урал». Детективная проза Шестакова публиковалась в журналах «Урал» и «Дон». Произведения Шестакова выпущены общим тиражом более 1 млн. экземпляров, изданы в переводе на болгарский, чешский, немецкий языки. Член СП СССР (1971). Серебряная медаль и премия им. Н. Г. Кузнецова (1981). Почетная грамота Президиума ВС РСФСР (1982). Всю жизнь прожил в Ростове-на-Дону. Умер и похоронен там же.

Штейн (Рубинштейн) Александр Петрович (1906-1993). Родился в Самарканде. В начале 1920-х был участником Гражданской войны, служил в местных ЧОН. Работал в газете Бухарской группы войск репортером. В 1923 г. переехал в Петроград, учился в ЛГУ, но не окончил, занялся журналистикой. В 1930-е был главным редактором ленинградского театрального журнала «Искусство и жизнь». Драматургическое творчество Штейна началось в конце 1920-х. В годы Великой отечественной войны Штейн был политруком на

крейсере «Октябрьская революция», служил батальонным комиссаром, редактором крейсерской многотиражки. С осени 1941 до окончания ленинградской блокады работал спецкором газеты «Красный флот» в Ленинграде и Кронштадте. По его сценариям в годы войны были сняты кинофильмы. Все встречи и впечатления войны отразились в его лучших драматургических произведениях. Умер в 1993 году в Москве.

Шукшин Василий Макарович (1929-1974). Родился в с. Сrostки Алтайского края. Отец в 1933 г. был арестован. Отчим погиб на фронте в 1942 г. Подростком Шукшин работал в колхозе. В 1944-47 гг. учился в Бийском автомобильном техникуме. Затем работал в Кемерово, Владимире, Подмосковье. В 1949-52 гг. служил радистом на Черноморском флоте. После демобилизации вернулся в родное село, два года работал директором вечерней школы. В 1954-61 г.г. учился в Москве во ВГИКе на режиссерском отделении. Начал печататься в 1958. Был членом КПСС. В 1964 г. по своему сценарию снял фильм «Живет такой парень», удостоенный на 16-м Международном кинофестивале в Венеции приза «Золотой лев св. Марка». Фильм «Ваш сын и брат», снятый Шукшиным также по своему сценарию, в 1967 г. был удостоен Государственной премии РСФСР. Другие награды: премия имени братьев Васильевых (1967), заслуженный деятель искусств РСФСР (1969), Государственная премия СССР (1971) за роль в фильме С. Герасимова «У озера», Ленинская премия (1976, посмертно). Умер от сердечной недостаточности в ходе съемок фильма «Они сражались за Родину».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Методология изучения хозяйственной культуры по текстам массовой литературы	7
1.1. Теоретические подходы к пониманию повседневной хозяйственной культуры	7
1.2. Историография советской хозяйственной культуры и повседневности . . .	26
1.3. Массовая литература как феномен культуры	41
1.4. Массовая литература и повседневность	55
Глава 2. Советское массовое общество и хозяйственная культура России 1960-х - 1980-х	66
2.1. Советское массовое общество как субъект культуры	66
2.2. Советская хозяйственная культура специализированного уровня	78
2.3. Повседневный уровень хозяйственной культуры	117
Глава 3. Советская массовая литература 1960-х–1980-х и повседневность . .	149
3.1. Культурные особенности советской массовой литературы	149
3.2. Критерии и практика отбора текстов для изучения повседневной хозяйственной культуры	167
Заключение	206
Литература	211
Приложения	235

Научное издание

СИДОРОВА Галина Петровна

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ
1960–1980-х ГОДОВ В МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ**

ЛР № 020640 от 22.10.97.

Подписано в печать 22.11.2010. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 16,28. Тираж 100 экз. Заказ 1369.

Ульяновский государственный технический университет
432047, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, 32.

Типография УлГТУ, 432027, г. Ульяновск, ул. Сев. Венец, 32.

